

С пользой
для Отечества

12+

Краеведческий журнал

Темы номера:

Фото Сергея Ойкина

Имена писателей
на карте
Ульяновской области

Земля
литературных
танантов

«Край – отчизна поэтов»

Ульяновский
маршрут

Анна Караваева:
«Мне бы своё написать»

У кратера
Пектусана

Писатель-путешественник
Н.Г. Гарин-Михайловский

Венец. Открытка.
Начало XX века

На Венце бывали Н.М. Карамзин, Г.В. Державин, И.И. Дмитриев, В.А. Жуковский, С.Т. Аксаков, А.С. Пушкин, Н.М. Языков, Д.П. Ознобишин, И.А. Гончаров, А.Н. Островский, Д.Н. Садовников, А.А. Коринфский, Д.В. Григорович, В.А. Соллогуб, В.В. Розанов, В.В. Хлебников, А.Н. Толстой, А.С. Грин, А.С. Глинка, А.П. Платонов, М.Л. Премиров и многие другие писатели.

Для полноценного гражданина Отечества характерна гордость за принадлежность к народу, сыны и дочери которого отличились героизмом и талантами. Симбирская–Ульяновская земля – родина множества героев и выдающихся деятелей науки, культуры, искусства и литературы. Изучение жизненного пути и творчества литераторов – уроженцев края, а также связей А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, С.Т. Аксакова с Симбирским Поволжьем может служить действенным средством патриотического воспитания и интеллектуального развития детей и юношества. Очень важно также повсеместно расширять в нашей области движение «Начни с себя!», участники которого занимаются благоустройством территорий старинных усадеб и парков, многие из которых справедливо заслужили почётный статус литературных мест.

Под литературным местом мы понимаем объект, позволяющий музейному работнику, экскурсоводу, краеведу, преподавателю литературы информировать слушателей о происхождении, предках и потомках, личности, биографии и творчестве литератора. Ими могут быть дорога, дерево, здание, гора, река, роща и парк, даже болото, если в его окрестностях охотился С.Т. Аксаков. К сожалению, обозначение литературных мест указателями, пояснительными стендами в Ульяновской области – большая редкость, а литературный туризм не развит. Между тем возможна разработка десятков интересных познавательных маршрутов по областному центру и региону. Они могут быть внутригородскими, внутрирайонными, межрайонными и одноцелевыми, предпринимаемыми для посещения единственного объекта, например, могилы Минаевых или праправнука А.С. Пушкина Саши Пушкина (1936–1942) на старом ульяновском кладбище по улице К. Маркса.

Реализации маршрута должно предшествовать знакомство экскурсоводов с биографией литератора, его творчеством. Прежде всего, имеется в виду внутриобластной туризм. Администрации районов и поселений в целях воспитания и просвещения сограждан, развития экономики и повышения престижа своей местности обязаны уделить должное внимание содержанию и пропаганде имеющихся достопримечательностей.

Давайте посмотрим, каким огромным потенциалом обладает наша область в развитии литературных мест и литературного туризма. В Ульяновске много литературных достопримечательностей. Назовём прежде других Венец – верхнюю набережную Волги. Здесь бывали Н.М. Карамзин, Г.В. Державин, И.И. Дмитриев, В.А. Жуковский, С.Т. Аксаков, А.С. Пушкин, Н.М. Языков, Д.П. Ознобишин, И.А. Гончаров, А.Н. Островский, Д.Н. Садовников, А.А. Коринфский, Д.В. Григорович, В.А. Соллогуб, В.В. Розанов, В.В. Хлеб-

ников, А.Н. Толстой, А.С. Грин, А.С. Глинка, А.П. Платонов, М.Л. Премиров и многие другие отечественные и зарубежные писатели, например Джанни Родари.

Над Волгой находился дом Карамзиных, зарисованный А.С. Пушкиным, и стоял дом, где родились и жили А.И. и Н.И. Тургеневы, зарисованный В.А. Жуковским. Описание набережной и подгорья содержат поэма М.Ю. Лермонтова «Сашка» и книга «Русский Нил» В.В. Розанова.

На Венце сохранилось несколько зданий, где трудились и бывали литераторы. Это здание симбирского Дворянского собрания, открытое 1 января 1847 года (ныне областная научная библиотека). Здесь бывали И.А. Гончаров, П.В. Анненков, М.И. Чайковский, В.В. Розанов, В.В. Хлебников, А.С. Грин, М.С. Шагинян. В феврале 1973 года с чтением своих стихов здесь выступал Е.А. Евтушенко.

К зданию Дворянского собрания в 1902 году было пристроено здание

пансионата-приюта по проекту А. Шодэ. С 1911 года размещалась 2-я мужская гимназия. До Октябрьской революции в нём учился будущий поэт Г.А. Глинка (1903–1989), потомок литератора С.Н. Глинки, в 1940-е на кафедре преподавали М.К. Станишева – внучка В.И. Даля и Н.Я. Мандельштам – вдова поэта. В здании присутственных мест (ныне сельхозакадемия), построенном в 1804–1807 годах по типовому проекту А.Д. Захарова, побывал в 1837 году В.А. Жуковский, служили М.Н. Островский – брат драматурга А.Н. Островского, либреттист и мемуарист М.И. Чайковский – брат композитора П.И. Чайковского, Д.Н. Набоков – дед В.В. Набокова.

Невдалеке от Венца находится здание губернской гимназии, открытой в 1809 году, где учились Дмитрий Минаев, Дмитрий Садовников, Аполлон Коринфский, Василий Розанов, Велимир Хлебников, Александр Глинка (Волжский), Георгий Маслов. С серебряной медалью школу окончил И.П. Золотуский, ведущий специалист по творчеству Н.В. Гоголя. В здании гимназии читал свою речь о Н.М. Карамзине академик М.П. Погодин, выступали С.В. Михалков, Р.И. Рождественский, Р.Г. Гамзатов.

На набережной Волги сохранился дом, где жил Скиталец, на ул. Красноармейской, д. 7 – дом, где проживал с родителями поэт Вольф Эрлих, которому С.А. Есенин посвятил своё последнее стихотворение.

Genius loci (гений места) зовёт нас подойти к памятнику Н.М. Карамзину, размещённому напротив гимназии. Деньги на его сооружение внесли И.И. Дмитриев, А.С. Пушкин и многие другие литераторы.

К югу от гимназии находится старинное здание театра с бывшей Троицкой гостиницей при нём. Кутежи «диких помещиков» в номерах этой гостиницы в нескольких своих произведениях отобразил А.Н. Толстой. На сцене театра драмы читали свои произведения Скиталец и Е.Н. Чириков. По соседству с театром в 1876 году было построено здание кадетского корпуса, в котором в 1918 году побывал Ярослав Гашек. Спустившись вниз по бывшей Московской (ныне Ленина) улице, мы окажемся у дома, в котором в 1812 году родился И.А. Гончаров. Здесь ныне располагается музей писателя. На противоположной стороне улицы увидим сквер с памятником И.А. Гончарову и «философским диваном И.И. Обломова». Сквер разбит на месте снесённого в 1930-е годы Спасо-Вознесенского собора, в котором крестили братьев Языковых, И.А. Гончарова и Ольеньку Аксакову, внучку С.Т. Аксакова, которой писатель посвятил сказку «Аленький цветочек», а затем и всё второе издание своих сочинений. Взяв от сквера курс на бывший Покровский монастырь, пройдем мимо особняка Ермоловых, родственников Н.М. Языкова.

В 1698 году в Симбирске был заложен мужской Покровский монастырь. В первой трети XVIII века при нём образовалось кладбище, где захоронения производились до 1925 года. Кладбище существовало до 1932 года, затем подверглось разгрому. Многие надгробия были уничтожены, другие засыпаны землёй. Здесь были захоронены родственники многих литераторов: Н.М. Карамзина. С.Т. Аксакова, Ф.И. Тютчева, И.И. Дмитриева, А.С. Грибоедова, А.К. Толстого, Л.Н. Толстого, А.Н. Толстого, Н.М. Языкова. А.Д. Синаевского, С.А. Нилуса.

Назовём престижные литературные места по районам Ульяновской области, которые должны стать опорой развитию туризма в крае.

В Ульяновском районе – с. Тетюшское, бывшее владение В.Н. Татищева, деревня Линёвка, бывшее владение прадеда Михаила Лермонтова – А.Е. Столыпина, где, предположительно, родилась Е.А. Столыпина (Арсеньева) – бабушка поэта.

В Майнском районе – с. Карамзинка (Знаменское), бывшее имение родителей Н.М. Карамзина. Сёла Аксаково и Чуфарово – бывшие имения предков и родителей С.Т. Аксакова; в селе Тагай в пересыльной тюрьме содержался самый знаменитый поэт и художник украинского народа Т.Г. Шевченко.

В Карсунском районе – с. Языково, где обязательно следует восстановить усадебный дом, в котором останавливался А.С. Пушкин, и церковь. Напомним, что усадьбы Михайловское, Большое Болдино, Тарханы и многие другие – это практически «с нуля» восстановленные сооружения.

В Инзенском районе – с. Репьёвка, где бывали Аксаковы, В.И. Даль, Д.П. Ознобишин; остатки дома Н.П. Огарёва в Проломихе.

В Цильнинском районе – с. Степное Анненково, бывшее имение Грибоедовых – предков А.С. Грибоедова.

В Радищевском районе – с. Верхняя Маза, бывшее имение Д.В. Давыдова; с. Нижняя Маза, место рождения церковного писателя и музыковеда епископа Александра (Светлакова); Елшанка, родное село родителей писателя Венедикта Ерофеева, где он жил в детстве в доме бабушки во время Великой Отечественной войны.

В Новоспасском районе – деревня Алакаевка, с которой связана судьба ключницы Аксаковых, крепостной крестьянки Пелагеи – сказочницы, рассказавшей Сергею Аксакову сказку «Аленький цветочек» и многие другие.

В Чердаклинском районе – с. Коровино, где родилась мать А.Н. Толстого, писательница А.Л. Тургенева.

В Старомайском районе – село Новиковка – родина писателя И.Н. Скобелева и писателя А.С. Неверова; село Яшное Помрякино – родина сказочника А.К. Новопольцева; село Русский Юрткуль, где располагалось имение литературоведа Н.Н. Булича.

В каждом районе Ульяновской области есть литературные места, которые требуют пристального внимания, обустройства и изучения.

Сергей Петров

Участники проекта «Начни с себя!» в Языковском парке

Литературная карта Ульяновской области

Майнский район

С.Т. Аксаков (с. Аксаково)
Н.М. Карамзин (с. Знаменское)
А.А. Коринфский
(с. Ртишево-Каменка, ныне с. Полбино)

Сурский район

А.М. Горький (с. Архангельское)

Карсунский район

Н.М. Языков (п. Языково)
А.С. Пушкин (п. Языково)
И.И. Гольц-Миллер (г. Карсун)

Инзенский район

Н.П. Огарёв (с. Проломиха)
Д.П. Ознобишин (с. Троицкое,
ныне г. Инза)

Базарносызганский район

К.Г. Паустовский
(р.п. Базарный Сызган)

Барышский район

М.Н. Богданов (с. Русская Бекшанка)

Николаевский район

В.Н. Андреев-Бурлак (Андреев)
Н.П. Майоров
(д. Дуровка Сызранского уезда)
В.В. Ерофеев (с. Елшанка)

Павловский район

Ф.И. Панфёров (р.п. Павловка)

Цильнинский район

П.В. Анненков (с. Чириково)
В. Анисси (А.В. Княгинина)
(с. Нижние Тимеряны)
Е.О. Венский (Пяткин)
(с. Средние Тимеряны)
А.С. Грибоедов
(с. Степное Анненково)
В.А. Дедюхин (с. Телешовка)
А.А. Коринфский (с. Хохловка)
Н.С. Краснов
(с. Богородская Репьёвка)
Е.Н. Мотовилов (с. Русская Цильна)
В.Н. Назарьев (с. Новое Никулино)

Старомайнский район

А.С. Неверов (с. Новиковка)
А.К. Новопольцев
(с. Ясашное Помряскино)
И.Н. Скобелев (с. Новиковка)

Чердаклинский район

Н.Н. Благоев (с. Андреевка)
Н.Г. Гарин-Михайловский
(с. Тургенево)
Г.П. Кошкин (п. Победитель)
А.Н. Толстой (с. Коровино,
с. Тургенево, с. Архангельское)
Тургеневы (с. Коровино)

Мелекесский район

А. Весёлый (Н.И. Кочуров)
(г. Мелекес)
Д.В. Григорович
(с. Никольское-на-Черемшане)
А.Г. Лебедев (Александров)
(г. Мелекес)
В.А. Солмогуб
(с. Никольское-на-Черемшане)

Сенгилеевский район

В.А. Смирнов-Симбирский
(г. Сенгилей)
А.И. Солженицын (г. Сенгилей)
Е.Н. Чириков (г. Сенгилей)

Тереньгульский район

П.В. Тибушкин (с. Алёшкино)

Радищевский район

К.Я. Горбунов (с. Паньшино)
Д.В. Давыдов (с. Верхняя Маза)
И.И. Дмитриев
(с. Богородское Сызранского уезда)
М.А. Дмитриев
(с. Богородское Сызранского уезда)
В.В. Ерофеев (с. Елшанка)
Н.А. Панов (с. Софьино)
А.Н. Радишев (с. Дворянская
Терешка, ныне р.п. Радишево)
Д. Хармс (Д.И. Ювачёв)
(с. Дворянская Терешка,
ныне р.п. Радишево)

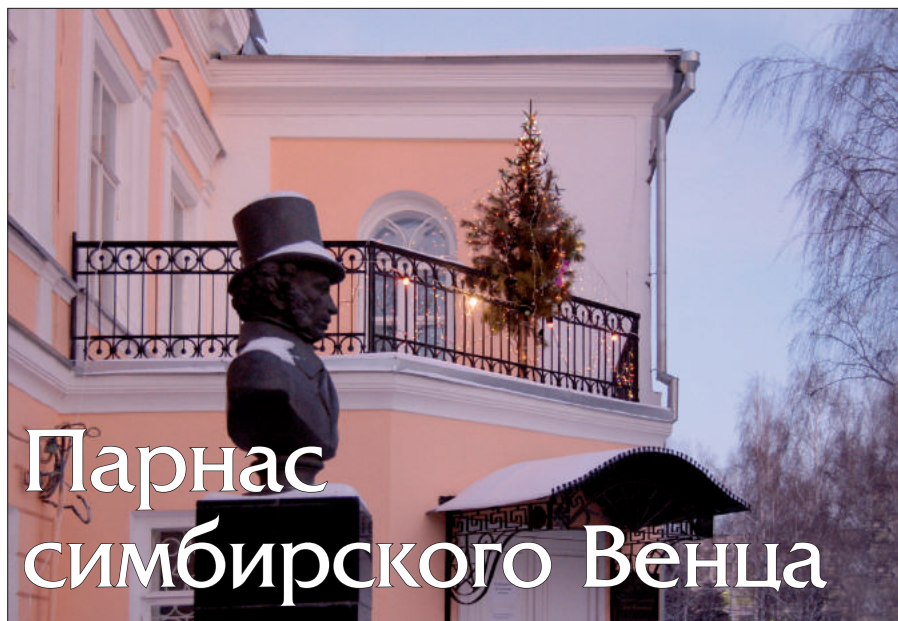
Новоспасский район

Бестужевы (с. Большая Репьёвка)
А.Ф. Воейков (с. Самайкино)

Фото Сергея Ойкина

Парнас симбирского Венца

Василий Андреев-Бурлак

Василий Николаевич Андреев-Бурлак (Андреев, 1843–1888) – актёр, чтец-рассказчик, писатель.

Родился в Симбирске. Первоначальное образование получил в Симбирской гимназии, а затем слушал лекции в Казанском университете. В 1863 году оставил учёбу и служил в коммерческом флоте на Волге, сначала помощником капитана, затем капитаном на пароходе «Бурлак» (отсюда псевдоним). Ещё гимназистом участвовал в любительских спектаклях. В Казани увлечение сценой окрепло. Осенью 1867 года Андреев-Бурлак дебютировал в симбирском театре. Много странствовал по России, играл на различных сценах. Наибольшей популярностью пользовался в Москве, где в 1879 году по его инициативе был основан частный русский драматический театр. Затем он принялся за постройку в Москве театра в Газетном переулке, который был открыт им в 1883 году как Русский драматический театр. Всероссийскую славу Андреева-Бурлака упрочили гастроли по Поволжью в 1883-м и 1884 годах. В.Н. Андреев-Бурлак стал первооткрывателем театра одного актёра, основоположником литературной эстрады.

Василий Николаевич получил известность и как автор рассказов, часть которых вышла в 1881 году в Петербурге под названием «На Волге». Его произведения, основанные на устных рассказах, публиковались в «Русской мысли», «Живописном обозрении», «Московском листке». В.Н. Андреев-Бурлак заслужил почётное место в истории драматического искусства и литературы.

Бекетовы

Бекетовы – первые деятели культуры нашего края, вышедшие из среды дворянства.

Платон Петрович Бекетов (1761–1836) стал издателем, пойдя по стопам известного просветителя Н.И. Новикова. В Москве Бекетову принадлежала лучшая типография, в которой он с особой тщательностью печатал лучшие сочинения русских писателей. Издал альбом «Портреты знаменитых россиян» и «Пантеон российских авторов».

Ещё более прославился Никита Афанасьевич Бекетов (1729–1794), «первый лицей» и писатель из симбирян. Н.И. Новиков говорит о нём в своём словаре: «В молодых своих летах много писал стихов, а более всего песен, из которых многие напечатаны в книгах: Собрание разных песен в 1769-м и 1770 годах. Его песни многими знающими людьми похваляются. Он сочинил также трагедию, но в свет её не издал». Он был талантливейшим постановщиком и участником сумароковских спектаклей.

Его игра вдохновила и предопределила жизненный путь Г. Волкова, организатора русского профессионального театра.

Родственник Н.А. Бекетова помещик Н.А. Дурасов создал в крае в конце 1770-х годов четыре крепостных театра: в Симбирске, сёлах Архангельском и Никольском-на-Черемшане и в Москве.

Владимир Биль-Белоцерковский

Владимир Наумович Биль-Белоцерковский (Белоцерковский, 1885–1970) – русский советский писатель, драматург.

Родился в Херсонской губернии. В 16 лет ушёл из дома, нанялся юнгой на парусную шхуну, был кочегаром и матросом на судах русского и английского торгового флота, побывал во всех частях света. В поисках работы скитался по Бельгии, Голландии, Франции, жил в США, где работал кочегаром, землекопом, мойщиком стёкол. После Февральской революции вернулся на родину, вступил в партию большевиков. С января 1919-го по март 1921 года Владимир Наумович жил и работал в Симбирске. Был избран председателем Симбирского горкома РКП(б), сотрудничал в местной печати. Работа в Симбирске окончательно определила его писательскую судьбу. В 1920 году был опубликован первый сборник рассказов «Смех сквозь слёзы». Его творческий путь как драматурга начался с инсценировки рассказа «Бифштекс с кровью». Премьера состоялась на симбирской сцене 26 января 1920 года, после чего спектакль вошёл в репертуар выездной труппы театра. Затем был поставлен рассказ писателя «Этапы».

В 1921 году В.Н. Биль-Белоцерковский уехал из Симбирска в Москву. Наиболее известная пьеса «Шторм» была написана на материале симбирских событий эпохи гражданской войны. В своих воспоминаниях Биль-Белоцерковский писал: «...Когда я писал эту пьесу, передо мной вставал тогдашний Симбирск с его муками, переживаниями, с его верой и бодростью, возникала в памяти вся разнообразная масса его населения».

Скончался писатель 1 марта 1970 года в Москве, похоронен на Введенском кладбище.

Юрий Беляев

В Симбирске прошли детские и юношеские годы Юрия Дмитриевича Беляева (1876–1917), писателя, театрального критика.

Беляев учился в первой мужской гимназии Симбирска. Затем вместе с родителями переехал в Петербург. В 1894 году жил в Крыму, в семье известных артистов М.И. Писарева и П.А. Стрелетовой, начинавших свой сценический путь в Симбирске. Под их влиянием юноша страстно любил театр. Он писал пьесы («Путаница», «Красный кабачок», «Дама из Торжка» и др.), рассказы, романы, был режиссёром, заведовал театральными отделами многих центральных газет и журналов. Его творчество отличается оригинальностью стиля, соединившего отточенность формы с лиризмом, тонким юмором, меткостью и выразительностью слова. Тёплые отношения связывали Юрия Беляева с Фёдором Шаляпиным, А.П. Чеховым, Л.Н. Толстым и др.

В 1905 году Беляев, совершая путешествие по Волге и Заволжью, посетил родной Симбирск. Результат поездки – книга волжских впечатлений «В некотором царстве». Наибольшее признание зрителя и критики получила пьеса «Псиша» (1911–1912), где

он использовал материалы и из истории симбирского крепостного театра. Ю.Д. Беляев умер 5 января 1917 года. А 21 января Симбирский театр почтил его память постановкой «Псиши».

Михаил Верёвкин

Михаил Иванович Верёвкин (1732–1795) – драматург, поэт, прозаик, переводчик.

Это был образованный и остроумный человек. По словам князя П. Вяземского, М. Верёвкин имел особую способность заставлять смеяться или плакать целое общество.

В 1759 году он был назначен директором Казанской гимназии и за очень короткий срок превратил её в просветительский центр губернии. В это время здесь учился Гавриил Державин – на всю жизнь сохранил он благодарное воспоминание об учителе.

М.И. Верёвкин состоял начальником канцелярии при графе Панине, когда тот находился в Симбирске во время восстания Емельяна Пугачёва (1773–1775). В нашем городе Михаил Иванович написал лучшее своё произведение – комедию «Точь-в-точь» (1774), изобразив в ней Пугачёвское восстание. Но в печати по цензурным

соображениям комедия появилась лишь в 1785 году. В её основу положены местные материалы и события, происходившие в Симбирске осенью 1774 года. В героях комедии современники узнавали живых лиц. Верёвкин сатирически изображает воеводу, его секретаря, осуждает жестокость и скупость помещиков, взяточничество чиновников. В пьесе встречаются народные песни, язык богат поговорками, пословицами. В Центральном архиве литературы и искусства хранится рукопись пьесы, на титульном листе которой автором написано: «Комедия «Пугачев Емелька» в трёх действиях, представлена в первый раз на Симбирском театре благородными действующими лицами. Ноябрь, 25 дня 1774 года». Об этом говорит и Вяземский: «Пьеса осмеивала некоторых из симбирских лиц и была представлена в их присутствии».

Александр Глинка-Волжский

Александр Сергеевич Глинка (1878–1940) родился в Симбирске, что впоследствии и привело к выбору им псевдонима Волжский.

Учился в Московском университете. В 1901 году за участие в уличных студенческих беспорядках и по обвинению в издании нелегального журнала «Студенческая жизнь» подвергался аресту и сидел в одиночной камере. Потом был выслан в Симбирск, где занялся литературной работой. Здесь написал свою первую книгу «Два очерка об Успенском и Достоевском». Современники называли его «волжским идеалистом». С одной стороны – приверженность к народничеству, с другой – стремление к изучению проблем человеческой личности, к нравственно-духовной проблематике... После октябрьского переворота Глинка-Волжский не попал в круг изгнанников и даже не был репрессирован, скончался в Москве, на Арбате. Правда, на жизнь ему пришлось зарабатывать, служа на хозяйственных должностях, но вместе с тем удалось много написать. Среди советских литературоведов Глинка-Волжский считался одним из серьёзных знатоков творчества А. Чехова и Гл. Успенского.

Симбирск. Классическая гимназия. Открытка. Начало XX века. УКМ

В губернской гимназии учились Дмитрий Минаев, Дмитрий Садовников, Аполлон Коринфский, Василий Розанов, Велимир Хлебников, Александр Глинка-Волжский, Георгий Маслов. В здании гимназии читал свою речь о Н.М. Карамзине академик М.П. Погодин, выступали С.В. Михалков, Р.И. Рождественский, Р.Г. Гамзатов.

Иван Гончаров

Особую роль сыграл Симбирск в жизни и творчестве Ивана Александровича Гончарова (1812–1891), великого классика русской литературы.

В Симбирске Гончаров родился, провёл детство, учился в городском пансионе, приезжал сюда на каникулы из Московского коммерческого училища и университета (1822–1834) и почти год служил в канцелярии симбирского губернатора. Неоднократно приезжал он в родной город и потом, живя здесь иногда месяцами.

Большое влияние на Гончарова оказал его крёстный отец, отставной офицер-моряк, помещик Н.Н. Трегубов. Он был образованным человеком, «чистым самородком честности, чести, благородства и той прямоты души, которой славятся моряки, и притом с добрым, тёплым сердцем». Многим обязан Гончаров также и своей матери, энергичной женщине, о которой он впоследствии писал: «Ни о ком у меня мысль так не светла, как о ней». Исследователь творчества И.А. Гончарова В.И. Мельник обратил внимание на особую роль в формировании будущего писателя его няни Аннушки, мастерицы рассказывать чудные народные сказки.

В 1849 году родной город увидел Гончарова уже известным писателем, автором «Обыкновенной истории».

Всё культурное население города было взволновано приездом прославленного земляка. «Все начинают читать «Обыкновенную историю», – вспоминал один из современников, – все спрашивают: «А вы читали? Ах, как хорошо!» Этот же современник, домашний учитель детей сестры Гончарова Г.Н. Потанин, сохранил нам и тогдашний внешний облик Гончарова. «Мужчина среднего роста, полный, бледный, с белыми руками, как фарфор; коротко стриженные волосы, голубовато-серые глаза, как на портрете отца, но улыбка не отцовская, насмешливая. Одет он был безукоризненно: визитка, серые брюки с лампасами и прюнелевые ботинки с лакированными носками, одноглазка на резиновом шнурке и короткая цепь у часов, где мотались замысловатые брелоки того времени: ножичек, вилочка,

окуроч, бутылка и т. п. Гончаров был подвижен, быстр в разговоре, поигрывая одноглазкой, цепочкой или разводя руками».

В Симбирске Гончаров сблизился с гувернанткой В.А. Лукьяновой, дружеские отношения с которой сохранил на всю жизнь.

В городе Иван Александрович прожил четыре месяца. В это время он продолжал работать над «Обломовым» и напряжённо обдумывал план нового романа, навеянного встречей со знакомыми местами. В письме к А.А. Краевскому он сообщал из Симбирска: «Моя поездка и все приобретённые в ней впечатления дали уже много материала на другой рассказ, но всё это пока материал, который ещё не убродился в голове, и что из него выйдет, я хорошенько и сам не знаю».

В конце сентября 1849 года И.А. Гончаров отправился в Петербург. Провожали его торжественно: многочисленные коляски и кареты сопровождали до станции Кондорать (Карсунский район).

В 1855 году, возвращаясь через Симбирь из кругосветного путешествия, Гончаров ненадолго заехал в Симбирск повидать брата и сестру.

Летом 1862 года писатель снова появился в Симбирске и жил у сестры А.А. Музалевской. Политическая атмосфера в городе была накалена. Обстановка захватила Гончарова и сказалась на пересмотре замысла романа «Обрыв», над которым он в то время работал. Произошли изменения в образе Веры, Волохова, ставшего потом «карикатурой на нигилизм». Симбирские наблюдения сказались и на других компонентах «Обрыва»: сценах, репликах, намёках, новых чертах характера героев. Этот приезд Ивана Александровича в Симбирск был последним. Через 12 лет он пытался описать это путешествие в очерке «Поездка по Волге», предназначенном для сборника в пользу голодающих Среднего Поволжья. К сожалению, произведение осталось незаконченным.

Почти всё, что написано Гончаровым, начиная с первой повести «Нимфодора Ивановна», в которой впервые нашли отражение впечатления детства, в той или иной степени навеяно Симбирском, местными наблюдениями, встречами, фактами. Даже «Фрегат Паллада» во многом обязан симбирянину Трегубову, пленившему воображение маленького Вани рассказами о кругосветных путешествиях.

Даниил Гранин

Известный прозаик Даниил Александрович Гранин (настоящая фамилия Герман, р. 1919), автор многочисленных повестей и романов.

В 1940 году окончил Ленинградский политехнический институт, работал инженером на Кировском заводе. Оттуда ушёл политруком на фронт. В начале Великой Отечественной войны учился в Ульяновском танковом училище. В книге «Всё было не совсем так» (2010) Даниил Гранин подробно описывает время, проведённое в Ульяновске, когда он учился в танковом училище. Здесь он встретил свою любовь, но не женился. Об этой любовной связи писатель вспомнил много позже, в Москве, когда раздавал автографы: подошедшая девушка напомнила ему далёкую любовь.

С Ульяновском писателя роднит ещё одна книга: «Эта странная жизнь» – документальная биографическая повесть об уникальном учёном А.А. Любищеве, который жил и работал в Ульяновске.

Даниил Гранин – автор многочисленных повестей и романов: «Домбровский», «Искатели», «После свадьбы», «Иду на грозу», «Сад камней», «Дождь в чужом городе» и других.

Гавриил Державин

Трёхкратный приезд (1773–1774) в Симбирск Гавриила Романовича Державина (1743–1816) связан с Пугачёвским восстанием.

Г.Р. Державин посещал Симбирск, когда в составе полка участвовал в подавлении восстания Пугачёва. Об этом он рассказал в своих воспоминаниях и письмах. Поэт вынужден был признать, что народ, засученный помещиками и чиновниками, пошёл за бунтовщиком не случайно и что Симбирск оказался в положении осаждённого города.

Николай Державин

Николай Александрович Державин (1888–1928) – литературовед, краевед. Родился в городе Ардатове Симбирской губернии.

Окончил Симбирскую духовную семинарию и три курса Петербургского психоневрологического института. Его литературная деятельность началась в 1907 году в журнале «Театр и искусство». Активно участвовал в центральной и местной прессе. Писал статьи и очерки о Д.Н. Садовникове, Д.Д. Минаеве, И.А. Гончарове и других писателях, о симбирском театре. Составил обширный библиографический указатель по всем вопросам местного края. Работал над «Словарём достопамятных людей Симбирской губернии».

Василий Жуковский

В июне 1837 года Симбирск посетил знаменитый поэт и переводчик Василий Андреевич Жуковский (1783–1852).

Он прибыл в качестве наставника будущего императора Александра II, сопровождая его. Остановился Жуковский в доме губернатора. О Симбирске поэт был много наслышан от Н.М. Карамзина и А.И. Тургенева, а больше всего от А.Ф. Воейкова, мужа «Светланы» (урождённой Протасовой, чьё имение находилось недалеко от города). Жуковский встретился в Симбирске со своим старым другом генералом П.Н. Ивашевым, который рассказал поэту про неудачные попытки смягчить наказание сыну-декабристу.

Фото Сергея Ойкина

Следы этих разговоров нашли отражение в их последующей переписке.

Жуковский интересовался карамзинскими местами в Симбирске, пребыванием здесь Пушкина, расспрашивал про Дмитриева. Долго бродил по Венцу, любуясь Волгой и её далами, сделал зарисовку. Этот рисунок сохранился и находится в Институте русской литературы – поэт послал его вместе с письмом А.И. Тургеневу, не поскупившись на похвалы симбирско-волжским видам.

Константин Иванов

В Симбирске учился и жил чувашский поэт Константин Васильевич Иванов (1890–1915), автор поэмы «Нарспи» (1908).

В певучих, образных стихах поэмы Иванов рассказал трагическую историю любви красавицы Нарспи к бедному парню Сетнеру.

В 13 лет Иванов пришёл из далёкого глухого села Слакбаш в Симбирск и поступил в подготовительный класс чувашской учительской школы. Это было единственное учебное заведение в России для чувашей, основанное И.Я. Яковлевым. В 1907 году за революционные воззвания Иванов по предписанию полиции был исключён из школы и уехал в деревню. Вскоре Яковлев пригласил его на работу в качестве переводчика «Евангелия» и других богослужебных книг, нужных миссионерам. День и ночь сидел поэт над созданием первых чувашских книг. Переводил стихи Лермонтова, Некрасова, Кольцова, написал свою поэму «Нарспи» и цикл сказок: «Железная мялка», «Вдова», «Две дочери»

В здании присутственных мест (ныне сельхозакадемия) побывал в 1837 году В.А. Жуковский, служили М.Н. Островский – брат драматурга А.Н. Островского, либреттист М.И. Чайковский – брат композитора П.И. Чайковского, Д.Н. Набоков – дед В.В. Набокова.

и другие. Яковлев хотел издать «Нарспи», но ему разрешили напечатать лишь книгу «Сказки и предания чуваш» (Симбирск, 1908), куда, кроме сказок, вошла и поэма «Нарспи» в качестве образца фольклора, без фамилии автора. В 1907–1909 годах Иванов написал несколько оригинальных произведений, трудился над переводами классиков русской литературы и учебников, занимался самообразованием. Поэт увлёкся живописью и готовился к экзаменам за курс Академии художеств, но неожиданно тяжело заболел. Весной 1914 года К.В. Иванов уехал на родину. Там он нашёл своё последнее пристанище.

Алексей Карцев

Алексей Дмитриевич Карцев (1900–1967) – прозаик, драматург. Перу Карцева принадлежат роман «Магистраль», повести «Отдых», «Слобода», «Народ на трассе», «Зелёные холмы», «Связисты», «Паровоз Черепановых» и пьеса «Дорога победы».

Родился писатель в Симбирске в семье почтово-телеграфного служащего, учился в 1-й мужской гимназии, которую окончил в 1918 году уже как школу II ступени. Карцев не раз бывал в Ульяновске. С его помощью в 1947 году начал выходить альманах «Литературный Ульяновск», где в 1948 году был напечатан его очерк «На путях ульяновских». При его содействии была создана Ульяновская писательская организация.

Дмитрий Клеменц

Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914) – журналист, учёный, поэт, этнограф, автор мемуаров «Из прошлого», автор популярных песен, ставших народными.

Ему же принадлежит стихотворение «Братя, вперёд!», которое в 1870-х годах прошлого века стало гимном радикально настроенной молодёжи.

В 1873 году, уйдя в народ, исколесил ряд губерний, в том числе и Симбирскую. В том же году, в результате этой этнографической экспедиции, появилась его песня «Ах ты, доля...».

Михаил Лермонтов

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) связан с нашим городом по многим причинам.

Любящая бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна Арсеньева принадлежала к симбирскому роду Столыпиных. Есть предположение, что и родилась она и крещена была в Симбирской губернии, где в деревне Линёвка стоял дом её отца А.Е. Столыпина. В Симбирске на Покровской улице жил её старший брат – Александр Алексеевич Столыпин, которого Елизавета Алексеевна не раз навещала – наверняка, с внуком. В этом доме хранились письма Миши Лермонтова к кузинам. К одной из них, Софье, поэт питал особые чувства.

Близкий друг Михаила Лермонтова Николай Поливанов (поэт учился с ним в школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров) был владельцем села Акшут (Барышский район) и большого дома в Симбирске. Его образ (герой Лафа) выведен Лермонтовым в поэмах «Гошпиталь» и «Уланша», также Николай Поливанов стал прообразом главного героя поэмы «Сашка», где Лермонтов подробно описывает Поливановский особняк близ Венца в Симбирске.

М.Ю. Лермонтов очень точно передал местный пейзаж, описал знаменитую гору над Волгой, великую реку, пристани, расположение города, его облик. Нет сомнения, что всё это – результат личных впечатлений писателя.

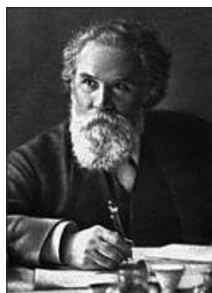
Поэт был знаком и состоял в переписке со знатоком симбирских дел А.И. Тургеневым. Наконец, самые подробные и свежие сведения о жизни города Лермонтов получил от другого товарища по университету – Сатина, с которым очень часто встречался в 1837–1838 годах на Кавказе: этот наблюдательный и колкий на язык литератор не скупился на подробную информацию о жизни Симбирска.

Тесными связями Лермонтова с Симбирском объясняется появление и распространение в городе и губернии рукописных текстов стихотворения «На смерть поэта».

П.И. Пузыревский. Троицкий спуск. Открытка. Начало XX века

Владимир Короленко

Владимир Галактионович Короленко (1853–1921) очень любил Волгу, на берегах которой прожил 11 лет.

Жизнь на Волге – «полоса, которой я уже никогда не вычеркну из моей жизни», – признавался писатель. Волжские наблюдения не раз служили темой его произведений («Груня», «На Волге», «Зарубка» и др.). Короленко неоднократно совершал путешествия по Волге – паромом, на лодке, ночевал в Жигулях в землянке с рабочими, бывал в волжских городах, в том числе и в Симбирске. В госархиве Ульяновской области имеется переписка Казанского жандармского управления с Симбирским управлением об учреждении за Короленко негласного надзора. Есть письмо писателя от 9 февраля 1913 года по поводу сбора средств на сооружение Дома-памятника И.А. Гончарову.

В 1912 году появилась статья Короленко «И.А. Гончаров и «молодое поколение»». Она интересна не только меткими замечаниями о разладе Гончарова с «молодым поколением», но и характеристикой самого Симбирска, в которой слышатся отзвуки личных впечатлений от посещения города. Владимир Галактионович писал: «Симбирск из всех приволжских городов – это самый тихий, сонный и застойный... Симбирск спрятался за гору. К нему очень трудно взобраться по огромному взвозу (изображённому в «Обрыве»), и сам он как будто недоброжелательно и угрюмо желает, чтобы этот беспокойный пароход... отвалил поскорее, оставив его в спокойной дремоте. Если всё-таки

вы преодолеете трудности въезда... найдёте то же, что описывал Гончаров. ...город будто залит сонной одурью степи...».

Николай Лебедев-Морской

Николай Константинович Лебедев-Морской (1846–1888) родился в Симбирске, в семье преподавателя мужской гимназии.

Известность Н.К. Лебедеву-Морскому принесли романы «Аристократия гостинного двора» (1879) и «Содом» (1881), посвящённые изображению купечества. Оба произведения вызвали большой шум и имели успех у читателя. Сильное впечатление произвели они на Ф.М. Достоевского. При личном свидании великий писатель одобрил сочинения Лебедева-Морского и сказал, что, по его мнению, он самый интересный и жизненный из молодых романистов, что в нём виден искренний и достаточно оригинальный художник.

Перу Лебедева-Морского принадлежит много повестей и рассказов («В цветах», «Мамочка», «Дешёвый хлеб», «Под землёй»). Они отличаются занимательностью, живым изложением, богатством наблюдений.

Лебедев-Морской часто использовал симбирские материалы. В городе Носове («Содом») нетрудно угадать Симбирск (названы улицы Шатальная, Кирпичная, упоминаются уездные города губернии). В других произведениях звучат автобиографические мотивы, встречаются события, взятые из симбирской хроники.

Елизар Мальцев

Елизар Юрьевич Мальцев (1917–2004) – известный советский писатель, лауреат Государственной премии СССР.

Е. Мальцев – автор романов «Горячие ключи», «От всего сердца», «Войди в каждый дом», «Белые гуси на белом снегу», «И приобщился к роду своему», «Капля и камень» и других.

Мальцев родился в Бурятии, потом семья переехала в Барнаул, отсюда – в Ульяновск. Елизар учился в 3-й средней школе Ульяновска. Писатель признался однажды: «С Ульяновском связывает самое дорогое: первая любовь, первое рабочее место... Бывая на промышленных предприятиях города и в окружающих колхозах с корреспондентским билетом ульяновской газеты, я много видел, наблюдал, запоминал... И вот... стал писателем...» Весной 1954 года Е.Ю. Мальцев приезжал в Ульяновск в творческую командировку. Побывал в колхозах, в Мелекессе, встречался с читателями, с молодёжью, с местными писателями.

Дмитрий Минаев

Сатирические фелетоны Дмитрия Дмитриевича Минаева (1835–1889) отличались яркой импровизацией и виртуозностью. За это его и звали «королём рифмы».

Д.Д. Минаев родился в Симбирске в небогатой дворянской семье. Отец поэта Д.И. Минаев (1808–1876) писал стихи, рассказы, повести. Будущий поэт рано выучился грамоте и получил хорошее домашнее образование. Когда Минаеву исполнилось 11 лет, семья переехала в Петербург, где мальчика отдали в военное учебное заведение.

В 1852 году Дмитрий Дмитриевич вернулся в Симбирск и поступил на службу в казённую палату. Прослужив около трёх лет, он вернулся

в Петербург, где вскоре ушёл в отставку и занялся литературой. Существенное место в творчестве Д.Д. Минаева занимает Симбирск. Ему, «тихому губернскому городку», он посвятил немало язвительных строчек. В «Дневнике тёмного человека», «Губернских силуэтах», «Губернских эпизодах» и других произведениях Минаев бичует спячку, лень, скуку обывателей.

Дом Минаева

Самым ярким произведением на симбирскую тему явилась сатирическая поэма «Губернская фотография» (1861), полный текст которой был напечатан лишь в 1913 году, но которая в бесчисленных списках ходила по всему Среднему Поволжью. «Губернскую фотографию» Минаев написал в Петербурге в два вечера, слушая рассказы про родину своего хорошего знакомого-земляка, симбирского присяжного поверенного Н.М. Соколовского. Последний привёз поэму в Симбирск, где она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Поэма приговоздила к позорному столбу свывшие ста лиц из симбирского привилегированного общества. Не скрывая фамилий, не оставляя никаких сомнений, поэт оказался беспощаден в своих характеристиках.

В 1877 году Д.Д. Минаев приехал в Симбирск на постоянное жительство «подлечиться воздухом родины». Он купил небольшой домик на Нижне-Солдатской (ныне Минаева) улице и зажил почти в полном одиночестве. Симбирское общество игнорировало поэта-сатирика, даже в день похорон Минаева никто не явился проводить его в последний путь. Лишь через 10 лет на могиле Минаева был поставлен памятник, созданный на средства, собранные по подписке.

В 1980-е годы в доме Минаева располагалась областная организация Союза писателей.

Константин Митрейкин

Константин Никитич Митрейкин (1905–1934) родился и вырос в Симбирске. Состоял в литературной группе «Стрежень» (Ульяновск) – филиале Всесоюзного объединения писателей «Перевал» (Москва).

Его талант проявился уже в первом сборнике стихов «Бронза» (Ульяновск, 1928). В 1929 году Митрейкин переехал в Москву и связал своё творчество с практикой конструктивизма. Его новые книги «Я разбиваю себя» (1931) и «УКК» (1932) подверглись резкой критике: поэта-конструктивиста упрекали в пренебрежении к живому слову. Но были у К. Митрейкина и другие стихи, проникнутые чувством современности, ощущением надвигающейся военной опасности («Боевая лирика», 1931).

Владимир Никонов

Владимир Андреевич Никонов (1904, Симбирск – 1988, Москва, похоронен в Ульяновске) – советский лингвист, литературовед, поэт.

Учёный-самоучка без высшего образования, один из крупнейших советских ономастов. Почётный член Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО. Составитель «Краткого топонимического словаря». В 1924 году в Ульяновске вышли два сборника его стихов: «Молоток» и «Чужие стихи».

Александр Одоевский

Поэт-декабрист Александр Иванович Одоевский (1802–1839) происходил из древней княжеской фамилии.

Поэт был связан с симбирским дворянством и нашим краем: здесь находились родовые поместья Одоевских.

Александр Одоевский – автор известного стихотворного отклика на пушкинское «Послание в Сибирь» («Из искры возгорится пламя», – писал он). Как участник декабрьского восстания 1825 года Одоевский был арестован и сослан в Сибирь. В 1837 году по ходатайству наследника Александра Николаевича участь декабристов была смягчена. Одоевского перевели из Сибири на Кавказ рядовым. В пути состоялось трогательное свидание Александра с отцом. Старик провожал его до Симбирска. Здесь отец и сын расстались навсегда...

Одоевский был зачислен в драгунский полк, находившийся в урочище Кара-Агач, в ста верстах от Тифлиса. Его сослуживцем оказался М.Ю. Лермонтов – они сблизились и подружились. Здесь же он познакомился с симбирянами Н.М. Сатиным и Н.П. Огарёвым. В статье «Кавказские воды», характеризуя Одоевского, Николай Огарёв называл его «христоподобной» личностью, жаждущей человеческой чистоты, не знающей, что такое личное счастье, и стремящейся исключительно к самоотречению.

Летом 1839 года пришло известие о смерти старика-отца Одоевского. Оно поразило сына, как громом. Александр потерял вкус к жизни. В том же году он скончался от лихорадки.

Александр Островский

С Симбирском связано имя известного драматурга Александра Николаевича Островского (1823–1886).

В 1850-х годах в Симбирск приехал работать брат драматурга Михаил Островский. Он увлекался искусством, литературой. Между братьями шла оживлённая переписка: Михаил информировал писателя о симбирской жизни, о большом интересе к его пьесам, которые начали ставить в местном театре раньше других поволжских городов.

Сам драматург нуждался в отдыхе, в отвлечении от московской обстановки и решил попутешествовать по любимой Волге. С ним отправился его неизменный друг, писатель и артист

И.Ф. Горбунов (1831–1896) и писатель-этнограф С.В. Максимов (1831–1901). Вечером 27 мая 1865 года А.Н. Островский и его спутники прибыли в Симбирск и остановились в одной из гостиниц (брат драматурга в это время в городе уже не служил). Горбунов намеревался дать в городе концерт, но театр не работал. Максимов, ранее бывавший в Симбирске, показал своим товарищам достопримечательности города: Венец, памятник Карамзину, дом Языкова. 29 мая Островский написал артистке М.А. Васильевой, своей будущей жене, письмо, где сообщал подробности поездки. В тот же день вечером путешественники отправились вниз по Волге. Впечатления и материалы этих дней использованы в пьесах, «Лес» и «Таланты и поклонники».

Александр Поморский

Александр Николаевич Поморский (Линовский; 1891–1977) – известный поэт, прозаик, журналист.

Автор сборников стихов: «Песни борьбы», «Море», «Советская страна» и других.

Ещё задолго до революции его стихотворение «Рабочий дворец» стало песней, которую распевали на маёвках. В 1927–1928 годах Поморский был редактором ульяновской газеты «Пролетарский путь». Поэт оставил богатое литературное наследие: стихотворения, романы, повести, рассказы, пьесы, киносценарии, очерки, статьи.

Гавриил Потанин

В 1861 году в «Современнике» появился роман Гавриила Никитича Потанина (1823–1910) «Старое старится – молодое растёт», написанный на материале детских и юношеских впечатлений, полученных автором в Симбирске.

Главный герой романа – крепостной мальчик Вася. Через его восприятие показан мир помещиков Людоёдовых, Душегубовых и других. Роман вызвал многочисленные тёплые отклики. Критика отмечала изумительную наблюдательность автора, яркий и глубокий показ психологии крепостного мальчика, сравнивала молодого писателя с Диккенсом. Высокую художественную и идейную оценку дал произведению Некрасов, он сам привёз Потанину журнал с его романом и помог материально. Однако цензура встретила роман враждебно, она преследовала и другие произведения Потанина: «Год жизни», «Уездное училище», «Штатный смотритель».

Г.Н. Потанин родился в Симбирске, в семье дворового человека, учился в местной гимназии. Нужда заставила его ещё на школьной скамье искать заработка. Он учил детей богатых купцов, был домашним учителем будущего поэта Д.Д. Минаева и племянниц Гончарова. Окончив гимназию, Потанин поступил учителем в Самарское уездное училище, но по жалобе губернатора лишился места. В поисках заработка уехал в Бугульму, а потом в Петербург.

В 1871 году писатель возвратился в Симбирск и поселился в небольшом флигельке на Московской улице (ныне ул. Ленина) в глубине двора дома № 29. Жил он замкнуто, одиноко. В городе его звали «живой энциклопедией», «огненным стариком».

Фото Андрея Карпова

Александр Пушкин

Осенью 1833 года, совершая путешествие в Среднее Поволжье, Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) приехал в Симбирск.

Здесь он надеялся собрать сведения о Пугачёве, над историей которого работал.

Пугачёв дважды был в городе: в декабре 1772 года его под стражей везли в Казань через Симбирск, а в октябре 1774 года он был доставлен сюда в цепях. Здесь и произошёл его смелый разговор с графом Паниным.

Симбирск привлекал Пушкина и как родина близких ему людей: братьев Тургеневых, Карамзина, Дмитриева, Языкова. Поэт приехал днём 10 сентября. Сопровождал его камердинер Ипполит. По рассказам многочисленных симбирских знакомых, поэт хорошо был осведомлён о городе.

В день приезда Пушкин посетил губернатора Загряжского, передавшего ему письмо от жены, первое после отъезда из Петербурга. Тогда же поэт увидел симбирскую красавицу Елизавету Загряжскую — дочь губернатора. Она буквально привораживала мужчин своими сверкающими агатовыми глазами и прекрасным музыкальным голосом.

Александр Михайлович Загряжский, по воспоминаниям современников, был наделён артистической жилкой, слыл знатоком хороших картин, обладал отличной памятью и прекрасно владел русской и французской речью. Дом губернатора Загряжского в Симбирске носил явный оттенок личности хозяина, был убран со вкусом и поставлен на широкую щегольскую ногу. В этом доме совсем юная, необыкновенно хорошенькая и грациозная Елизавета Загряжская познакомилась и танцевала с Александром Пушкиным.

Случайно попав на урок танцев, который давался для дочери губернатора Елизаветы и её сверстниц, поэт не смог отказать девушкам в удовольствии потанцевать с ним. По воспоминаниям одной из них, К.И. Коротковой (урожд. Габленц), он подошёл к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцевал с каждой по несколько туров вальса под звуки двух скрипок.

Во время своего путешествия поэт написал стихотворение:

*Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...*

В рукописи оно носит помету: «1833 г., дорога, сентябрь». Что значат эти слова и кто стоял за его строками? Можно только гадать. По одной из версий, источником лиризма Пушкина была Елизавета Загряжская.

И.А. Гончаров, служивший около года после окончания Московского университета секретарём губернской канцелярии в Симбирске, о Елизавете Загряжской восхищённо писал, что на пути к губернаторскому кабинету она была для него, как сирена для Улисса: «Перекинешься с ней сначала двумя-тремя словами и иногда застоишься, заслушаешься сонаты или просто засмотришься, как она застенчиво краснеет...».

Через десять лет Елизавета Загряжская вышла замуж за родного брата поэта — Льва Сергеевича Пушкина.

В Симбирске Пушкин встретился со старожилами, лично видевшими Пугачева, в частности, с 83-летним помещиком Шуваловым, который, когда ему было 16 лет, служил у Пугачева ефрейтором.

Жена Льва Сергеевича Пушкина, младшего брата поэта, — Елизавета Александровна, в девичестве Загряжская

Утром 11 сентября Александр Сергеевич уехал в село Языково к поэту Николаю Языкову, переночевал там и 12-го днём вернулся в Симбирск. На обеде у губернатора он встретился и беседовал с Второвым, а в ночь на 13 сентября поехал в Оренбург «горной» дорогой. Добравшись до Сенгиля, вернулся обратно, о чём подробно рассказал в письме к жене от 14 сентября: «Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне её. Чёрт его побери, дорого бы дал я, чтобы его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался...».

Вечером 14 сентября Пушкин присутствовал на обеде у брата поэта Языкова, Александра Михайловича, в его доме на ул. Спасской (ныне литературный музей «Дом Языковых»). А.М. Языков был личностью незаурядной. Разносторонне талантливый, он много читал, страстно увлекался собиранием фольклора. На обеде присутствовали генерал-майор Г.В. Бестужев, братья Юрловы, ветеран 1812 года Аржавитинов и помещик Столыпин (вероятно, А.А. Столыпин, брат бабушки Лермонтова). По свидетельству Юрлова, Пушкин много острил, декламировал и импровизировал.

На другой день Александр Сергеевич отправился в Оренбург, избрав на этот раз заволжский степной тракт. У переправы через Волгу, в ожидании парома, поэт сделал в своей зелёной тетради зарисовку Симбирска со стороны Смоленской горы. Этот единственный волжский пейзаж, набросанный рукой Пушкина, помещается в двух страничках его дорожной тетради: карандашом помечены крутая гора, спускающаяся к Волге, церковь, несколько домиков на горе. Под рисунком подпись: «Смоленская гора и дом Карамзина. 15 сен. Волга».

Пребывание Пушкина в Симбирске и губернии не осталось бесследным. Собранные им пугачёвские материалы были использованы в «Истории Пугачёва». Произошли изменения и в творческой истории «Капитанской дочки». Главный герой повести Гринёв стал уроженцем Симбирской губернии, в которой существовали мелкие помещики Гринёвы, — о них могли сообщить Пушкину Языковы.

Приезд Пушкина явился крупным событием в культурной жизни симбирского края и оказал влияние на дальнейшее развитие местной литературы.

Арсений Рутько

Арсений Иванович Рутько (1909–1988) провёл в Симбирске детские и юношеские годы.

Арсений Рутько родился в г. Сувалки (ныне Польша) в семье лесничего. В годы Первой мировой войны семья переехала в Симбирск. Здесь Арсений окончил школу и выучился на инженера-геодезиста.

Писать начал рано, и уже в юношеские годы печатался в ульяновской газете «Пролетарский путь». Ему было всего 23 года, когда его рассказ напечатали в журнале «Октябрь», а в 25 лет молодой писатель стал делегатом первого съезда Союза писателей СССР. Книжки детского писателя Арсения Рутько сразу же полюбили юным читателям.

Литературная карьера писателя быстро шла в гору. По популярности и читательскому спросу Арсений Рутько соперничал с любимейшим писателем советских школьников – Аркадием Гайдаром, но жизнь повернулась иначе. В 1937 году Арсений Рутько был репрессирован. Он прошёл каторгу и выжил. В 1953 году вернулся в Москву и продолжил писать. Трудился Арсений Иванович неистово, хотя у него стремительно ухудшалось зрение. Написал трилогию «Пленительная звезда», романы «Есть море синее» и «Бессмертная земля», повести «Сквозь сердце», «Прошлое всегда с нами», «И время бросать камни». За повесть «Суд скорый...» писатель получил Государственную премию, а за повесть «Пашкины колокола» – премию имени А.П. Гайдара.

Не забывал Арсений Рутько и Ульяновск, и друзей-волжан. Особенно ему был дорог Григорий Коновалов. Вот что он писал учителю школы № 5 г. Ульяновска Вячеславу Сафонову: «Очень, очень огорчила внезапная смерть Григория Коновалова, он был старше меня всего на полгода и казался мне значительно крепче...».

Повесть А. Рутько «Детство на Волге» пронизана любовью к Ульяновску, к Волге, а повесть «У зелёной колыбели» дышит восторгом перед природой Заволжья.

Дмитрий Садовников

С Симбирском и краем неразрывно слита биография поэта-переводчика, собирателя фольклора Дмитрия Николаевича Садовникова (1847–1883).

В три года Дмитрий лишился матери и остался на попечении отца, сумевшего привить ему любовь к литературе. Мальчик обнаружил очень раннее развитие: пяти лет великолепно читал, восьми – сочинял стихи, а десяти – уже увлекался научными занятиями. Отец мечтал дать сыну блестящее образование, но умер, когда Дмитрию было всего 13 лет.

Дмитрий Садовников учился в Симбирской гимназии, однако кончить её не удалось. Он экстерном сдал экзамен на звание домашнего учителя. Свободно владея четырьмя иностранными языками, поэт добывал средства к существованию частными уроками и переводами.

В разных журналах появляются его статьи, стихи, этнографические изыскания. Интенсивно развёртывается его фольклорная деятельность. В 1877 году умирает жена (поэт женился в 1871 году). Оставив у симбирских родственников троих детей, Садовников переселился в Петербург, целиком отдавшись литературной работе. Имя его становится известным. Однако в 1883 году после поездки в родной Симбирск поэт в расцвете творческих сил неожиданно умирает. Из 36 лет своей жизни почти 30 он прожил в нашем городе.

Д.Н. Садовникова называют «певцом Волги и воли». «Волга была моей первой любовью, первое представление о прекрасном неразрывно связано с ней», – признавался поэт.

Лето 1883 года Дмитрий Садовников провёл в Симбирске. Поэт спустился на пароходе до Морквашей и отсюда совершал долгие прогулки по горам. Скоро в «Волжском вестнике» появилось одно из лучших созданий Садовникова – стихотворение «Из-за острова на стрежень». С лёгкой руки Скитальца, исполнившего на одном из вечеров в Москве под аккомпанемент гуслей «Из-за острова на стрежень», песня быстро распространилась по России и стала любимой песней нашего народа.

Александр Серафимович

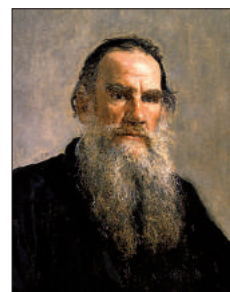

Первый раз Александр Серафимович (1863–1949) попал в Симбирск в сентябре 1918 года как корреспондент газеты «Правда».

Настоящая фамилия писателя – Попов, отчество – Серафимович.

О своём пребывании в городе он рассказал в очерках «Впечатления». Писатель сообщал об изменениях в самом городе, высоко оценил роль симбирских военных комиссаров. В 1921 году Серафимович вторично посетил Симбирск, о чём поведал в очерке «Дети». В конце августа 1942 года писатель с семьёй был эвакуирован в Ульяновск, где поселился на ул. Советской, д. № 10/2). Ему шёл 79-й год, но писатель был бодр, ходил всегда пешком, часто встречался с трудящимися города. В Ульяновске Серафимович написал рассказ «Ребёнок», который прочитал 29 августа 1942 года при встрече с читателями во Дворце книги имени В.И. Ленина. В ноябре 1942 года Серафимович выехал из Ульяновска в Москву.

Лев Толстой

Как утверждает краевед К.А. Селиванов, Лев Николаевич Толстой (1828–1910) бывал в Симбирске.

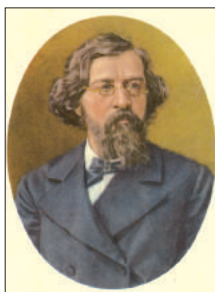
В сентябре 1869 года писатель побывал в селе Ильмино Пензенской губернии, намереваясь купить «в тамошней глуши» имение. Не купив имения, он возвращался через Симбирск.

Лев Николаевич путешествовал на перекладных, по всей вероятности, старым Пензенским трактом, как наиболее близким к Николо-Лестравке, откуда он выехал. В Симбирск прибыл 10 или 11 сентября. Знакомых в городе у него не было, он остановился в гостинице. Отдохнув от долгого пути и бегло осмотрев город, писатель отправился вверх по Волге.

О своей поездке по Симбирской губернии Толстой вспомнил в 1881 году в статье «К молодым людям» (черновой набросок неоконченной статьи против пьянства): «Ехал я раз на перекладных лошадях по Симбирской губернии, и пришлось переменять лошадей в большом селе. Дело было осенью...». Дальше рисуется картина поголовного пьянства в день религиозного праздника, из-за чего писатель чуть не заночевал в селе, так как ямщики все были пьяны.

Связь Л.Н. Толстого с Симбирском на этом не прекратилась. В 1887 году в Ясной Поляне Толстой познакомился с симбирянином В.Н. Андреевым-Бурлаком и подолгу слушал его рассказы. Для Андреева-Бурлака Толстой начал писать «Крейцерову сонату», которую артист должен был рассказать со сцены, но преждевременная смерть актёра помешала выполнить этот замысел.

Николай Чернышевский

Не раз проездом приходилось бывать в Симбирске Николаю Гавриловичу Чернышевскому (1828–1889).

Из Саратова в Петербург и обратно Н.Г. Чернышевский ездил через Симбирск, Казань, Москву. Об одном из таких путешествий он рассказал в дневнике и письмах.

В марте 1851 года, после окончания университета, Чернышевский отправился в родной Саратов. Путешествовал он вместе с Д.И. Минаевым, отцом поэта-сатирика, и Н.А. Гончаровым. «Дорогою, — записал Чернышевский в дневнике, — все рассуждали между собою о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии... Д.И. Минаев показался мне человеком ещё лучше того, чем раньше — человеком с светлым умом и благородною душою...». В Симбирск они приехали в пятницу 23 марта, в три часа дня. Чернышевский и Минаев остановились у общего знакомого Н.Е. Андреева, отца артиста В.Н. Андреева-Бурлака. Ничто не помешало «провести вечер, — замечает Чернышевский, — в разговорах большею частью в известном демократическо-социалистическом духе». На другой день Николай Гаврилович обедал у Н.А. Гончарова,

брата романиста, познакомился с его женой Елизаветой Карловной, о которой записал: «Славная женщина, хороша собой, весьма худа и зелена, должно быть от скуки, тоски, может быть, и от болезни». А вечер снова провели у Андреева, где долго слушали его рассказы о городе. Их сатирический характер нравился Чернышевскому.

Мариэтта Шагинян

Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982) — писательница, доктор филологических наук, Герой Социалистического Труда.

В 1930-х годах Мариэтта Шагинян около четырёх лет жила в Ульяновске (в Троицкой гостинице), где изучала документы, связанные с педагогической деятельностью И.Н. Ульянова. Много ездила по районам области, записывала устные рассказы бывших учеников Ильи Николаевича. В результате родилась книга «Билет по истории» («Семья Ульяновых»). В 1950-х годах Шагинян снова приехала в Ульяновск собирать материал для второй книги о семье Ульяновых. Роман «Первая всероссийская» появился в 1965 году.

Вольф Эрлих

Вольф Иосифович Эрлих (1902–1937) — поэт, друг Есенина. Родился в Симбирске, в семье провизора. Учился в местной гимназии, затем в Казанском университете.

С.А. Есенин и В.И. Эрлих со студентами сельхозинститута у памятника А.С. Пушкину. Царское Село

С 1921 года Вольф Эрлих жил в Петрограде, учился в университете, занимался лингвистикой. Познакомившись с творчеством Сергея Есенина, Вольф был покорён искренностью, ясностью образов, проникновенностью есенинской лирики. Поэт Николай Тихонов писал: «Вольф Эрлих, встретившись в первый раз с Есениным, так был им взволнован и потрясён, что с того дня стал сближаться с ним, и, наконец, это сближение закончилось большой и настоящей дружбой...».

В дни дружбы с Есениным Эрлих публиковался в газетах и журналах Ленинграда, вместе с другими писателями и поэтами выступал с чтением своих стихов на многочисленных поэтических вечерах. Первый сборник стихов Эрлиха «Волчье солнце» увидел свет в 1928 году. Затем вышла книга воспоминаний «Право на песнь», сборники стихотворений «Арсенал» (1913), «Порядок битвы» (1935), «Книга стихов» (1934), «Необычные приключения друзей» (1937) и две книжки стихов для детей. Эрлих — один из авторов сценария широко известного кинофильма «Волочаевские дни».

Осенью 1987 года сотрудники Ульяновского литературного музея «Дом Языковых» встретились в Ленинграде с родной сестрой Эрлиха Миррой Иосифовной, которая подробно рассказала о дружбе Вольфа с Есениным, о страшной кончине великого поэта и трагической судьбе своего брата...

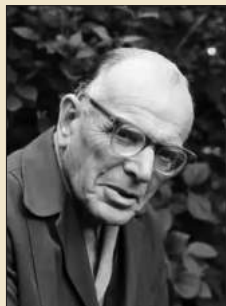
Известно, что Эрлих последним видел Есенина. При прощании в гостинице «Англетер» поэт сунул Вольфу в нагрудный карман пиджака своё последнее стихотворение, попросив прочитать дома. Вернувшись домой поздно ночью, Эрлих прямо в прихожей достал листок, пробежал его глазами и, побледнев, закричал: «Мирка, он же кровью написал!» Брат и сестра бросились на улицу ловить извозчика. В гостинице Вольф наткнулся на сопротивление швейцара: «Сергей Александрович не велели беспокоить». Побеспокоить пришлось, но было уже поздно.

Вместе с вдовой Есенина С.А. Толстой-Есениной, с поэтами Ильёй Садофьевым и Василием Наседкиным Эрлих сопровождал гроб с телом до Москвы, был участником похорон Сергея Есенина на Ваганьковском кладбище 31 декабря 1925 года.

Жизнь самого В.И. Эрлиха трагически оборвалась в 35 лет: в период репрессий, в конце лета 1937 года, он был арестован, а 19 ноября 1937 года приговорён к расстрелу...

Базарносызганский район

На станции Базарная

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) – классик отечественной литературы. В предисловии к «Повести о жизни» он вспоминал географию мест, которые отразились в его книгах. Назвал и Среднюю Волгу – «край чистой и скромной поэзии, лесной тишины, заросших озёр, забытых рек... и лесных людей, сохранивших в своих сторожках всю прелесть, весь музыкальный звон и точность русского языка».

В главе «Россия в снегах» Паустовский описал небольшой эпизод, произошедший на станции Базарный Сызган. Шла Первая мировая война, и он на санитарном поезде развозил раненых. Базарный Сызган запомнился тем, что поезд из-за вьюги простоял всю ночь, а утром в станционном буфете санитары увидели нищего мальчика, которого кормила сердобольная буфетчица. «Мальчик выпил чай, встал, перекрестился и, глядя за широкое вокзальное окно, запел. Пел скорбным голосом, и в ту пору песня мальчика показалась мне

лучшим выражением сирой деревенской России... Тоска была в глазах у мальчика – по избе, которой у него нет, по лавкам вдоль стен, по запаху горячего ржаного хлеба с пригоревшими к донцу угольками. Я подумал: как мало нужно человеку для счастья, когда его нет, и как много нужно, как только оно появляется».

Станция Базарная навсегда осталась в памяти писателя...

«Мы простояли в Сызгане всю ночь. Была вьюга. Я помню занесённую снегом избу и высокого старика в нагольном тулупе. Он вышел из низкой двер-

цы и долго смотрел на длинный поезд с красными крестами на стенках вагонов. Со стрехи на косматую голову старика пылила снегом метель. Была зима. Россия лежала в снегах».

Станция Базарная

Барышский район

Путешественник с детской душой

Модест Николаевич Богданов (1841, с. Русская Бекшанка Сызранского уезда, ныне Барышского района Ульяновской области – 1888, Петербург), больше известен как учёный-зоолог и путешественник. Это был талантливый детский писатель. Его перу принадлежат книги «Мирские захребетники» и «Из жизни русской природы».

Он родился в семье симбирского помещика, первые годы жизни провёл в имении родителей. По окончании курса в Симбирской классической гимназии поступил на физико-математический факультет Казанского университета, по окончании которого занялся наукой.

В 1868–1870 годах Богданов совершил большие путешествия по Поволжью от Казани до Астрахани. Летом 1871 года он отправился на Кавказ, где заболел лихорадкой, послужившей причиной тяжёлой болезни. В 1873 году он совершил

путешествие по пустыням Средней Азии и Хивинскому оазису, а в конце 70-х годов был командирован за границу министром народного просвещения.

В 1881–1888 годах Богданов выступал в журнале «Воспитание и обучение» (с 1882 г. – «Родник») с многочисленными рассказами и сказками о животных, очерками об их жизни, о силах природы, многие из которых были неоднократно переизданы.

В конце 1885 года здоровье Модеста Николаевича резко ухудшилось, и он возвратился в родное Поволжье.

С марта по август 1887 года жил в г. Сызрани, затем возвратился в Петербург – там 16(04) марта 1888 года М.Н. Богданов скончался.

Статьи М.Н. Богданова считаются образцовыми по ясности языка и умению живо передавать явления природы. Его книги написаны в основном по впечатлениям, полученным в окрестностях р. Бекшанки и Симбирска.

Местность, где прошло детство Богданова и зародился его интерес к изучению природы, вошла в государственный охотничий заказник «Сурские вершины».

Камергер из Беклемишева

Пруд в селе Беклемишево.
Современный вид

Фото Константина Белоусова

Поэт Иван Петрович Мятлев (1796–1844) жил в одно время с Жуковским, Вяземским, Крыловым, Белинским, Лермонтовым, Гоголем, был дружен с А.С. Пушкиным и даже приходился ему шестипородным братом. Иван Мятлев был сыном петербургского богача Петра Васильевича Мятлева, который возглавлял Государственный ассигнационный банк, владел домом у Исаакиевского собора, многочисленными поместьями, в том числе и в Зиновьевской волости Карсунского уезда Симбирской губернии (ныне Беклемишево Вешкаймского района). Его супруга Прасковья Мятлева была старшей дочерью фельдмаршала Ивана Салтыкова и «светской львицы» Дарьи Чернышёвой.

Беклемишево вместе с деревней Бутырки и селом Порецкое принадлежало отцу поэта, человеку сказочно богатому. В начале XIX века семья Мятлевых, со всеми чадами и домочадцами, выезжала сюда на лето. В 1808 году отец поэта открыл в Беклемишеве школу для крепостных крестьян – едва ли не первую в Симбирской губернии.

Протоиерей села Бурунтук Буинского уезда Алексей Иванович Баратынский, ссылаясь на воспоминания своего деда священника, писал, что сенатор Пётр Васильевич Мятлев любил приезжать со своим семейством на лето в Беклемишево – жили по месяцу и более. Они подружились со священником Никифором Афанасьевичем, в их дом часто наведывался и будущий поэт.

Сельская природа, общение с крестьянскими детьми, поездки к соседям, их рассказы и собственные детские наблюдения – всё это было той почвой, которая взрастила поэта и напитала его стихи духом народности.

И.П. Мятлев издал два сборника стихотворений (СПб., 1834 и 1835),

но известность приобрёл путевыми впечатлениями, изложенными в стихах под общим заглавием «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'Этранже» (СПб., 1840–1844; 2 изд., СПб., 1856–1867). Популярности этого сочинения отчасти содействовало искусство, с которым автор читал его в петербургских гостиных. «Сенсации г-жи Курдюковой» были переделаны для сцены и поставлены в Александринском театре. Стихи написаны языком, представляющим удачное подражание тому смешению французского с нижегородским, которое в то время господствовало в русском обществе.

В те годы Мятлев часто сочинял шуточные стихи вместе с Пушкиным и Вяземским. Слава остроусловия была так велика, что когда Смирдин предпринял своё издание «Сто русских литераторов», то Мятлев попал одним из ста уже в третий том.

Современники считали странной народную жилку, которой проникнуты многие его стихотворения («Фонарики-сударики», «Новый год», «Настоечка тройная», «Разговор барина с Афонь-

кой»), ведь Мятлев всю жизнь провёл в петербургских гостиных и за границей. Но мы-то знаем, что поэт с детства был пропитан природой и бытом чудного Симбирского края.

Полные собрания сочинений Мятлева изданы в 1857 году в Петербурге, в 1893 году в Киеве и в 1894 году в Москве. Широкую известность получило в России его стихотворение:

*Как хороши, как свежи были розы
В моём саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!*

Многие считают, что автор этих строк – Иван Сергеевич Тургенев, ведь так («Как хороши, как свежи были розы») называется его стихотворение в прозе. Оно начинается строками: «Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочёл одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти...». Однако Тургенев лукавил. Он прекрасно знал автора этих строк. Им был Иван Петрович Мятлев.

Инзенский район

Мыслитель и революционер

С селом Проломиха связаны жизнь и творчество поэта и музыканта Николая Платоновича Огарёва (1813–1877). Стремясь устроить жизнь крепостных крестьян на справедливых началах, Огарёв призывал друзей создавать в имениях фабрики и заводы, чтобы перевести крестьян на вольнонаёмный труд, перевоспитать их, приобщить к культуре. В 1848 году, заняв у Герцена 45 тысяч рублей, поэт купил Тальскую писчебумажную фабрику, находившуюся в селе Проломихе. Это была смелая попытка осуществить социалистическую утопию. Вскоре Огарёв совсем переселился на фабрику. Со страстным увлечением принялся он за устройство быта рабочих и за производство.

Огарёв отменил телесные наказания, повысил заработок, облегчил труд, предоставил свободу выхода на оброк, открыл школу и больницу. Весь хлеб с мельницы раздавался бедным бесплатно. Помогали Огарёвы лесом, деньгами, что дало возможность многим крестьянам построить себе новые дома, поправить хозяйство. Заботясь об улучшении производства на фабрике, Огарёв поставил новый паровой котёл (его волоком доставляли 8 месяцев из Москвы), изобрёл особые сорта бумаги, довёл производительность до высокого в то время уровня – 207 стоп в сутки.

Деятельность Огарёва вызывала недовольство соседей. «Ведь в нашей стороне живого слова не услышишь, – писал Огарёв Анненкову. – Перед глазами только трагикомические явления разных добродушных и недобродушных уродливых личностей». Посыпались доносы, в которых поэта обвиняли в «причастности к коммунистической секте». Последовал арест. Произошёл он в Симбирске, куда Огарёв часто приезжал и по делам фабрики, и просто встретиться с друзьями. Жена поэта, Н.А. Тучкова-Огарёва, сумела предупредить мужа, послав в Симбирск крепостного человека Варлаама Андреева. Огарёв успел уничтожить компрометирующие его бумаги. Обыск ничего не дал. Поэта повезли в Петербург. После нескольких месяцев заключения он был освобождён под надзор полиции.

Фабрика отнимала у Огарёва очень много времени. «Так много дел, что просто жизнь в тягость, – жаловался он Анненкову. – Занят фабрикой до утомления: счётами, экономикой и перестройками». Вопросы сбыта, сырья и кредита требовали частых разъездов:

Карсун, Алатырь, Пенза, Нижний Новгород. Это имело и положительную сторону: расширялся круг наблюдений, накапливались впечатления.

Отдыхом от тяжёлых забот были занятия музыкой, естественными науками. Огарёв изучал химию, анатомию, фармакологию и гомеопатию, чтобы лечить крестьян и их детей.

Супруги Огарёвы занимали небольшой двухэтажный каменный дом (сгорел в наше время, в начале 2000-х). Жили они по тогдашним временам скромно и уединённо. Тишину многочисленных комнат нарушала музыка. Огарёв всю жизнь постоянно и глубоко интересовался музыкой, сам сочинял. Упивался Моцартом, Шубертом, Глинкой, Даргомыжским. «Я отдал бы полжизни, – восклицал поэт, – для того, чтобы быть музыкантом!» В Проломихе поэт сочинял маленькие пьесы для фортепьяно, мазурки, вальсы, романсы и песни на собственные стихи, на стихи любимого Лермонтова и других поэтов.

Дом оживал, когда в Проломиху приезжали симбирские друзья: молодой композитор В.Н. Кашперов с юной женой, М.Н. Островский (брат драматурга), П.В. Анненков и другие.

Однако жилось Огарёву нелегко. Крестьяне, несмотря на всю симпатию к Огарёву, видели в эксперименте лишь барскую затею. Фабрика уже тяготила поэта, и он рад был бы с ней раздаться. Такая обстановка вызывала тяжёлые раздумья и душевные страдания. Развязка пришла неожиданно: 15 июня 1855 года фабрика сгорела, а весной следующего года Огарёв уехал за границу.

Проломиха сыграла большую роль в становлении Огарёва как поэта.

Здесь было написано много лирических стихотворений и «одно из любимых чад» Огарёва – поэма «Зимний путь», имевшая большой успех. С высоким мастерством, в духе прекрасных пушкинских традиций поэт развёртывает картины окружающей жизни, окрашивая их то печалью, то иронией, то раздумьями о судьбах личности и народа.

Николай Платонович Огарёв умер в Лондоне. Через 89 лет, в феврале 1966 года, урна с прахом замечательного сына России вернулась на родину и торжественно захоронена на Новодевичьем кладбище в Москве. Исполнилось желание поэта, писавшего: «Благословляю мою Россию и не оторвусь от неё».

Научные сотрудники УОКМ на крыльце дома Огарёва. 1990-е

Дом Огарёва в Проломихе

Фото Сергея Ойкина

С каждым годом всё возрастает интерес исследователей к личности Дмитрия Петровича Ознобишина (1804–1877). Трудно перечислить все его таланты и заслуги: поэт, писатель, очеркист, историк, фольклорист, полиглот, переводчик, почётный попечитель Симбирской классической гимназии, действительный статский советник, библиофил. Такой человек является в мир нечасто.

Памятный знак «Гений места» в с.Троицкое (г. Инза)

Поэт, открывший России Восток

Дмитрий родился в селце Троицкое Карсунского уезда (ныне Инзенский район) в семье Петра Никаноровича Ознобишина и Александры Ивановны, крещён 4 октября 1804 года. Здесь же, в Троицком поместье, прошло его детство. Родители очень рано ушли из жизни. Дмитрия взял к себе мамин отец – дедушка Иван Андреевич Варваца, национальный герой Греции, эмигрант-миллионер. Дед посеял в юной душе пылкую любовь к Востоку и его искусству. Мальчик рос в романтической атмосфере, получил прекрасное домашнее воспитание, затем учился в Благородном пансионе при Московском университете. Писать начал рано. В 1821 году в «Вестнике Европы» были напечатаны его первые стихи, а в рукописном сборнике «Мечты» появились переводы из Катулла, Гердера, Томаса Мура, Ламартина. К концу 1820-х годов поэт написал уже более 60 стихотворений. Он близко сошёлся с литераторами: М.А. Дмитриевым, А.И. Писаревым, М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым, В.Ф. Одоевским, братьями Киреевскими.

Дмитрий Петрович с головой ушёл в работу над переводами Фирдоуси, Саади, Хафиза, Низами, Нахшаби, абу-Новаса, Ибн-Руми. Слава о нём как о незаурядном поэте-переводчике особенно прогремела после того, как он перевёл манускрипт Ибн-Фадлана об исламской миссии Багдада в Болгары.

После неожиданных утрат - смерти брата и сестры – Дмитрий Петрович уехал в Троицкое. На родине он стал почётным смотрителем Карсунского уездного училища, попечителем Симбирской классической гимназии.

Открыл школу для крестьянских детей. Не отошёл он и от научной деятельности, постоянно пополняя родовую библиотеку.

В поездках по Поволжью Ознобишин собирал чувашский, татарский и мордовский фольклор. В печати появилась чувашская народная песня «Кукушка кукует на ёлке» в его переводе. В сборник Киреевского вошли записанные Ознобишиным свадебные песни, русские сказки. Переводил поэт-полиглот шведские, сербские, литовские, эстонские, норвежские песни. На все века прославил его шведская песня «Чудная бандура» – она мгновенно распространилась в России как русская народная песня «По Дону гуляет казак молодой».

1830-е годы – самые счастливые в жизни поэта. Он знакомится с Пушкиным. Публикация «Чудной бандуры» получила одобрение В.К. Кюхельбекера, В.Г. Белинского. В 1835 году Дмитрий Петрович женился на Елизавете Александровне Рогановской. Через два года у них родился сын Иван. Стихи лились сами собой. Поэт много работал. Вскоре стало понятно, что Елизавета Александровна серьёзно больна. В 1846 году она скончалась. Безутешный поэт не мог более оставаться в имении и вместе с сыном на долгое время уехал за границу. Кочевая муза Ознобишина оказалась богатой на стихи, особенно переводы.

Вторую и последнюю свою любовь Дмитрий Петрович встретил в 50 лет. Это была юная Таисия Кадонцева, внучка адмирала Д.Н. Сенявина. Разница в возрасте (30 лет) смущала Ознобишина, но вскоре он понял, что

его чувство взаимно. В 1861 году они поженились, и снова поэзия Ознобишина задыхалась восторгом и упоением. Супруги поселились в Троицком. Большую часть времени Ознобишин посвящал общественной деятельности, занимался вопросом обустройства крестьян после освобождения от крепостной зависимости. Таисия ждала ребёнка. И вдруг – новая беда! Послеродовая горячка унесла жизнь любимой супруги. Девочка Лиза осталась жить. Не в силах оставаться в родном имении, Ознобишин уехал в Симбирск. Утешение находил в религии, в чтении псалмов и переложении их на язык поэзии (так появились поэмы «Мария Египетская», «Часовня летнего сада»).

В 1877 году Ознобишин поехал на Кавказские минеральные воды. Это место было связано с именем деда Варваца, открывшего для России целебные источники и подарившего Ессентукам первое ванное здание на Горячей горе. Здесь 2 августа 1877 года поэт трагически погиб – пьяный извозчик перевернул коляску, в которой он ехал. Забальзамированное тело Ознобишина захоронили в Кисловодске, но затем, выполняя волю покойного, гроб перевезли в Симбирскую губернию и перезахоронили в фамильном склепе под алтарём церкви с. Китовки.

На родине не забыто имя Дмитрия Ознобишина. Традиционно с 2003 года на базе Инзенского филиала УлГУ проходит Международная научно-практическая конференция «Ознобишинские научные чтения» под руководством профессора Владимира Николаевича Шкунова.

Карсунский район

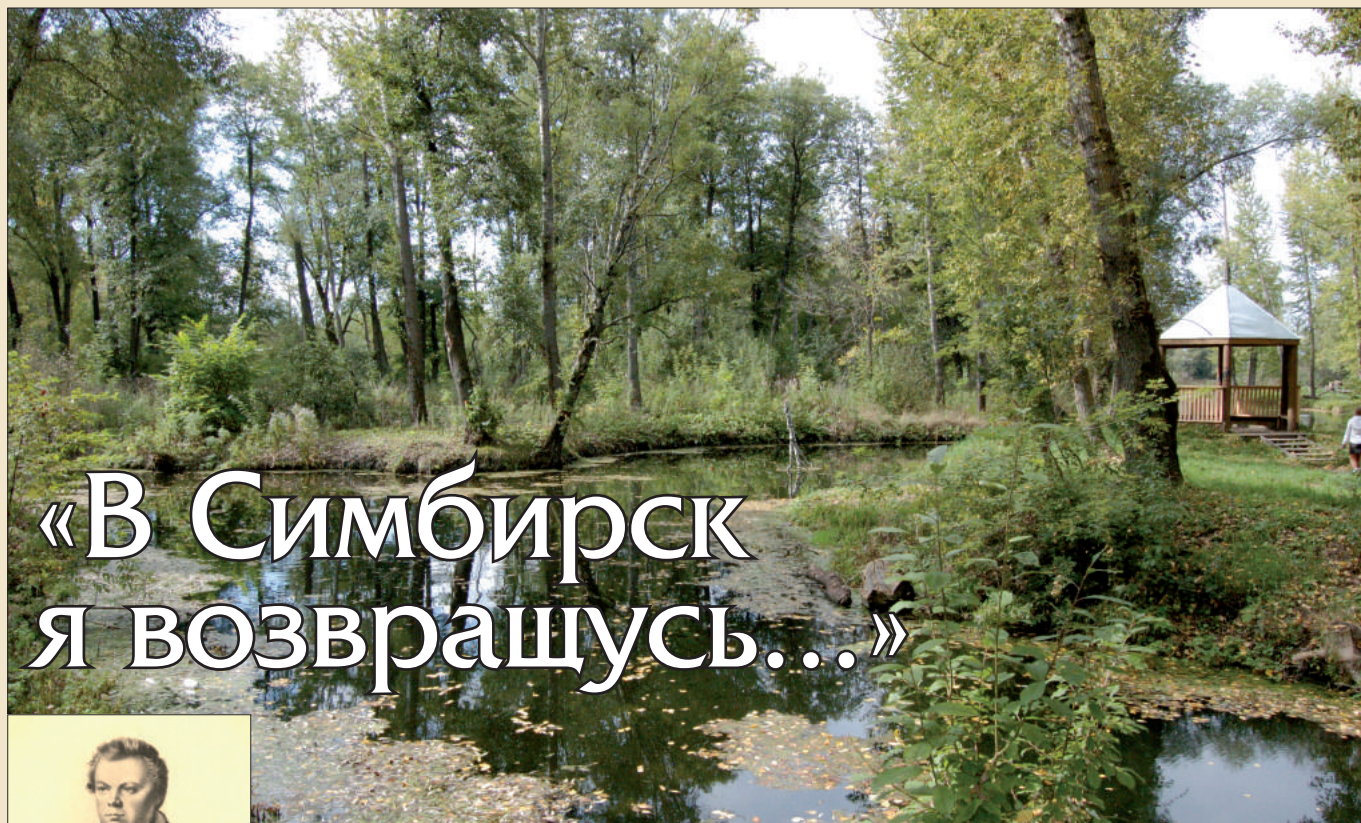

Фото Сергея Ойкина

Николай Михайлович Языков (1803, Симбирск – 1847, Москва) – выдающийся поэт-лирик, представитель ближайшего поэтического окружения А.С. Пушкина. В селе Языково Карсунского уезда находилось родовое поместье дворян Языковых.

В 1814 году Николай Языков поступает в Санкт-Петербургский горный кадетский корпус, затем учится в Институте инженеров путей сообщения, Дерптском университете (1822–1829), но их не окончил – увлёкся поэзией. Весной 1819 года состоялся поэтический дебют Н. Языкова в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Его стремительно растущий талант сразу был замечен именитыми литераторами того времени. А.С. Пушкин в письме П. Вяземскому писал о Языкове: «Если уж завидовать, так вот кому я должен завидовать... Он всех нас, стариков, за пояс заткнёт». Поэзия Н. Языкова отличалась искристым, звонким и блестящим стихом, она воспевала и высокий труд науки, и будущее гражданское призвание студента, и предания отечественной старины, и весёлое студенческое братство.

Первая личная встреча с А.С. Пушкиным произошла летом 1826 года,

когда А. Вульф и Н. Языков по приглашению поэта прибыли в Тригорское, недалеко от которого, в имении Михайловское, в это время находился ссыльный А. Пушкин.

После возвращения из Дерпта в Москву Языков сблизился с братьями Иваном и Петром Киреевскими, М. Погодиным, А. Хомяковым, что оказало заметное влияние на его мировоззрение и возросший интерес к идеям славянофильства. Период после университетской жизни ознаменовался для Языкова созданием в 1829 году его знаменитого стихотворения «Пловец» («Нелюдимо наше море»). В 1833 году в Петербурге вышел первый сборник «Стихотворения Н. Языкова», восторженно принятый виднейшими литераторами России. В этом же году он уехал в Симбирскую губернию, где прожил около пяти лет.

В сентябре 1833 года А.С. Пушкин, собирая материалы для «Капитанской дочки» и «Истории Пугачёва», совер-

шал поездку по Поволжью и Уралу. В родовом имении Языковых поэт побывал дважды. В первый приезд, в отсутствие Николая Михайловича, он был гостем его брата Петра Михайловича. На ночлег Александра Сергеевича устроили в комнате на первом этаже, предназначавшейся для почётных гостей. В.Н. Поливанов, осматривавший её в 1896 году, в своём очерке «Село Языково» рассказывал: «Комната эта средней величины, с одним большим окном в сад, обставлена мебелью красного дерева, чёрной деревянной кроватью и в углу типичным украшением камина в форме усечённой колонны... Пушкин, не застав Николая Михайловича дома, вырезал ему алмазным перстнем на память на одном из стёкол окна своей комнаты своё имя». Драгоценный этот автограф долго хранился. За комнатой, где ночевал А.С. Пушкин, осталось в доме название «пушкинской». Возвращаясь

обратно из поездки, А. Пушкин вновь заехал в имение, долгожданная встреча с Н. Языковым состоялась.

Состояние здоровья Н. Языкова вынудило его уехать в 1837 году на шесть лет, до 1843 года, лечиться за границу. Он жил в Мариенбаде, Ганау, Крейцнахе, Гаштейне. В зарубежных стихах Н. Языкова, наряду с мастерски написанными философскими размышлениями о природе, встаёт образ далёкой России, любовь к которой в разлуке обострилась.

В марте 1840 года в Ницце было написано стихотворение «Графу Владимиру Алексеевичу Соллогубу», в котором поэт выразил свою любовь к родным с детства местам.

*Когда в чужбине я свою
Неугомонную тоску перетоскую
И чащу горькую допью,
В Симбирск я возвращусь,
в мой уединенье,
В покой родимого гнезда...*

В 1843–1846 годах Николай Языков жил в Москве. В это время созданы его известные «Стихи на объявление памятника историографу Н.М. Карам-

Фото Сергея Ойкина

Пушкинский праздник в Языкове

зину», стихотворение о назначении поэта в понимании Н. Языкова «Землетрясение», послания «К ненашим», «К Чаадаеву». Выходят две книги стихов: «56 стихотворений Языкова» (1844) и «Новые стихотворения» (1845).

Высоко ценил талант Языкова Гоголь, дружба с которым началась в путешествии по Италии. Н.В. Гоголь писал: «И недаром пришлось ему имя Языков. Владеет он языком, как араб

диким конём своим...». Статья Н. Гоголя увидела свет в те дни, когда пронеслась весть о смерти Языкова. 7 января 1847 г. (26 декабря 1846 г. по ст. стилю) Н.М. Языков скончался, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Ежегодно в июне в старинном Языковском парке в р.п. Языково, где располагалась усадьба Языковых, которую в 1833 году посещал А.С. Пушкин, проводится Пушкинский праздник.

Поэт-весельчак с трагической судьбой

В 1864 году в журнале «Современник» (№ 2) появилось стихотворение Ивана Ивановича Гольц-Миллера «Слушай!». Переложённое на музыку П.П. Сокольским, оно быстро стало популярным и обошло всю Россию. Это стихотворение было написано в уездном городке Карсуне Симбирской губернии, куда автора сослали под надзор местной полиции.

Иван Иванович Гольц-Миллер (1842–1871) – типичный разночинец. Сын мелкого служащего, он блестяще окончил минскую гимназию и в 1860 году поступил в Московский университет.

Пылкий юноша выбрал путь «народного заступника». За составление революционных прокламаций Гольц-Миллер был арестован и после двухгодичного пребывания в тюрьме выслан сначала в Минск, а потом – в Карсун.

В Карсун Гольц-Миллер прибыл в жаркий июльский день 1863 года. По словам сопровождавшего его жандарма, хилый, по всем признакам больной юноша всю дорогу шутил, рассказывал разные истории, читал стихи, пел песни собственного сочинения.

В конце 1850-х годов в Карсуне появились первые ссыльные. В 1864 году

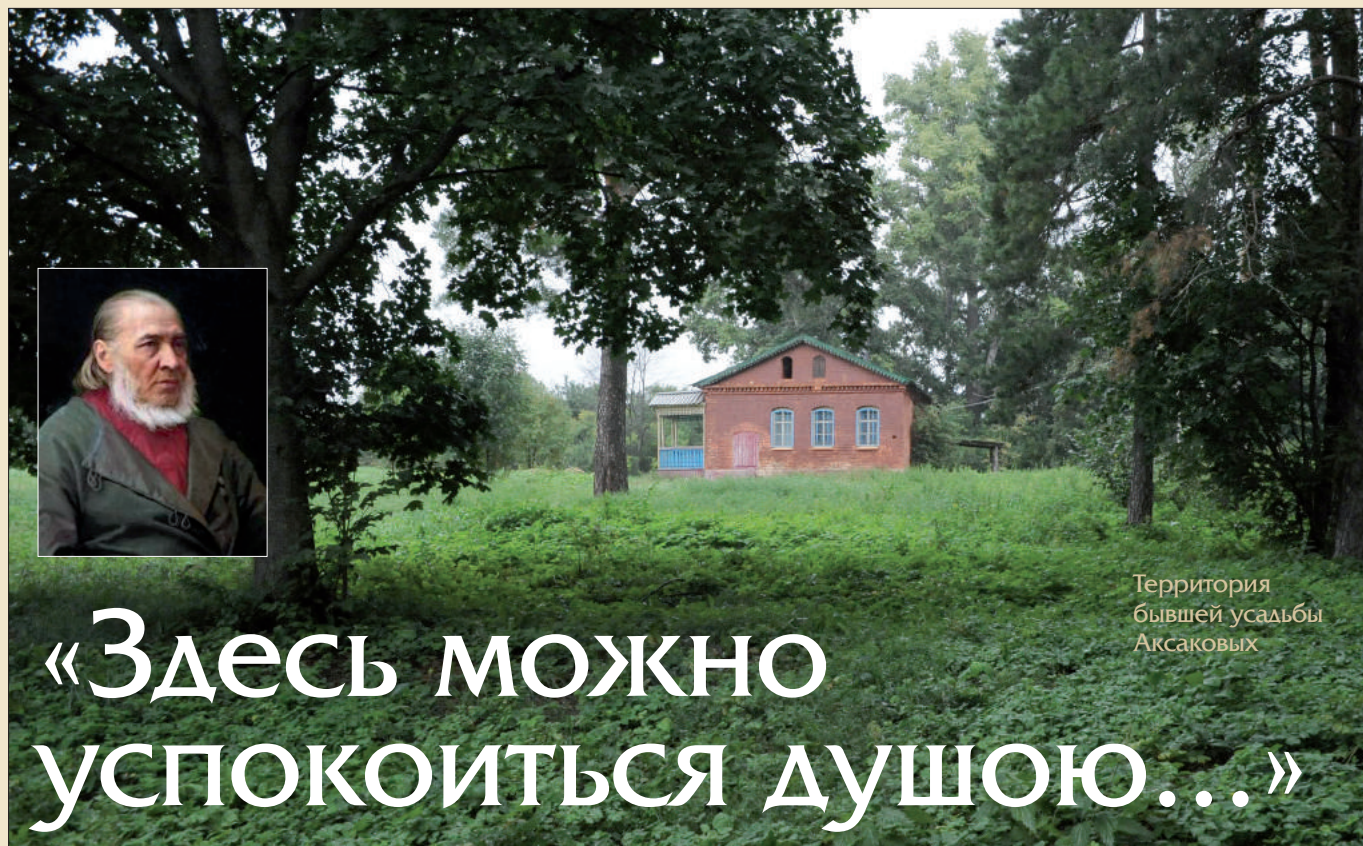
их число увеличилось партий поляков, принимавших участие в восстании 1863 года. Жили они обособленно. Общительный Гольц-Миллер, несмотря на туберкулёз, быстро сошёлся с ссыльными и с местной интеллигенцией. Он хорошо играл на фортепьяно, сам сочинял музыку, декламировал Беранже, Некрасова, свои стихи, острил, танцевал – словом, был желанным членом компании. Болезнь прогрессировала, а лечиться не на что и не у кого. Отзвучивший поэт своё арестантское содержание отдавал другим, сам жил частными уроками и скудным гонораром за переводы. В Карсуне Гольц-Миллер создал лучшие свои произведения: «Пролог к ямбам», «Погибающие», «Отверженная», «На жизнь и смерть закаятая» и другие. Часть из них была напечатана

в журналах «Русское слово» и «Современник», иные же так и остались неопубликованными. Мотивы его карсунских стихотворений перекликались с некрасовскими: ненависть к угнетателям, протест против рабства, скорбь о задавленном русском народе. Свою любовь к России Гольц-Миллер излил в стихотворении «К Родине». Но настоящую славу ему принесло стихотворение «Слушай!». Занимался Гольц-Миллер также переводами из Байрона, Ленау, Барбье.

В Карсуне поэт прожил около двух лет. 28 марта 1865 года ему было разрешено продолжать учение «в одном из университетов, за исключением столичных». Гольц-Миллер выбрал Одессу. Уезжал он из Карсуна не без надежды на лучшее будущее, но через шесть лет умер в Орле от «злой чахотки».

Майнский район

Территория
бывшей усадьбы
Аксаковых

«Здесь можно
успокоиться душой...»

Фото Сергея Ойкина

Во время своих поездок и странствий по Среднему Поволжью Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859) частенько бывал в Симбирске и Симбирской губернии. Свои впечатления писатель оставил в «Детских годах Багрова-внука» и в «Семейной хронике».

В городе он обычно останавливался в доме тётки своего отца Н.И. Куроедовой.

Недалеко от станции Майна находится село Аксаково – родовое имение Аксаковых. Щедра, разнообразна и сказочна природа вокруг этого села: поля, леса и перелески, холмы, овраги, лощины, светлые ключики родников и заплутавшаяся в зарослях ивняка махонькая речушка Майна.

В произведениях писателя село Аксаково упоминается десятки раз под именем Старого Аксакова, Симбирского Аксакова, Троицкого, Симбирского Багрова.

Дедушка и отец писателя дорожили Аксаковым. Описывая один из приездов семьи в Аксаково, Сергей Тимофеевич говорил: «Я заметил, что отец чуть не заплакал, войдя в старые господские хоромы и увидя, как всё постарело, осело и покосилось... «Это, Серёжа, наше родное имение», – говорил мне отец».

Следуя семейной традиции, родители писателя считали своим долгом

обязательно бывать в Аксакове. Вместе с ними, а потом и один посещал село и Сергей Тимофеевич. В начале 1830-х годов писатель прожил здесь целый месяц с сыном Константином. Побывал он в селе Аксакове также в 1851 году, когда вместе с сыновьями совершал длительное путешествие по Волге, предпринятое для свидания с родными, для хозяйственного обзора имений и положения крестьян, оставленных хозяевами 25 лет назад.

Страстный рыболов и охотник, чьё художественное творчество, по замечанию Соколова-Микитова, почти всё связано с охотничьей темой, писатель любил Аксаково за чудесную лесную охоту с ружьём. Здесь летом 1806 года, будучи студентом Казанского университета, Аксаков получил полное удовлетворение от собирания бабочек. Это было «увлечение ранней... молодости, которое, хотя недолго, но зато

со всей силой страсти овладело мною и оставило глубокое, свежее до сих пор впечатление», – писал Сергей Тимофеевич незадолго до смерти. О своём увлечении писатель рассказал в сочинении «Собирание бабочек» (1858).

Село Аксаково от отца перешло к младшему брату писателя Аркадию Тимофеевичу, который энергично взялся за восстановление родового гнезда. Он воздвиг грандиозные каменные постройки, поражающие современников своими размерами и оригинальностью.

А неподалёку, в Чуфарове (по произведениям Чурсова) жила богатая тётка писателя Надежда Ивановна Куроедова, описанная под именем Прасковьи Ивановны Куролесовой. Воспитанница дедушки Аксакова, она украдкой вышла замуж за молодого, красивого, но бедного помещика М.М. Куроедова и принесла с собой в приданое Чуфарово и другие имения. Замужество оказалось

неудачным. Жестокий крепостник, развратник и самодур Куроедов на всю губернию прославился своими оргиями и кутежами, зверскими истязаниями крепостных. Выведенные из терпения крестьяне в 1792 году отравили Куроедова. После смерти мужа Надежда Ивановна поселилась в Чуфарове. Умерла она в 1806 году в Симбирске, оставив отцу С.Т. Аксакова большую долю своих имений.

В конце XVIII – начале XIX века Чуфаровская усадьба была маленьким центром дворянской культуры. Влиятельная, достаточно развитая хозяйка, к которой считал своим долгом заглядывать и сам губернатор, жила широко. Огромный господский дом с флигелями был окружён обширным садом-парком с оранжереями, теплицами и двадцатью родниками, бившими из горы. Многочисленная прислуга с утра до вечера сновала по комнатам, обставленным богатой мебелью и украшенными картинами. В доме имелась изрядная библиотека. Среди ежедневных гостей часто можно было видеть А.М. Карамзина, брата знаменитого историографа, П.И. Миницкого, владельца прекрасной библиотеки и собирателя старинных документов, Н. Философова, местного острошлова, и других образованных дворян.

После степного оренбургского захолустья жизнь в Чуфарове юному Аксакову казалась «городской», господский дом – «дворцом из Шехерезады», а само «знаменитое» Чуфарово с его двумя церквями и вычурными

барскими постройками – «похожим на город».

Родители писателя – главные наследники Куроедовой – видели в ней «благотельницу» и беспрекословно выполняли её желания, часто и подолгу гостили всей семьёй в Чуфарове. Здесь будущий писатель соприкоснулся с обществом культурных людей, со стихией книжной поэзии. Жизнь открылась перед впечатлительным, даровитым ребёнком новыми, ещё не виданными сторонами. Началось «исступлённое чтение» книг. Кроме русских поэтов и писателей (Карамзина, Хераскова, Долгорукова и др.), по поводу которых шли «прежаркие споры» с дочкой Миницкого, в библиотеке имелись Мейснер, Ричардсон, Гольдсмит и пр. «Обогащённый новыми книгами и новыми впечатлениями, – признавался Аксаков, – я беспрестанно разговаривал и о том и о другом со своей матерью и с удовольствием замечал, что я стал старше и умнее, потому что мать и другие говорили, рассуждали со мной уже о том, о чём прежде и говорить не хотели».

Здесь Аксаков впервые заметил социальные контрасты. Открыл, что сама Куроедова, несмотря на её ум, ласку и любовь к его родителям, далеко «не такая добрая»: дворовых жестоко наказывает, отдаёт в солдаты, помыкает

бедными гостями. Так Чуфарово способствовало формированию общественных взглядов писателя, содействовало его литературному росту.

В своих поездках в Аксаково и Чуфарово родители писателя всегда останавливались в Вишенках, принадлежавших Куроедовой, а после её смерти перешедших к отцу автора «Семейной хроники». Пребывание в Вишенках и сама деревня описаны в «Детских годах Багрова-внука». «Это было самое скучное степное место», – писал Аксаков о Вишенках. Помещичьего дома здесь не существовало, был лишь флигель, в котором во время наезда останавливались барин и управляющий. Впоследствии в окрестностях Вишенок по реке Бирля Аксаков любил ходить на уток.

Страсть к охоте заставила Аксакова заглянуть в самые отдалённые уголки нашего края. Он бывал на реке Инзе, где «охотники собирались отличные и охоты бывали баснословно удачные». Завёл близкое знакомство с симбирскими охотниками.

Связи с Симбирским Поволжьем поддерживали и члены семьи С.Т. Аксакова. В 1854 году здесь побывал сын писателя, поэт и публицист И.С. Аксаков (1823–1886). С дороги он писал отцу: «А я, едуци по Симбирской губернии, думал, что хорошо бы вам приехать сюда, милый Отесенька! Здесь-то, посреди мест, родных Вашей душе, посреди этого богатства природы и благодатного простора, вдали от Москвы, можно успокоиться душою. Когда я ехал, так мне хотелось перенести Вас собою в эти чудесные края».

В окрестностях
села Аксаково

Фото Сергея Ойкина

Писатель-сентименталист Н.М. Карамзин

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) родился в семье симбирского помещика, в селе Знаменском, ещё при жизни писателя переименованном в Карамзино (ныне Майнского района). Первым учителем будущего историографа был местный дьячок. Ребёнок развивался быстро, чему много способствовала семейная библиотека, откуда мальчик, рано научившийся читать, брал книги. Романы увлекали описаниями происшествий и сильно действовали на его воображение. Большое влияние оказала на Карамзина окружающая природа, в самом тесном соприкосновении с которой он находился с утра до вечера.

В Карамзино произошло необыкновенное событие, сильно повлиявшее на впечатлительного мальчика. Раз во время грозы он бежал из леса домой, как вдруг из-за деревьев прямо на него вышел медведь. В ужасе мальчик упал без сознания. Когда он очнулся, то увидел зверя подле себя мёртвым: его убило молнией. Этот случай Николай Михайлович подтверждал не раз.

Осень и зиму Карамзины обычно проводили в городе, где у них на Венце был свой дом. В Симбирске Николай учился в городском пансионе, брал уроки немецкого языка у местного врача. Здесь он сблизился с будущим своим «сотрудником и помощником» Иваном Дмитриевым. В 1784 году И.П. Тургенев уговорил юношу Карамзина уехать с ним в Москву. В дальнейшем связь с городом и Карамзинкой, где жил старший брат, поддерживалась письменно.

Самое сильное впечатление, увезённое Карамзиным с родины, была Волга. Он писал: «...я небесным светом озарился и чувством жизни наслаждался... во цвете радостной весны, где я природу полюбил...». Волжские пейзажи так пленили юное сердце Карамзина, что на всю жизнь стали самым отрадным воспоминанием и нашли отражение в его творчестве. В повести «Рыцарь нашего времени», характеризуя героя, в котором легко узнать самого автора, Карамзин пишет: «...Леон часто сидел с книгой на берегу Волги... Оставляя книгу, смотрел он на синее пространство Волги, на белые парусы судов и лодок, на станицы рыболовов... Сия картина так сильно впечатлелась в его юной душе, что он через 20 лет после того... не мог без особого радостного движения видеть большой реки, плывущих судов...

Волга, родина и беспечная юность тотчас представлялись его воображению, трогали душу, извлекали слёзы». В письмах к братьям он часто вспоминал о Волге. «Величественная Волга, столь знакома мне с детства». Побывав за границей, он не без гордости пишет: «Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе».

Едва ли не первым Карамзин сделал Волгу одной из любимых тем русской поэзии. Восторженным преклонением перед великой рекой дышит его стихотворение «Волга»:

*Река, священнойшая в мире,
Кристалльных вод царица-мать!
Дерзну ли я на слабой лире
Тебя, о Волга, величать...*

О Волге не забыл вспомнить Карамзин и в повести «Наталья, боярская дочь».

Волжские впечатления содействовали образованию того культа природы, с которым мы встречаемся у писателя и который составляет одну из характерных черт сентиментализма.

Не прошло бесследно для творческой деятельности Карамзина и его пребывание в родном селе. В незавершенной повести «Рыцарь нашего времени» (1802–1803), основанной, по признанию автора, «на воспоминаниях молодости», он описывает своё детство, родителей, делает попытку разобраться в детской психологии, проследить формирование характера, что для русской литературы того времени являлось новостью.

В 1845 году в Симбирске был торжественно открыт памятник Карамзину (автор – известный скульптор Гальберг). Памятник представляет собой большую статую музы истории Клио, что должно было оттенить значение Карамзина как историка. Статуя Клио стоит на пьедестале, в нише которого выставлен бюст писателя. В то время разрешалось увековечивать лишь принцев крови да героев военного звания – вот чем вызвана необычная композиция памятника. Тенистый садик вокруг памятника носит название Карамзинского и служит одним из любимых мест отдыха ульяновцев.

Церковь с. Ляховка,
Майнекий район

Фото Сергея Ойкина

Народные твердыни

Имя и творчество Аполлона Аполлоновича Коринфского (1867–1937), довольно популярного на рубеже XIX–XX веков поэта, переводчика, публициста, очеркиста-этнографа, оказалось после 1917 года фактически вычеркнуто из русской литературы. В советский период стихотворения Коринфского почти не публиковались. Лишь недавно (впервые с 1901 года) был переиздан его уникальный фольклорно-этнографический труд «Народная Русь».

Родился Аполлон Коринфский 10.09 (29.08) 1867 года в Симбирске в небогатой дворянской семье. Фамилию он унаследовал от деда М.П. Варенцова, выходца из семьи арзамасского крестьянина-мордвина, который при окончании Академии художеств за архитектурский проект в коринфском стиле получил золотую медаль и по личному повелению императора Александра I стал именоваться Коринфским.

Мать Аполлона Коринфского, Серафима Семёновна Волкова, умерла при его рождении, а в возрасте пяти лет он лишился и отца. Детство провёл в отцовском имении Ртищево-Каменский Отколоток (ныне Майнский район Ульяновской области). В 1879 году он поступил в Симбирскую классическую гимназию, где в течение семи лет учился в одном классе с Владимиром Ульяновым. В пятом классе издавал рукописный журнал «Плоды досуга», а в выпускном ушёл из гимназии. Виной тому была любовь к юной Сашеньке Жулебиной – соседке по имению в Хохловке. 16-летнему Аполлону и его сестре Серафиме после раздела наследства с братьями досталось это имение с 136 десятинами земли. Юного поэта родная природа вдохновляла на стихи, и он решил поселиться в имении, но не один, а с любимой. Сашенькины родители не дали благословения на брак, и молодые обвенчались тайно, но семейная идиллия продлилась недолго.

В эти годы Коринфский уже занимался профессиональным литературным трудом в должности заведующего симбирским отделением «Казанского листка». Со второй половины 1880-х годов в провинциальной и столичной

печати появляются многочисленные его стихотворения, очерки, рассказы, фельетоны.

После переезда в Москву (1889) и Петербург (1891) Аполлон Коринфский сотрудничает со многими газетами и журналами: «Россия», «Русское богатство», «Наше время», «Мир Божий», «Исторический вестник», налаживает литературные контакты. Он пишет о творчестве В.Я. Брюсова, Ф.К. Сологуба, М. Горького, К.М. Фофанова, М.А. Лохвицкой и других.

С 1894 года одна за другой выходят книги стихов и прозы Аполлона Коринфского. Живо интересуясь волжским фольклором с гимназических лет, он неустанно собирал и записывал тексты календарно-обрядовой и духовной народной поэзии, благодаря чему позднее издал несколько фольклорно-этнографических трудов. В разные годы А.А. Коринфский переводил зарубежных поэтов: Гейне, Кольриджа, Мицкевича, Беранже.

С 1918 года поэт вместе со второй женой Марианной Иосифовной жил в посёлке Лигово под Ленинградом. Не имея возможности содержать семью на литературный заработок, он в 1917–1920 годах состоял на службе корреспондентом в Просветительском Комитете, в редакционной Коллегии Всеобуча, в отделе учёта лавок Петрокоммуни, а с ноября 1920 года стал библиотекарем 54-й Трудовой Советской школы в Петрограде.

В 1929 году семья Коринфских переезжает в Тверь. Причиной тому стало заведённое на поэта уголовное дело «по обвинению группы подпольной контрреволюционной организации». Речь шла о литературном клубе, в котором участвовал Аполлон

Коринфский: обвиняемые участники кружка – «осколки старого мира» – собирались на квартирах, чтобы обсудить книжные новинки, прочитать свои стихи.

Политические воззрения А.А. Коринфского были определены следствием как «сочувствующий народническому движению». Весьма интересна характеристика его общественных взглядов, данная одним из «свидетелей»: «Коринфский. Типичный и убеждённый сторонник величия России или в духе народовольцев, или в духе свободного народа, но без Советской власти. Писал стихотворения антисоветского характера».

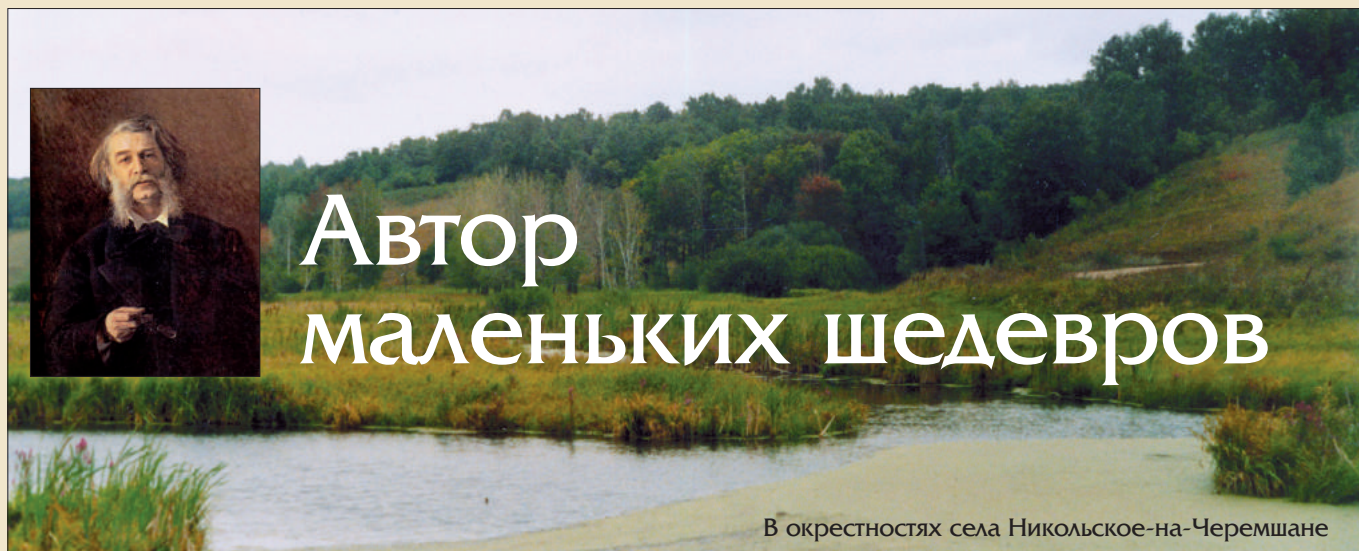
28 ноября 1928 года поэт был привлечён по делу в качестве обвиняемого. Он был лишён права проживания в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону. Аполлон Коринфский получил самое мягкое наказание. Из 17 осуждённых трое были приговорены к расстрелу, остальные – к лагерям, тюрьме и высылке.

Живя в Твери-Калинине, супруги Коринфские хронически бедствовали. Пытаясь доказать свою политическую лояльность власти, Аполлон Коринфский в 1929 году сочинил стихи, прославляющие советский строй. Но даже эти стихи были отклонены.

А.А. Коринфский скончался в неизвестности 12 января 1937 года и был погребён в Твери, на кладбище при церкви в честь иконы Божией Матери «Неопалимая купина». На прибитой к деревянному кресту металлической дощечке была надпись: «Поэт Аполлон Коринфский». И далее вместо эпитафии строки из его стихотворения «Родина»: «Храни, Господь, народные твердыни, живи вовек, родная мне страна!».

Мелекесский район

Автор
маленьких шедевров

В окрестностях села Никольское-на-Черемшане

Фото Ольги Шейпак

Прозаик, переводчик, искусствовед Дмитрий Григорович родился 31(19) марта 1822 года в Никольском-на-Черемшане Ставропольского уезда Симбирской губернии (ныне Мелекесского района). Его отец, Василий Ильич, в начале 1820-х годов служил здесь управляющим имениями графа Соллогуба, затем приобрёл имение Дулебино в Каширском уезде Тульской губернии и стал помещиком. В 1820 году Василий Ильич женился на француженке Сидонии де Вармо(н), чья сводная сестра Камилла Ледантю была замужем за декабристом В.П. Ивашевым.

Мальчик рано остался без отца, его воспитывали мама и бабушка. В 1832–1833 годах Дмитрий около полугода занимался в Московской гимназии, откуда мать перевела его в пансион Монигетти, где преподавание велось на французском языке и включало посещение рисовальных классов в Строгановском художественном училище. После кратковременного пребывания в 1836 году в петербургском пансионе К.Ф. Костомарова Григорович поступил в Петербургское главное инженерное училище, где подружился с Ф.М. Достоевским – беседы с ним пробудили тягу к литературе и повлияли на его развитие. Военная карьера юношу не привлекала, и вскоре он покинул училище. В 1840 году Григорович брал уроки живописи, занимался в Академии художеств, но также не завершил учёбу.

В 1842 году он определился на службу в канцелярию Петербургского Большого театра. Общение с актёрами и драматургами побудило Григоровича заняться литературным творчеством. Он перевёл французские водевили, напечатал рассказы «Театральная карета» (1844), «Собачка» (1845). Благодаря общительности Д.В. Григорович завёл

широкий круг знакомств. В 1845 году Н.А. Некрасов привлёк его к участию в издаваемом им альманахе «Физиология Петербурга». Д.В. Григорович на основе наблюдений за жизнью уличных музыкантов написал очерк «Петербургские шарманщики», получивший положительный отзыв В.Г. Белинского. Ободрённый успехом, Григорович написал повесть «Деревня» (1846), обличив крепостничество. Подлинную же литературную славу ему принесла повесть «Антон Горемыка» (1847), где герой-мужик, задавленный нуждой и произволом, явил лучшие качества национального характера.

В конце 1840-х – начале 1850-х годов Д.В. Григорович публикует в «Современнике» ряд рассказов и очерков. В дальнейшем он задумывает большое художественное полотно и пишет роман «Просёлочные дороги» (1852), взяв за образец «Мёртвые души» Н.В. Гоголя. Критика не одобрила роман и указала на его подражательность, но неудача не охладила Григоровича, и он пишет новые произведения, в которых сюжет опять же строится на взаимоотношениях помещиков и крепостных.

Ярким эпизодом в жизни писателя стало путешествие вокруг Европы на

военном корабле «Ретвизан», совершённое по приглашению Морского министерства в 1858–1859 годах. По следам своего путешествия Григорович в «Морском сборнике» опубликовал серию очерков «Корабль «Ретвизан».

В середине 1860-х годов писатель надолго оставляет литературу и выступает в печати лишь изредка, преимущественно как критик-искусствовед.

Вновь к литературному творчеству Григорович возвратился только в начале 1880-х годов. Его повесть «Гуттаперчевый мальчик» (1883), повествующая о несчастном жребии маленького акробата-сироты, была воспринята критикой как «маленький шедевр», вошла в классику русской детской литературы.

Основной труд последних лет жизни Д.В. Григоровича – «Литературные воспоминания» (1892–1893), в них освещена литературная жизнь 1840–1850-х годов, очерчены выразительные образы молодого Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, А.В. Дружинина, Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова и других литераторов того времени.

Д.В. Григорович умер в Петербурге 22 декабря 1899 года (3 января 1900 года по новому стилю), похоронен на Волковом кладбище.

Любитель словесности

С Симбирским краем связаны жизнь и деятельность Владимира Александровича Соллогуба (1814–1882), крупного помещика губернии. Он сотрудничал в местных «Губернских ведомостях», написал интересные заметки о симбирском театре. Для своих повестей и рассказов он многое почерпнул из жизни Симбирска. В образах провинциальных дворян («Медведь», «Три жениха» и др.) современники усматривали черты некоторых симбирян. Да и сами герои не скрывают своей принадлежности к жителям Симбирска.

Вернувшись в 1834 году после окончания Дерптского университета в Петербург, Соллогуб служил при Министерстве внутренних дел. К этому времени он уже был знаком с Пушкиным и Гоголем, близок к Карамзиным – им первым читал до печати свои сочинения. Интерес к светской жизни столкнул Соллогуба однажды с Пушкиным, которого он обожествлял: в конце 1835 года его незначительный разговор на балу с Н.Н. Пушкиной был перетолкован светской сплетней и дошёл до поэта, последовал вызов. Соллогуб твёрдо решил не стрелять в Пушкина. Противники объяснились и примирились, а позже ещё более сблизились.

О Пушкине Соллогуб рассказывал в начале 1850-х годов П.В. Анненкову,

симбирскому помещику В.П. Юрлову. П.Д. Боборыкин, встречавшийся с Соллогубом в середине 1850-х годов в Дерпте, вспоминал: «...От него я услышал за два сезона, особенно в Карлове, целую серию рассказов из его воспоминаний о Пушкине, которого он хорошо знал, Одоевском, Тургеневе, Григоровиче, Островском». Частично эти рассказы вошли в воспоминания Соллогуба, однако, далеко не все. Не сохранился рассказ Соллогуба о Гончарове – о нём вспоминал Боборыкин: «Для него (Гончарова) стоило великих усилий решиться на что-нибудь такое, что может поставить его в неловкое положение. Про эту преобладающую черту его натуры и воспитания мне много рассказывал автор «Тарантаса»

граф В.А. Соллогуб, ещё в последние годы моего учения в Дерпте. Он хорошо знал Гончарова с самых первых его шагов как писателя, и у него было несколько забавных рассказов...».

В 1865 году Соллогуб был избран членом Общества любителей российской словесности. Своё вступление в общество он ознаменовал докладом о знакомстве с Гоголем, Пушкиным, Лермонтовым. «Много у меня материалов, – сообщал писатель, – много воспоминаний об иностранной и русской жизни, о Кавказе, о войне и мире, об искусстве и художниках, о коловороте стремлений, личностей, событий, в которых я двигался в течение полувека». Это подтолкнуло его написать замечательные мемуары.

В.А. Соллогуб. Воспоминания (Отрывки)

Дом в Никольском был огромный и построен на века – из кирпича и железа. Он состоял из главного корпуса и четырёх флигелей по углам. Перед главным фасадом, обращённым к красивой реке Черемшан, располагался за железной решёткой цветник, без цветов. С другой стороны у противоположного фасада устроен был въездной двор с окружающим его каменным забором. За забором тянулся на несколько десятин огромный сад – парк, разделяющий село на две половины. В саду находились значительные каменные теплицы, но зато не было ни весёлой растительности, ни зелёных лужаек, ни вековых деревьев, ни живописных видов... Вот что было тому причиной. Русло Черемшана песчано до безобразия, на берегах его лежат большие пространства сыпучего песка, напоминающие африканскую Сахару...

Никольским долгое время владел известный в своё время горнозаводский промышленник миллионер Твердышев. От него пошли богатства Козицких (княгиня Белосельская-Белозерская и графиня Лаваль), Пашковых, Дурасовых. Твердышев владел и Никольским, и окружающими его вотчинами... Впрочем, сам Твердышев, как кажется, никогда не жил в Никольском и вряд ли даже когда-нибудь бывал в нём. Туда изредка наезжал его преемник, Николай Алексеевич Дурасов, человек тоже весьма богатый и чрезвычайно хлебосольный... В Никольском в то время были ещё другие затеи, свой доморощенный театр, своя доморощенная музыка. К Дурасову съезжалось дворянство трёх губерний, и он устраивал пиры уже с черемшанскими стерлядками, давно теперь разбежавшимися от устройства мельницы. После

Дурасова Никольское перешло в руки братьев Обресковых, от которых оно и было приобретено на имя матушки через посредничество Захара Николаевича Посникова. Наш управляющий Василий Ильич Григорович был, что называется, мастер своего дела... он родитель Дмитрия Васильевича Григоровича, составившего себе громкую известность и на литературном, и на художественном поприще...

Женат был Василий Ильич на Сидонии Петровне Ledentu, дочери почтенной Madame Ledentu, воспитательницы дочерей богатого симбирского помещика генерала Ивашева. Ростом Сидония Петровна была высокая, худая, отчего держалась немного сгорбленно, но лицо имела очень приятное и умное; мы её, как и мужа её, очень любили. Во время нашего пребывания в Никольском к Сидонии Петровне приезжала

её младшая сестра, Камилла Петровна, прелестная девушка лет шестнадцати, призванная, увы! к очень романтической и очень печальной судьбе...

В Никольском, во время управления Василия Ильича, царствовало благоустройство, составившее даже эпоху в истории имения, но не было, как во многих тогда поместьях, ни школ, ни больниц. Добрейший отец мой особенно огорчался этим последним и решил немедленно этому горю помочь. Для больницы был очищен деревянный удобный дом, служивший до того времени вотчинной конторой. Контора же перенеслась к Черемшану, в один из флигелей господского дома. Больница распределилась на две половины – мужскую и женскую, посредине возникла аптека с должными принадлежностями. Из Симбирска выписаны были кровати и вся нужная утварь.

...Дворянство симбирское считалось образованным, влиятельным и богатым. Здесь я услышал впервые имена Ивашевых, Тургеневых, Ермоловых, Бестужевых, Столыпиных, Кротковых, Киндяковых, Татариновых, Родионовых и многих других. Между ними были люди замечательно просвещённые, но и встречались также и оригиналы или, скорее, самодуры большой руки.

...Между тем отец мой... затеял устроить в Никольском домашний спектакль. Живописец Борисов оказал при этом чудеса; в короткое время возник очень хорошенький театр с декорациями, занавесью и всеми нужными принадлежностями...

17 сентября отец задал другой пир. Между церковью и господским домом расставлены были столы для угощения крестьян. Под балконом гремела выписанная полковая музыка. Из уездного

города Ставрополя прибыл с офицерами полковник донского казачьего квартировавшего там полка. Съехалось всё соседство, праздник вышел блистательный. Даже крестьянки и те принарядились для этого празднества, и на сохранившихся у меня рисунках Борисова, изображающих праздник, я вижу расшитые золотом кокошники и яркие сарафаны. Крестьянки ещё в те времена строго придерживались национального убора... Празднование 17 сентября было последним днём пышности моего отца. С того дня он вдруг изменил привычки своего широкого барства... он остановился на краю окончательного разорения.

...от громадного соллогубовского состояния уцелела только сумма, на которую приобретено было Никольское... Вот почему со дня возвращения нашего из деревни в Петербург наш образ жизни совершенно изменился, приёмы, обеды, выезды прекратились... брат поступил в военную службу, меня же решено было поместить в Дерптский университет...

Скажу несколько слов о тех из моих товарищей, с которыми впоследствии я сохранил дружественные отношения. Из них первое место занимает знаменитый наш хирург Пирогов; потом Иноземцев, сделавшийся тоже впоследствии известным врачом в Москве; сыновья писателя и историка Карамзина – Андрей и Владимир; наконец, известный всему Петербургу Иван Фёдорович Золотарёв, с которым мы позже были сослуживцами на Кавказе... Поэта Языкова я уже не застал, но о нём в студентском кружке сохранилась лучезарная легенда. О разгульных пирах его времени, о попойках гомерических в наше время не было и помина; все мы были скромненькие, уж впрямь «отецкие сыны»...

Главным удовольствием, заветной мечтой являлись, разумеется, поездки на вакации летние и рождественские к родным. Для меня две из этих поездок остались незабвенными всегда, так как мне пришлось увидеть и узнать, бывши студентом, двух гигантов русской литературы – Пушкина и Гоголя. Итак, летом, сколько припоминаю, в 1832 году, я приехал к своим родителям в Павловск на вакации; поздоровавшись с ними, я переоделся и отправился, как и следовало, на поклон к бабушке Архаровой; время для бабушки уже было позднее: она собиралась спать. «Пойди-ка к Александре Степановне (её приживалка), там у Васильчиковых при Васе студент какой-то живёт, говорят, тоже пописывает, так ты пойди послушай», – сказала мне бабушка, отпуская меня. Я отправился к Александре Степановне; она занимала на даче у бабушки небольшую, довольно низенькую комнату... Подле Александры Степановны на диване сидела другая приживалка бабушки, тут же находилась третья старушка... все три старухи вязали чулки, глядя снисходительно поверх очков на тут же у стола сидевшего худощавого молодого человека; старушки поднялись мне навстречу, усадили меня у стола, потом Александра Степановна, предварительно глянув на меня, обратилась к юноше:

– Что же, Николай Васильевич, начинайте!

Молодой человек вопросительно посмотрел на меня: он был бедно одет и казался очень застенчив; я приосанился.

– Читайте, – сказал я несколько свысока, – я сам «пишу» (читатель, я был так молод!) и очень интересуюсь русской словесностью, пожалуйста, читайте.

Бывший господский дом Дурасовых-Соллогубов.
с. Никольское-на-Черемшане. 1939

Век мне не забыть выражения его лица! Какой тонкий ум сказался в его чуть прищуренных глазах, какая язвительная усмешка скривила на миг его тонкие губы. Он всё так же скромно подвинулся к столу, не спеша развернул своими длинными худыми руками рукопись и стал читать. Я развалился в кресле и стал его слушать; старушки опять зашевелили своими спицами. С первых слов я отделился от спинки своего кресла, очарованный и пристыженный, слушал жадно; несколько раз порывался я его остановить, сказать ему, до чего он поразил меня... Когда он кончил, я бросился к нему на шею и заплакал... Молодого этого человека звали Николай Васильевич Гоголь, и через несколько лет ему суждено было занять в отечественной литературе первое место после великого Пушкина.

...Кажется, в следующую же зиму после моего знакомства с Гоголем я в первый раз, уже будучи взрослым, встретил Пушкина; за верность годов, впрочем, не ручаюсь... Вот как это было. Я гостил у родных на рождественских праздниках и каждый вечер выезжал с отцом в свет... Однажды отец взял меня с собою в русский театр; мы поместились во втором ряду кресел; перед нами в первом ряду сидел человек с некрасивым, но необыкновенно выразительным лицом и курчавыми тёмными волосами; он обернулся, когда мы вошли (представление уже началось), дружелюбно кивнул отцу, потом стал слушать пьесу... «Это Пушкин», — шепнул мне отец. Я весь обомлел... это имя волшебное являлось чем-то лучезарным в воображении всех русских, в особенности же в воображении очень молодых людей...

На слова отца, «что вот этот сынишка у меня пописывает», он отвечал поощрительно, припомнил, что видел меня ребёнком, играющим в одежде маркиза на скрипке, и приглашал меня к себе запросто быть, когда я могу. Я был в восторге и, чтобы не ударить лицом в грязь, всё придумывал, что бы сказать что-нибудь поумнее... надо сказать, что в тот самый день, гуляя часов около трёх пополудни с отцом по Невскому проспекту, мы повстречали некоего Х., тогдашнего модного писателя. Он был человек чрезвычайно надутый и заносчивый, отец его довольно близко знал и представил меня ему; он отнёсся ко мне довольно благосклонно и пригласил меня в тот же вечер к себе. «Сегодня среда, у меня каждую среду собираются, — произнёс он с высоты своего величия, — всё люди талантливые, известные, приезжайте, молодой человек, время вы проведёте, надеюсь, приятно». Я поблагодарил и, разумеется, тотчас после театра рассчитывал туда отправиться. В продолжение всего второго действия, которое Пушкин слушал с тем же вниманием, я, благоговейно глядя на его сгорбленную в кресле спину, сообразил, что спрошу его во время антракта, «что он, вероятно, тоже едет сегодня к Х.». Не может же он, Пушкин, не бывать в доме, где собираются такие известные люди... Действие кончилось, занавес опустился, Пушкин опять обернулся к нам. «Александр Сергеевич, сегодня среда, я ещё, вероятно, буду иметь счастливый случай с вами повстречаться у Х.», — проговорил я почти-точно... Пушкин посмотрел на меня с той особенной, ему одному свойственной улыбкой, в которой как-то странно сочеталась самая язвительная насмешка с безмерным добродушием. «Нет, — отрывисто сказал он мне, —

с тех пор как я женат, я в такие дома не езжу». Меня точно ушатом холодной воды обдало, я сконфузился, пробормотал что-то очень неловкое и стушевался за спину моего отца, который от души рассмеялся... Нечего и прибавлять, что в тот вечер я к Х. не поехал...

На другой день отец повёз меня к Пушкину — он жил в довольно скромной квартире... Самого хозяина не было дома, и нас приняла его красавица жена. Много видел я на своём веку красивых женщин, много встречал женщин ещё обаятельнее Пушкиной, но никогда не видывал я женщины, которая соединяла бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой тальей, при роскошно развитых плечах и груди, её маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, глаза, зубы, уши! Да, это была настоящая красавица... Я с первого же раза без памяти в неё влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши в Петербурге, который бы тайно не вздыхал по Пушкиной...

Церковь
в с. Никольское-на-Черемшане.
1930

«Не думайте обо мне плохо...»

Артём Весёлый (1899–1939) – оригинальный, талантливый писатель, обладал самобытным языком, необычайной зоркостью и чутким слухом. Его настоящее имя – Николай Иванович Кочкуров. Он родился 29 сентября 1899 года в городе Самаре в бедной семье волжского крючника. С 14 лет работал по найму. В 1916 году примкнул к анархистам. В 1917-м вступил в партию большевиков. Участвовал в Гражданской войне.

Биография писателя тесным образом связана с ульяновским краем. Его отец, дед, прадед родились в д. Пичинейке Ардамовского уезда Симбирской губернии. В 30 километрах на юго-восток от Пичинейки находилось село Кочкурово. С декабря 1918 года по март 1919 года писатель жил и работал в Мелекесе. Газета, редактором которой он был, быстро превратилась в одну из самых интересных в уезде. Здесь печатались его статьи, очерки, фельетоны, рассказы. Мелекес явился прообразом Клюквин-городка – места действия знаменитого романа «Россия, кровью умытая».

В 1919 году Кочкуров ушёл добровольцем на Деникинский фронт. Потом был направлен в Тулу, где сотрудничал в газете «Коммунар». Бывал по заданию губотдела печати во многих уездах губернии для организации местных большевистских газет. В доме своего тульского друга А. Глебова-Котельникова (впоследствии драматурга) написал рассказ «Масленица». В газете «Коммунар» и тульском журнале «Пролетарское строительство» были напечатаны его рассказы «Молодой полк»,

«Под чёрным крылом», «Расстрел» и другие. После отъезда из Тулы учился в Москве в Высшем художественно-литературном институте им. В.Я. Брюсова, а затем в Московском университете, сотрудничал в РОСТА, был в числе организаторов известного литобъединения «Перевал». В 1920-е годы писатель уже публиковал свои рассказы под псевдонимом Артём Весёлый. Основные черты авторской манеры – широкое пользование сказом, язык, богатый бытовыми речениями, густота эмоциональной окраски, отрывистость фраз. Первая повесть называлась «Реки огненные» (1923). Самое значительное произведение – «Россия, кровью умытая» (1926). Огромный читательский успех имел последний роман Артёма Весёлого «Гуляй-Волга» (1932).

Места своей юности Артём Весёлый навестил в 1934 году. В зерносовхозе имени Крупской он читал главы романа «Гуляй-Волга». Литературный вечер состоялся также в Мелекесе. Вместе с ним выступали местные авторы Л. Правдин, А. Троепольский.

В 1935 году Артём Весёлый принял путешествие по Волге и взял

с собой дочерей. Это была увлекательная фольклорная экспедиция. Писатель записывал рассказы рыбаков, частушки, песни, поговорки. Приплыли в Ульяновск. Встали на песках. Долго поднимались по высокой лестнице в гору. Наконец, пришли в редакцию газеты «Пролетарский путь». Здесь очень обрадовались визиту писателя, принимали тепло и радушно. На следующий день путешественников навестили на берегу журналисты, которые привезли свежий выпуск газеты, где была опубликована статья о встрече с автором нашумевшего романа.

А в 1937 году отец снова позвал дочерей в путешествие. Он уже знал, что будет арестован. На этот раз в больших городах не останавливались и мимо Ульяновска проплыли тайком: под мостом Артём, чтобы избежать ареста, зацепился за плоты и накрыл лодку брезентом. На обратном пути, когда уже подъезжали к Москве, он сказал девочкам: «Чтобы со мной ни случилось, не думайте обо мне плохо».

По возвращении в Москву писатель был арестован и 2 декабря 1939 года расстрелян.

У истока «Черемшана»

Александр Гervasевич Лебеденко (1892, Черкассы – 1975, Ленинград) – русский советский писатель. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Автор нескольких книг для детей, романов «Дом без привидений» (1963), «Шелестят паруса кораблей» (1970), повестей «Девушка из тайги» (1960), «Ошибка в пути» (1961), «Зоя» (1965), «Елена Кирилловна» (1966) и других.

В конце 1940-х и начале 1950-х годов А.Г. Лебеденко жил в Мелекесе. Писатель выступал с литературными лекциями, участвовал в обсуждениях и постановке спектаклей в местном театре. Александр Гер-

васевич стоял у истоков литературно-творческого объединения «Черемшан». Сплотив местных писателей, он щедро делился своим литературным опытом.

Под псевдонимом А. Александров Лебеденко печатал в местных газетах

статьи на темы культурной жизни. В Мелекесе он закончил свой известный роман «Лицом к лицу», переведённый на многие языки мира.

Награждён орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Ерофеевы из Елшанки

Автор нашумевшей в конце 1980-х годов поэмы «Москва-Петушки» Венедикт Васильевич Ерофеев (1938, Мурманская область – 1990, Москва) связан корнями с нашим краем: родители и деды писателя родились в селе Елшанка на речке Канадейка (ныне Николаевский район Ульяновской области).

В 1873 году в Елшанке родился дед писателя – Ерофеев Василий Константинович. Его дом находился рядом с домом дворянина-однофамильца Ерофеева. Оба дома – большие, добротные, с красивыми резными наличниками. Василий Константинович работал управляющим у дворянина Ерофеева. Женился он на крестьянке Дарье Кузнецовой, у них родилось восемь детей. Сын Василий Васильевич – будущий отец Венедикта – родился 22 июля 1900 года.

Рядом с храмом жили крестьяне Гушины. Дед по материнской линии Андрей Прокофьевич Гушин был красив и имел хороший голос, пел в церковном хоре. Его жена Дария Матвеевна родила пятерых детей – все девочки. В 1899 году у них родилась дочь Анна, мать Венедикта Васильевича. Андрей

Прокопьевич Гушин умер молодым, опеку над сиротами взяла на себя семья священника Иоанна Хрисанфовича Архангельского. Его старший сын, Владимир Иванович Архангельский, был протодьяконом Сызранского собора, а в 1913 году, после победы на всероссийском конкурсе басов, стал протодьяконом храма Христа Спасителя в Москве.

В доме у священника была хорошая библиотека, выписывались газеты и журналы, был и граммофон. В доме Архангельских Анна пристрастилась к чтению, научилась игре на гитаре. Как в такую не влюбиться? Хотя Василий Константинович и не одобрил выбора сына (что это за жена, если она играет на гитаре, поёт романсы и читает книги?), но Василий Васильевич от девушки не отказался.

Для освоения центральной части Кольского полуострова и заселения новых земель в 1923 году был создан Колонизационный отдел Мурманской железной дороги. Переселенцам обещали льготный проезд, большие подьёмные, выдавался хлеб и фураж, строилось бесплатное жильё. Туда в поисках счастья и сытной жизни и отправился Василий Васильевич Ерофеев. Получив на станции Пояконда комнату в рабочем бараке, он забрал туда жену с маленькой дочкой. Там в 1928 году родился сын Юрий, в 1931 году – дочь Нина. Двойняшки Боря и Венедикт родились на станции Чула.

По воспоминаниям сестры писателя
Тамары Васильевны Гушиной

Новоспасский район

Культурный центр – Большая Репьёвка

Большая Репьёвка Сызранского уезда (Новоспасский район) в первой половине XIX века была одним из культурных центров Симбирской губернии. Принадлежало село помещикам Бестужевым. Многочисленные «симбирские» Бестужевы (несколько «кланов» разветвлённого рода) были владельцами многих селений, суконных фабрик, винокуренных и конных заводов, нескольких тысяч крепостных.

В 1830-е годы в Большой Репьёвке жил Пётр Александрович Бестужев, женатый на сестре поэта Языкова – Прасковье Михайловне. В его усадьбе часто бывали в гостях герой-партизан Д.В. Давыдов, братья П.М. и А.М. Языковы, родной брат Н.М. Карамзина – А.М. Карамзин (был женат на Наталье Борисовне Бестужевой), поэт Д.П. Ознобишин, литераторы П.В. Киреевский, П.И. Бартенев. В гостиной дома не смолкали споры о политике и литературе, звучал русский

фольклор, собирателями которого были П.В. Киреевский, А.М. Языков и П.М. Бестужев. Вместе они исколесили все сёла уезда, записывая лучшие образцы русского устного народного творчества.

В этом же селе находился ещё один бестужевский особняк – его построил Василий Борисович Бестужев. По наследству этот дом достался одному из его сыновей – Алексею Васильевичу, а затем его приёмной дочери Анне Павловне Тихменевой, в замужестве

Толстой. Здесь было несколько гостиных комнат, кабинеты, большая гостиная и богатая библиотека. Как вспоминали внуки Толстых, при них в зале стоял длинный стол, стулья, обитые кожей, большой дубовый буфет, высокие с гилями английские часы. На всех восьми окнах висели деревянные гардины с гербами родственных дворянских семей, выпиленные собственноручно А.В. Толстым, и мраморный бюст прежнего хозяина дома А.В. Бестужева. Зимний сад славился

разными видами тропических растений, диковинными рододендронами. В большой гостиной со старинной мебелью на стенах висели семейные портреты, картины с итальянскими пейзажами.

В этом доме тоже кипела литературная и музыкальная жизнь, собирались неординарные гости, знаменитые земляки.

В Ульяновской области сохранилась усадьба другой ветви Бестужевых:

в селе Колхозная Репьёвка Майнского района (бывшее село Репьёвка Карсунского уезда) до сих пор стоит особняк, владельцем которого в первой половине XIX века был Андрей Васильевич Бестужев. Из-за ветхости особняк «законсервирован» и ждёт решения своей участи.

Ещё один особняк Бестужевых стоит в селе Тепловка Николаевского района. Некогда роскошный барский дом с фамильным гербом на фронтоне, построенный Михаилом Михайловичем Бестужевым, тоже доживает свои последние дни.

Большой зал в репьевском доме Бестужевых-Толстых

Дом А.В. Бестужева в селе Колхозная Репьёвка Майнского района

Философ и поэт

Александр Фёдорович Воейков (1778 или 1779, Москва – 1839, Санкт-Петербург) – русский поэт, переводчик, литературный критик, издатель, журналист. Принадлежал к старинному дворянскому роду.

В селе Самайкино (ныне Новоспасского района Ульяновской области) находилось родовое дворянское гнездо Воейковых. Будучи владельцем Самайкинского имения, Александр Фёдорович не раз бывал в Симбирской губернии, дружил со многими литераторами-симбирянами.

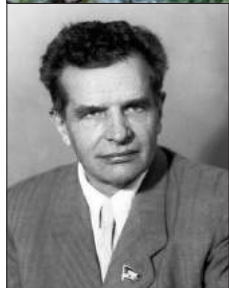
Александр Воейков учился в Московском университетском благородном пансионе, где сблизился с В.А. Жуковским и А.И. Тургеневым. После выхода в 1801 году в отставку жил в Москве. Во время Отечественной войны 1812 года вступил в ополчение. В 1814 году он женился на Александре Андреевне Протасовой – это её в балладе «Свет-

лана» воспел В.А. Жуковский. При содействии Жуковского Воейков получил место ординарного профессора русской словесности в Дерптском университете, а в 1818 году – степень доктора философии Дерптского университета. В Дерпте завязалась дружба А.Ф. Воейкова с Н.М. Языковым. В 1820 переехал в Санкт-Петербург.

Известность А.Ф. Воейкову принёс стихотворный памфлет «Дом сумасшедших», где изображён визит автора в приснившийся ему «жёлтый дом», в котором сидят поэты, писатели и политические журналисты, снабжённые меткими и часто очень злыми характеристиками; в конце концов рассказ-

чик сам попадает в дом сумасшедших и просыпается. Первая редакция была создана в 1814 году, в дальнейшем Воейков до конца жизни постоянно дописывал сатиру, добавляя в неё строфы с новыми «пациентами».

А.Ф. Воейков перевёл «Историю царствования Людовика XIV и Людовика XV» Вольтера, «Сады, или Искусство украшать сельские виды» Жака Делиля, «Эклоги и Георгики» Вергилия (том 1–2). В 1815–1817 годах совместно с В.А. Жуковским и А.И. Тургеневым выпустил «Собрание образцовых русских сочинений и переводов». Почётный член Вольного общества любителей российской словесности с 1820 года.

Гордость Павловки

Известный советский писатель, почти тридцать лет возглавлявший журнал «Октябрь», Фёдор Иванович Панфёров (1896–1960) родился в Павловке в семье крестьянина-бедняка.

Мать, Дарья Ивановна, была из старообрядческой семьи, перед свадьбой крещена в православие. Отец Иван Иванович – человек мастеровой, работающий, но нужда долго ходила за Панфёровыми, пока хозяин не достроил дом и пока не подросли ребятишки.

Жил в Павловке солидный, зажиточный купец – Андрей Иванович Крашенинников. Умел красочно зазывать покупателей. Однажды в базарный день босоногий Федярка Панфёров решил купца перекричать и начал ради шуток товар купеческий нахваливать – да так звонко, весело! А наутро к бедняку Панфёрову пришёл посыльный от Крашенинникова – за мальчонкой. Так Федярка стал помощником купеческого приказчика. Когда он приносил домой жалованье и клал на стол, мать крестила сына и шептала: «Слава Богу, дождались». Но надежды родителей не оправдались: Фёдор заявил, что хочет учиться, и уехал в Вольскую учительскую семинарию.

Семинарист второго класса, Фёдор подрабатывал учителем в богатых семьях, а в свободное время вместе с друзьями издавал рукописный журнал «Голос юности». Весной 1918 года семинаристов выпустили досрочно. Панфёров начал работать в Вольской газете. В марте 1919 года он был делегирован в Москву на VIII съезд партии.

Писать он начал рано, будучи семинаристом. Первый рассказ «Перед расстрелом» Ф. Панфёров опубликовал в 1918 году, через два года вышла книга стихов «Мой сад».

Засуха 1921 года повлекла за собой страшный голод. Вместе с голодом на Поволжье обрушились холера и сыпной тиф. Сыпняк свалил Фёдора. Писатель чудом выжил. Бедствовала семья родителей и молодая семья Фёдора, у которого уже было двое детей. Осенью отец привёз в Вольск слабенького Александра, братишку Фёдора, который вряд ли мог поправиться на мякине в Павловке.

В конце 1920 года Ф. Панфёров с семьёй переехал в Саратов. В 1923–1925 годах он учился в Саратовском университете. Одна за другой выходят его пьесы для крестьянских театров: «Дети земли» (1920), «Пахом» (1923), «Мужики» (1924), «Бунт земли» (1926), «Развал» (1926), «Урод», «Стальной конь». Наибольшую известность получил монументальный роман «Бруски» (1928–1937). На этот роман было немало нападок со стороны критиков. И только в 1934 году, когда Горький открыто взял Панфёрова под свою защиту, страсти вокруг «Брусков» улеглись.

Нам, землякам писателя, особенно дорого другое его произведение – «Волга-матушка река». Задумав этот роман, писатель объехал не одну сотню сёл Поволжья, не обошёл и родную Павловку. Старожилы до сих пор вспоминают незабываемые встречи с Фёдором Ивановичем, его яркое выступление в районном Доме культуры. Многие павловчане стали прототипами панфёровских произведений.

Писатель умер после тяжёлой болезни 10 сентября 1960 года. Первая операция была сделана ему в Оксфорде

в 1958 году. Три дня он был между жизнью и смертью. Вытащили его тогда «с того света» английский врач Безарт и прилетевший из Москвы профессор Пшеничников. Вернувшись на родину, Фёдор Иванович снова включился в работу главного редактора «Октябрь». Ему ещё многое хотелось успеть. Но болезнь отступила ненадолго. В июле 1960 года пришлось снова лечь в больницу. Перед операцией он попросил супругу (писательница А.Д. Коптяева) принести из дома его любимца – плюшевого мишку Ефимку. Панфёров ходил с ним по палатам, смешил больных и сам смеялся...

Фото Ольги Шейпак

Теперь плюшевый Ефимка живёт в Павловке, в музее Фёдора Панфёрова. Здесь же находятся личные вещи писателя, рабочий стол, телевизор, радио, проигрыватель – всё это передали музею его вдова Антонина Дмитриевна Коптяева. Среди прочих вещей – любимый халат писателя, очень похожий на арестантский. И не мудрено: всякий прозаик – заложник добровольного заключения.

По материалам
Ольги Шейпак

Радищевский район

Фото Владислава Селищева

Радишево – это бывшая Дворянская Терешка, родовое поместье отца великого русского писателя-революционера Александра Николаевича Радищева (1749–1802). Здесь он жил в 1798 году по возвращении из Сибири.

Дворянская Терешка привлекала писателя возможностью собрать побольше материала для нового произведения и провести агрономические исследования, которыми он серьёзно увлёкся, занимаясь крестьянским вопросом. «Описание моего владения» – так называлось это сочинение, оставшееся незаконченным. В нём Радищев думал рассмотреть крестьянское хозяйство, выяснить причи-

ны его неблагополучия и предложить способы его улучшения.

Несомненный интерес представляют агрономические исследования Радищева – описания почвенных разрезов и химических анализов. Изучение почв приводит писателя к выводу о необходимости удобрения их навозом, о замене сохи плугом, о развитии огородного земледелия. Радищев стремился ввести в хозяйства

крестьян села возделывание картофеля, только что внедрявшегося в земледельческую практику.

Писатель жил в усадьбе, находившейся на правой стороне Терешки и окружённой большим садом, от которого ныне остались лишь старые тополя и ветлы.

По материалам
К.А. Селиванова

Давыдов опять в степях своих

В своей автобиографии, написанной от третьего лица, Денис Васильевич Давыдов (1784–1839) писал о себе: «Мир и спокойствие – и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною – и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир – и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец...». Герой первой Отечественной войны был обойдён в чинах и наградах, вышел в 1831 году в отставку и уехал в имение Верхняя Маза.

В первый же приезд в Верхнюю Мазу в 1820 году Давыдов увлёкся охотой – она была в тот год особенно удачна. Господский дом требовал капитального ремонта, поэтому пришлось много заниматься хозяйственными делами. Основное же

занятие – поэтические упражнения и военные записки. Каждое новое издание стихов мазинского периода вызывало восторженные отзывы читателей. Часто первым слушателем стихов был старший сын Василий. Вот как вспоминает он об этом: «Поэту всегда

нужны слушатели, и я помню, что иногда при рождении поэтического детища он брал меня, 12-летнего мальчика, и с жаром читал мне свои стихи, которым я внимал с любовью... Листы, на которых писана и проза, и стихи, напоминают иероглифы по трудности их чтения

Николай Поливанов.
Охота

Сочинения Д.В. Давыдова
издания 1893 года

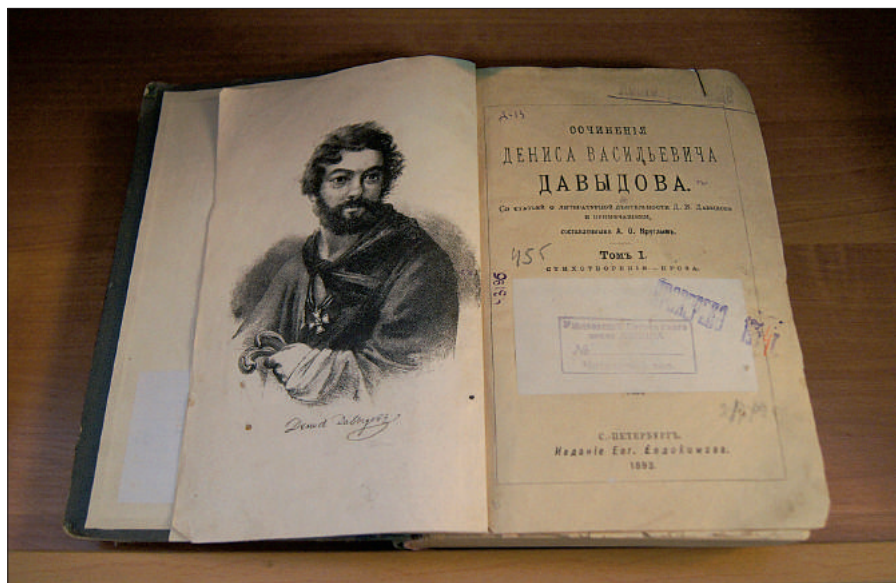

Фото Юрия Шерстнёва

от беспрестанных помарок. Он был вообще очень строг относительно оборотов речи и тщательно разрабатывал свои произведения».

Чтение, деятельная переписка с друзьями и псовая охота – таков был его досуг. Интересно одно из писем (1834 года) графу Ф.И. Толстому, где Денис Васильевич пишет: «Я здесь, как сыр в масле... Посуди: жена и долгожданные дети, соседи, весьма отдалённые, занятия литературные, охота псовая и ястребиная – другого завтрака нет, как дупеля, облитые жиром, и до того, что я их и мариную, и сушу, и чёрт знает, что с ними делаю. Потом свежие осётры и стерляди, потом, ужасные величиной и жиром, перепёлки, которых сам травлю ястребами...».

У всех Давыдовых со своими крестьянами были хорошие отношения. Денис Васильевич запретил телесные наказания, убавил барщину, уменьшил оброк, открыл школу. Он часто посещал крестьянские избы. Интересовался, в чём нужда, спрашивал у стариков, как лучше обустроить земли. И всё-таки всегда испытывал перед народом чувство невыполненного долга. В одном из писем он признался: «Я вздумал все вырученные мною деньги за сочинения мои употреблять на прибавку жалованья учителям и на покупку книг детям моим. Мне хочется, чтобы в совершенном возрасте сыновей моих они знали, что на воспитание их были употреблены не одни деньги пшеничные, но и те, которые я приобрёл головой».

Старожилы вспоминали такой случай: «Однажды в ночь у Давыдовых занемог слуга. Дело было осенью,

за окном дождь, дороги размыты. Но Денис Васильевич посылает за фельдшером за 20 вёрст к соседу-помещику с просьбой одолжить медика на ночку». По соседству с Мазой в деревне Бестужевка жил дядя декабриста Бестужева, помещик Л.В. Бестужев. Давыдов часто бывал у него в гостях в имении Репьёвка, писал письма. Вот отрывок из одного письма 1836 года: «Позвольте, любезнейший Алексей Васильевич, принять в больницу вашу человека моего на несколько дней. Он человек хороший, для меня очень нужный и которого мне не хотелось оставить здесь. Вы меня обяжите соглашением на мою просьбу».

Интересно ещё одно воспоминание, записанное у И.Б. Волкова: «Я родился, когда барин у нас был Николай Денисович... Но отец мой в дворовых мальчиках у самого Дениса Васильевича находился и всегда, бывало, добрым словом его вспоминал... Против соседних господ Денис Васильевич куда как справедливей был! Случится ежели пожар или недород произойдёт – он всегда поможет... Лошадей очень любил. Не только что своих, но и всяких. Бывало, ежели заметит, что у мужика лошадь справная, обязательно остановит. «Спасибо, – скажет, – что ты за лошадью хорошо ходишь, вот тебе полтина за усердие». А ежели кто плохо ухаживает, лучше на глаза ему не попадайся...».

Денис Васильевич очень любил рыбную ловлю. Но речка Мазка глубока лишь в некоторых местах. Давыдов нанял крестьян, и они почистили русло речки, а также вырыли котлован под пруд, куда впоследствии были

выпущены мальки 15 видов рыб. В посадке деревьев (это были вёглы) принимал участие и Денис Давыдов. При нём был заложен парк и сад, где росли цветы, семена которых хозяева выписали из Москвы и Петербурга. Была и прекрасная оранжерея, там выращивались абрикосы, персики, грецкие орехи, столь редкостные в наших местах.

Образ жизни Давыдова в Верхней Мазе был строго размерен. Вот что вспоминает об этом старший сын Давыдова: «Вставал регулярно в три часа утра, зимою и летом садился писать, завтракал в девять часов при утреннем чае, гулял или, лучше сказать, производил усиленную ходьбу непременно столько-то вёрст по измеренному им неоднократно саду; обедал в три часа и засыпал в кресле на несколько минут... Потом снова письменные занятия, и, наконец, вечером – шутки и разговоры, всегда оживлённые и интересные за вечерним чаем, а в десять часов покоя».

В Верхней Мазе Д.В. Давыдов написал лучшие поэтические произведения, здесь появились его замечательные военные воспоминания об Отечественной войне 1812 года, о партизанском движении, о Суворове, Кульневе, Раевском и других полководцах, с которыми сталкивалась его судьба.

Давыдов умер внезапно, утром 22 апреля 1839 года. Его мучила астма, но за лекарем для себя он так и не послал. Здесь, в Верхней Мазе, закончился жизненный путь великого сына России.

По материалам
Ольги Чибовой

Поэт и баснописец

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) – поэт и баснописец, предшественник И.А. Крылова. Он родился в старинной дворянской семье в селе Богородское Сызранского уезда Казанской – позже Симбирской губернии. Ныне село Богородское относится к Самарской области.

Семья состояла в родстве с Карамзиными, Бекетовыми и другими известными дворянскими фамилиями. Родная сестра его отца, Ивана Гавриловича, – Евдокия Гавриловна вышла замуж за Михаила Егоровича Карамзина и стала мачехой будущего историографа – Николая Михайловича Карамзина. Так что Иван Дмитриев и Николай Карамзин были двоюродными сводными братьями и на всю жизнь остались самыми близкими друзьями.

Для современников стихи и басни Ивана Дмитриева представляли живой, захватывающий интерес. Его песня «Стонет сизый голубочек» (музыка Дубянского), явившись одним из первых опытов творчества в «народном духе», прочно вошла в песенную практику народа и дожила до нашего времени.

Годы своего учения Иван Дмитриев провёл в Симбирске. Три года учился в местном пансионе, потом отец стал заниматься с ним сам. В доме Дмитриевых

имелась хорошая библиотека, которой активно пользовался юноша. Большую роль в развитии поэта сыграли мать и «общество нескольких умных, образованных и недавно покинувших столицу» людей, собиравшихся в доме отца и проводивших время за разговорами на политические и литературные темы.

В последующие неоднократные приезды в Симбирск поэт интересовался общественной и культурной жизнью города. «Даже в отечестве нашем, Симбирске, – писал он А.И. Тургеневу, – первый тамошний маляр списывает для всех на холст в большом виде с первого виньета к басням Измайлова». Иван Иванович любил ходить по ярмаркам, посещать праздничные гулянья, прислушивался к разговорам, вёл запись простонародных слов и выражений. Некоторая часть этих материалов вошла в его стихотворения. И.И. Дмитриев называл себя «волжанином», посвятив Волге несколько поэтических произведений.

Для нас особенно интересны воспоминания Дмитриева «Взгляд на мою жизнь», богатые литературным и краеведческим материалом. В них выражена вся любовь к своей малой родине.

Сохранившиеся
усадьбинные
постройки
в с. Богородское

«Мелочи» Михаила Дмитриева

В селе Богородское родился также племянник И.И. Дмитриева, литератор Михаил Александрович Дмитриев (1796–1866).

Его отец Александр Иванович (родной брат Ивана Ивановича Дмитриева) участвовал в военных кампаниях. Когда его полк стоял в 1794 году в Казани, Александр Иванович Дмитриев влюбился в шведку Марию Александровну Пиль и женился на ней. Через два года в селе Богородское у супругов родился сын Михаил. Мальчик рано лишился родителей: в 1798 году скоропостижно скончался отец, а мать вскоре заболела чахоткой и через восемь лет умерла. Осиротевшего Михаила воспитывал дед.

Именитый дядя, Иван Иванович Дмитриев, тоже не оставлял племянника без внимания и опеки. Михаил жил у него и под влиянием поэта-баснописца всерьёз увлёкся литературой. В 1821 году по ходатайству дяди юноша был пожалован в камер-юнкеры.

Известность М.А. Дмитриеву принесли литературно-критические статьи. Хотя его оценки и расходились с мнением известных литературных критиков (В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова), они привлекали читателей остротой и оригинальностью

суждений. С конца 1820-х годов Михаил Александрович пишет элегии, оды, басни, псалмы, эпиграммы, также рецензии и статьи на религиозно-философские темы в журналах «Московский вестник», «Атеней», «Москвитянин».

В 1830 году вышел первый сборник Михаила Дмитриева «Стихотворения». Главным же его творением стала мемуарная книга «Мелочи из запаса моей памяти», изданная в 1854 году. Вспоминая своё детство и юность, автор воспроизвёл картины симбирской жизни.

Фото Нины Сокольской

Малая родина Кузьмы Горбунова

Село Панышино Радищевского района – родина советского писателя Кузьмы Яковлевича Горбунова (1903–1986) автора известного романа «Ледолом».

Родился он в семье крестьянина. Окончив 3-классное церковно-приходское училище, работал в хозяйстве отца, затем учился в Сызранской единой трудовой школе 2-й ступени. С 1918 года он уже работал селькором в газете «Сызранский коммунар». Осенью 1923 года Горбунов поступил в Высший литературно-художественный институт, организованный В.Я. Брюсовым, но вынужден был уйти. В 1924 году вернулся на малую родину. Жил в Сызрани,

в Ульяновске. Работал в ульяновских газетах «Пролетарский путь», «Красная жатва», был штатным разъездным корреспондентом куйбышевской газеты «Средне-Волжская коммуна». Его статьи печатали в «Правде», «Известиях», стихи и рассказы – в московских журналах.

В 1925-м вышел сборник рассказов Горбунова из жизни крестьян – «Шеффы сапоги». Прославил писателя его роман «Ледолом» (1929), в основу которого положены события, происхо-

дившие в родном Панышине. Роман высоко оценил А.М. Горький. В 1931 году по пьесе В.Чуркина, написанной по роману Горбунова «Ледолом», был снят одноимённый фильм (режиссёр Б. Барнет), но вскоре фильм изъяли из проката по обвинению в «правом уклоне».

С 1931 писатель жил в Москве. Активно сотрудничал в журнале «Наши достижения», созданном М. Горьким. В 1934 году он принимал участие в подготовке I съезда писателей СССР.

Поэт высокой думы Николай Панов

К сожалению, имя замечательного русского поэта-песенника Николая Андреевича Панова (1861–1906) почти забыто в России, а ведь его перу принадлежат истинно народные, в духе Кольцова и Некрасова, талантливые стихи.

Поэтом с печатью высокой думы, по выражению Белинского, был сын симбирского крестьянина Николай Панов. Он родился 29 апреля (по старому стилю) 1861 года в обычной крестьянской семье села Софьино (ныне Радищевский район). Поэт навсегда сохранил в памяти густой дремучий лес с заветными грибными местами, булькающий родник – малютку Светунец, ручьи Потайной и Гремячий, поляны нежных грустных ландышей и пышное средневолжское разнотравье. «Судьбой несчастною носимый, Скитаясь меж чужих людей, Могу ль забыть я край родимый,

Природу родины моей?» – писал Николай Панов.

В 1867 году, после смерти отца, семья Пановых переехала в уездный город Сызрань. Обучаясь в церковно-приходской школе, мальчик увлёкся литературой, особенно русской поэзией, и сам начал сочинять, перекладывал на стихи услышанные сказки. Очень тяжело переживал Николай безвременную кончину своей матери. Но нашёлся состоятельный родственник, который взял подростка на воспитание. Дядя был человеком умным и, видя способности племянника, отдал его в гимназию. По совету друзей Николай

послал свои стихотворения в известный петербургский журнал «Северная звезда». Какова же была радость юного поэта, когда он увидел свои стихи напечатанными в журнале! А ещё через пять лет вышел в свет первый поэтический сборник Николая Панова «Думы и песни». Стихи отличались неподдельной искренностью, напевностью и лиризмом. Сборник был замечен в обеих российских столицах, и о Николае Панове заговорили как о поэте, подающем большие надежды. В 1891 году в Петербурге вышла вторая книга Николая Панова «Гусли звончатые», которая принесла ему славу.

«Чудес на свете больше, чем мы думаем»

Эксцентричный, противоречивый, ставший широко известным в СССР в 1980-х годах детский писатель Даниил Хармс прожил короткую жизнь (1905–1942), трагически закончившуюся в тюремной больнице в самые тяжёлые для Ленинграда блокадные дни. Его творчество, признанное после смерти Д.И. Ювачёва (настоящее имя поэта), подверглось глубокому анализу филологов и заслужило высокую оценку. Но при жизни этот странный человек страдал от остракизма рядовых граждан молодой страны Советов. Слишком необычным для простого обывателя был он сам и его поведение.

Тонкий интеллектуал дворянского происхождения, знаток и поклонник английской и немецкой культуры, свободно говоривший на нескольких языках, он создал себе образ лондонского денди – ходил в кепи, гетрах, курил трубку непривычной формы, вёл себя вызывающим образом, придумывал небылицы о себе и своей семье. Например, он выдумал себе несуществующего брюзгливого брата, который будто бы работал в Петроградском университете приват-доцентом и пил кофе только из серебряных чашек. «Подражая» ему, Даниил поступал так же. Когда шёл в театр, то наклеивал фальшивые усы, заявляя, что мужчине «неприлично ходить в театр без усов». Чужацеств и фантазий Даниила Хармса не перечислить. Начались они ещё в глубоком детстве и продолжились во взрослом возрасте. О нём написано много статей и книг, самая полная из которых составляет 500 страниц. Некоторые исследователи считают, что виной трагически сложившейся жизни и источником яркого самовыражения в творчестве оказались не только талант и особый склад личности Даниила Ювачёва, но и семейные проблемы, отсутствие должного внимания со стороны матери. Его мать, происходившая из древнего рода Колюбакиных, имеет отношение к нашему краю. Краевед Мария Александровна Качалина (р.п. Радищево) хорошо изучила этот род и наладила контакты с потомками семьи.

Наталья Ивановна Колюбакина, помещица из Дворянской Терешки Саратовской губернии (ныне территория Радищевского района Ульяновской области), когда-то взяла на воспитание мальчика Ивана. Иван Никитич Колюбакин (так назвали ребёнка) вырос, женился на приёмной дочери сестры Натальи Ивановны – Елизаветы Ивановны Богданович (урожд. Колюбакиной). В новой семье родилось несколько детей, в том числе и дочь Надежда, которая по окончании

института благородных девиц в Петербурге вышла замуж за Ивана Павловича Ювачёва. Это и были родители Даниила Ювачёва-Хармса.

Итак, вернёмся к матери Даниила Хармса, в девичестве Колюбакиной. Она работала в исправительном женском заведении – Убежище для женщин, вышедших из заключения, – и проживала там же вместе с сыном почти 10 лет. Надежда была женщиной волевой, жёсткой, не склонной к проявлению нежных чувств.

Т. Дручинина
Портрет Д. Хармса. 2005

Отец Даниила, бывший морской офицер, революционер, член партии «Народная воля», также был человеком необычным. После ареста и заключения в Шлиссельбургской крепости он стал фанатично-религиозным человеком. За свои политические взгляды был сослан на Сахалин. Вернувшись из ссылки в Петербург, И.П. Ювачёв стал православным проповедником. Иван Павлович не одобрял творчества своего сына, ему не нравился его псевдоним, созвучный с именем любимого литературного героя Даниила Шерлока Холмса, заключавшем в себе игру слов «очарование» и «вред» – так по-разному переводится «хармс» с французского и английского языков.

Жизнь и творчество Хармса связаны непосредственно с Петроградом-Петербургом, с Курском, куда он был сослан как основатель авангардной поэтической и художественной группы «Объединение реального искусства» (ОБЭРИУ) за антисоветскую деятельность. Но и с ульяновским краем тоже. Его дедушка Иван Никитич и бабушка Варвара Сергеевна были последними владельцами усадьбы в Дворянской Терешке. Дедушка умер ещё до революции 1917 года. Бабушка много помогала дочерям, часто приезжала в Петербург заниматься внуками, а иногда брала их к себе в имение. В 1919 году усадьбу у помещицы отобрали. На сегодняшний день сохранился дом Колюбакиных, остатки парка в селе Дворянская Терешка ныне Радищевского района Ульяновской области. Усыпальница рода Колюбакиных, домовая церковь не сохранились. На месте родового склепа сейчас стоят двухквартирные дома рабочего посёлка. Лишь озеро в посёлке за сто лет совсем не изменилось. Та же чистая холодная родниковая вода, те же берега. Наверное, здесь когда-то катался на лодочке и маленький Даня Ювачёв со своей сестрой Лизой в жаркие летние дни. И без устали развлекал родных своими фантазиями. Подробно о том, что осталось от усадьбы Колюбакиных, в журнале «Мономах» № 5-2014 написала потомок семьи Марина Махортова. Ей ещё многое предстоит разыскать и восстановить в истории семьи. Может быть, удастся найти какие-либо новые сведения о своих предках в Хвалынске, Саратове, Самаре, Петербурге. Но родовое гнездо Колюбакиных навсегда останется в Дворянской Терешке Ульяновской области. И благодарностью местным краеведам, разыскавшим по крупицам те сведения, что скрывают архивы и ещё хранятся в памяти старожилов, неизмерима.

Лилия Янушевская

Лейтмотив творчества – любовь к Волге

Имя известного беллетриста, драматурга, публициста Евгения Николаевича Чирикова (1864, Казань – 1932, Прага) связано с городом Сенгилеем. Его пьесы шли на сценах театров Москвы и Петербурга, в Нижнем Новгороде, за границей. В 1901–1909 годах издательство «Знание» выпустило 8 томов собраний сочинений Е.Н. Чирикова, а «Московское книгоиздательство» с 1910-го по 1916 год – 17 томов. На заре истории российского кинематографа по сценариям Е.Н. Чирикова сняты три художественных фильма. Однако когда писатель эмигрировал из советской России, его книги исчезли с полок библиотек и книжных магазинов.

Фото Сергея Ойкина

Евгений Николаевич Чириков родился 24 июля (5 августа) 1864 года в Казани в обедневшей дворянской семье. Отец Николай Андреевич, отставной поручик, продал своё наследственное имение и служил становым и помощником исправника в Казанской губернии, затем – в Сенгилеевском уезде Симбирской губернии.

У Чириковых уже было пятеро детей, когда отец неожиданно бросил семью, и мать, Феоктиста Степановна, вынуждена была поступить тапёршей в клуб Сенгилея. «А я начал бегать по урокам», – писал о себе Чириков. Сенгилеевские наблюдения позже нашли место в некоторых рассказах, в частности, в рассказе «В ложине меж гор». В основу произведения положен факт из местной жизни: врач не смог выехать к больному, так как лошади были заняты перевозкой свиней к земскому начальнику. Написанный с гоголевским юмором рассказ получил одобрение Л.Н. Толстого. В публицистическом очерке «Провинциальные картинки» Чириков рисует самоуправство сенгилеевских заправил, преследование ими врачей, не угодивших жене председателя земской управы.

Вспоминая детские годы, Чириков «видел себя около матери за чтением, либо на Волге, либо на улице с детворой всех классов и сословий». В 11 лет

он поступил в казанскую гимназию. «Ещё в гимназии меня потянуло к литературному творчеству. Откуда это пришло? В моём роду был только один писатель, родственник по материнской линии: поэт Навроцкий, автор стихотворных легенд, связанных с Волгой», – вспоминает писатель. (Навроцкий – автор знаменитой песни «Есть на Волге утёс».) Любовь к великой русской реке Волге-матушке пройдёт лейтмотивом через все произведения Чирикова.

По окончании гимназии Евгений поступил в Казанский университет, но завершить обучение не удалось: за организацию студенческой сходки (4 декабря 1887 года) его исключили из университета и сослали в Нижний Новгород. Этот «бурный год» молодости Чириков опишет в рассказе «Судьба».

В августе 1892 года Евгений Николаевич обвенчался с Валентиной Георгиевной Григорьевой. За один этот год вышло около 40 его стихотворений, фельетонов и рассказов!

В 1894 году Чириков с семьёй приехал в Самару, где подружился с А.М. Горьким.

В конце 1895 года Чириков вместе с женой, годовалой дочкой и тёщей переехал в Минск. Писатель по-прежнему плодотворно работал, но его политические взгляды изменились, он стал выражать своё несогласие с марксистами.

Осенью 1902 года семья переехала в Нижний Новгород. Здесь Чириков и Горький встретились как старые друзья. В круг этого общения вошёл также знаменитый русский бас Ф.И. Шаляпин.

В 1903 году недалеко от Кстова на берегу Кудьмы Чириков строит большую дачу. Волга и Кудьма вдохновляют его на создание целого ряда прекрасных рассказов о русской природе, об охоте, вошедших позже в сборник «Волжские сказки». Это – чарующий мир преданий, легенд, мифов, былин, бытующих у народов Поволжья.

Осенью 1904 года, накануне революционных событий, Чириков переезжает из Нижнего Новгорода в Москву. В эти годы писатель тесно связан с Московским художественным театром, близко сходитесь с артистами: Качаловым, Москвиным, Книппер-Чеховой и другими. Частый гость в доме Чириковых – Фёдор Шаляпин.

В октябре 1905 года Чирикова посадили в Таганскую тюрьму за присутствие на тайном съезде Всероссийского Крестьянского Союза. А когда отпустили, на него, как «любителя политических свобод», совершили покушение черносотенцы. Писатель вынужден бежать в Финляндию. Его приютила в Куоккале семья Анненских. Вскоре вся семья перебралась на снятую зимнюю дачу вблизи «Пенат» Репина.

В 1907 году семья Чириковых переезжает из Финляндии в С.-Петербург. Здесь они живут вплоть до Октябрьской революции. Это годы наивысшего расцвета и всемирного признания писателя. Его пьесы идут в Петербурге в Александринском и Новом театрах, в Москве в Московском художественном и Малом театрах, в Киеве, Харькове, а также во многих театрах русской провинции. Произведения Чирикова печатаются за границей.

2 сентября 1909 года на руках у Евгения Николаевича скончалась его мать.

В поисках «вечного» Чириков обращается к фольклору. 2 октября 1909 года, через месяц после кончины матери, он заканчивает удивительно поэтичное монашеское сказание «Плен страстей человеческих».

После революции В.И. Ленин, близкий знавший шурина Чирикова Михаила Григорьева, основателя первого нижегородского марксистского кружка, и, памятуя, что Чириков был одним из руководителей студенческой сходки 1887 года в Казанском университете, предугадал писателя в частной записке:

«Евгений Николаевич, уезжайте. Уважаю Ваш талант, но Вы мне мешаете. Я вынужден буду Вас арестовать, если Вы не уедете».

Евгений Чириков покинул родину в ноябре 1920 года. Сначала он попал в Константинополь. Оттуда ему удалось вырваться вместе с приехавшим из Крыма младшим сыном Георгием в Софию. В 1921 году Чириков с сыном и приехавшей из Каира младшей дочерью Валентиной переехал в Прагу благодаря «русской акции» чешского правительства. В конце 1922 года в Праге собралась вся большая семья Чириковых.

В Чехословакии Евгений Николаевич продолжал вести активную творческую и общественную жизнь. Он выступал с чтениями о Чехове, Андрееве и Горьком, читал свои произведения. В 1928 году на торжественном приеме у короля Югославии Александра I ему был вручен орден Святого Саввы II степени наряду с писателями А. Куприным и Б. Зайцевым.

В Чехии Чириковы были близко знакомы с М. Цветаевой, В. Немировичем-

Данченко, историком А. Кизеветтером, с семьей Л. Андреева. Евгений Николаевич вел переписку с И. Бунинным, А. Куприным и другими писателями.

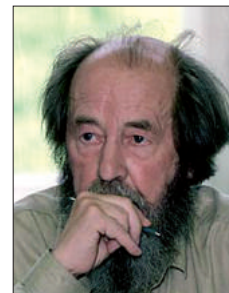
Большинство своих рассказов и повестей этого периода писатель посвятил годам юности, провинциальному Поволжью, дореволюционной России. Ни о чем другом русскому изгнаннику писать не хотелось. «Всё в прошлом. Вот и книжка моя «Вечерний звон» — всё раскопки прошлого», — пишет он дочери Людмиле.

Евгений Николаевич Чириков скончался 18 января 1932 года. У изголовья его гроба стояла сделанная его руками панорама «Волжского городка» с колокольнями и куполами, с бегущими по воде пароходами...

Чехи устроили Чирикову торжественные похороны. После отпевания в соборе Святого Николая в центре Праги траурная процессия протянулась по всей площади Вацлава. Именно было остановлено городское движение. Надгробное слово произнесли князь П.Д. Долгоруков и епископ Сергей (Королёв).

Сенгилеевские уроки Солженицына

Мало кому известно, что выдающийся писатель XX века Александр Солженицын в юности был поэтом, а в его автобиографической поэме «Дороженька» подробно описывается маленький городок Ульяновской области — Сенгилей.

В основу поэмы положены реальные события довоенного времени. Два друга, студенты Ростовского университета Александр

Солженицын и Николай Виткевич, отправляются в путешествие вниз по Волге. Лодку назвали «Волгарь-Скиталец», в честь писателя-волжанина Скитальца. Посещают друзья и Сенгилей. Наш городок Солженицын описывает очень подробно. Районный центр представ-

лен множеством учреждений: Райпартпрос, Райком, Райкомол, Райуполминзаг, Райзаготконтора и т. д. Приметы времени предстают в отдельных зарисовках, деталях: «Закрывая полки голые, в Раймаге продают физическую карту... Африки». Страшная бедность, отсутствие в магазинах самых необходимых товаров. В чайной Райпо, где над столами русский чин трисловьями порхает», студенты знакомятся с дядей Мишей, из его рассказа они узнают, почему его сыновья «сопрели. Под сошной карельской», «Потому что был сочтён кулак./ Ну и... Ликвидировать. Как класс». Так открылись перед студентами суровые уроки истории, сложные судьбы людей, встречи с которыми не проходят бесследно.

По материалам
Нины Васильевой

Подробно читайте
«Мономах» № 1(56) — 2009

Сенгилей. Старый порт

Сказочник

Редкое заволжское село не таит в себе тех или иных ценностей устного народного творчества. В этом отношении особенно выделялись сёла Дмитриево-Помряскино и Ясашное Помряскино. В последнем из них Садовникову и посчастливилось найти знаменитого волжского сказителя Абрама Кузьмича Новопольцева.

12 Межрегиональный Краснореченский сказочно-фольклорный фестиваль имени А.К. Новопольцева в р.п. Старая Майна. 2014

В Заволжье среди крестьян складывались о нём чуть ли не легенды, в прессе, в литературе имя Новопольцева оставалось неизвестным. Настоящее признание в научно-литературном мире пришло к сказочнику, когда профессор Азадовский дал разбор его сказок и авторитетно заявил: «Новопольцеву принадлежит одно из первых мест в галерее мастеров русской сказки, по количеству же и разнообразию записанных от него текстов, по богатству своего репертуара он занимает бесспорно первое место».

Высоко оценил сказки Новопольцева и другой известный учёный-фольклорист профессор Б.М. Соколов: «Сказки его – одни из крупнейших и лучших, отличающиеся оригинальным построением, комбинацией сюжетов и мастерской передачей».

А.К. Новопольцев (родился приблизительно в 1820 году и умер в 1885 году) вышел из бедной крестьянской семьи. Бедность преследовала его всю жизнь. Летом обычно пас стадо, а зимой уходил вместе с четырьмя сыновьями на заработки – дрова пилить. «Я тоже с ним пилил дрова, – вспоминал один из его родственников А.Л. Романычев.

По воспоминаниям современников и родных, Новопольцев был высокого роста, широк в плечах. Он хорошо играл на жалейке, любил выпить, побалагурить, сказать острое словцо, а пуще всего – «сказки сказывать».

С ростом успеха у слушателей Новопольцев всё больше превращался

в сказителя-профессионала, в артиста, в желанного участника пирушек и свадеб. Своим мастерством он воскресил древнюю русскую традицию украшать свадьбу сказкой как художественным номером. Без его участия как артиста не обходилась почти ни одна не только крестьянская, но и помещичья свадьба. «Я у него в подпасах был, – рассказывал его внук А.Л. Романычев. – Бывало, мы стадо пасём, а дед Абрам в кабаке бочки караулит и сказки рассказывает. Здорово он умел рассказывать небылицы всякие. Его баре возили к себе в усадьбы, когда пиры устраивали, он и смешил их там».

В барской усадьбе Лазаревых Садовников и познакомился с Новопольцевым. Страстный собиратель фольклора и знаток его, поэт сразу же оценил всю научно-художественную важность своего открытия. Началась кропотливая запись сказок, производившаяся в доме Лазаревых при деревне Новиковке, которая находилась в двух верстах от Ясашного Помряскина. Со слов Новопольцева Садовников записал 72 текста.

Литературное наследство Новопольцева исключительно богато и по количеству, и по разнообразию содержания: сказка-легенда, анекдот-шутка, сказки о животных, сказки новеллистические, сатирические, бытовые, волшебные. Общий характер его сказок жизнеутверждающий, весёлый. Основная установка – насмешить, метнуть острое словцо, а иногда пустить

и сатирическую стрелу. По мнению профессора Азадовского, сказки Новопольцева ведут своё начало от скоморохов, а сам Новопольцев – ярко выраженный тип сказочника-балагура, увеселителя, остролова.

Садовников собрал о личности Новопольцева богатый материал, который, к сожалению, утрачен.

Новопольцев – талантливый стихотворец, удивительно легко владеющий рифмой, которая у него встречается не только в шаблонных для каждого сказочника зачинах и концовках, но пронизывает всю ткань его произведений, определяя часто и сюжетное положение, и характер героя, и его имя. Это говорит об огромном мастерстве Новопольцева, о его эстетической чуткости, позволяющей ему дать тонкий ритмический рисунок комического оттенка, направить действие сказки в нужную сторону.

Наш заволжский сказочник – яркая художественная натура с сильным умом и острым взглядом, с богатым словарём. Это не простой любитель-дилетант, а первоклассный мастер, артист своего дела, человек призвания, много работавший над своими сказками. Огромная память, широкий размах творческого воображения давали ему возможность придумывать, украшать сказки, создавать новые вариации.

Новопольцев представлял сказки в лицах. Вполне возможно, что у него были учителя-сказители, сведения о которых до нас не дошли.

«От безрукого к безногому»

Чудесный обед генерала Скобелева под неприятельским огнём. Лубок. XIX век

Иван Никитич Скобелев (1778–1849) – русский генерал и писатель из рода Скобелевых. Родился в деревне Новиковка Ставропольского уезда (ныне Старомайнский район Ульяновской области). Иван Скобелев рано лишился отца, его детские годы протекали под присмотром матери в обстановке крайне бедной. В конце 1810-х годов И.Н. Скобелев женился на Надежде Дмитриевне Дуровой (ум. 1838), дочери владимирского помещика.

Служить Иван Скобелев начал рядовым солдатом и быстро дослужился до офицерского чина.

В ходе кампании против Наполеона сначала находился под командованием Н.Н. Раевского, а затем с двумя ротами солдат был прикомандирован к полку гусар Я.П. Кульнева. В одной из битв Скобелеву оторвало два пальца правой руки, раздробило третий, он был сильно контужен в грудь. Полученные раны не помешали, однако, Скобелеву принять участие в кампании против турок.

В 1812 году Скобелев в чине капитана назначается состоять при генерал-фельдмаршале князе Кутузове, который скоро сделал его своим старшим адъютантом. По смерти своего начальника проводил его останки в Петербург и вновь вернулся в действующую армию.

В 1817 году Иван Никитич Скобелев был произведён в генерал-майоры. В марте 1831 года, командуя бригадой гренадерской дивизии и резервными дивизиями трёх корпусов, он вступил

в пределы Царства Польского. Это был последний военный поход в жизни Скобелева. В сражении при Минске неприятельское ядро раздробило ему левую руку. Её пришлось ампутировать, и в то время когда врачи производили ему операцию, Скобелев, сидя на барабане, диктовал свой прощальный приказ.

И.Н. Скобелев был известным в своё время писателем, выступавшим под псевдонимом «Русский инвалид». Писал он исключительно на военные темы. Его произведения пользовались большой популярностью, особенно среди военных. Первое произведение было издано в 1833 году – «Подарок товарищам, или Переписка русских солдат в 1812 году, изданная русским инвалидом Иваном Скобелевым». Книга не осталась незамеченной публикой и критикой. Поэт И. Верёвкин даже написал по поводу выхода в свет «Подарка» стихи в честь его автора. С 1834 года на страницах «Библиотеки для чтения» начали выходить рассказы «Русского инвалида». В 1838-м были

опубликован «Беседы русского инвалида, или Новый подарок товарищам». В 1839 году вышли «Письма из Бородине от безрукого к безногому инвалиду», и в том же году появились две пьесы: «Кремлев – русский солдат» и «Сцены в Москве в 1812 году», которые были поставлены на сцене Александринского театра.

Произведения его отличались довольно низкими художественными достоинствами, однако были довольно популярны. Причиной популярности произведений было совершенное знание русского солдата, «как свои три пальца на последней руке». Отличались его книги оригинальной формой изложения, простотой и правдивостью. Иван Никитич писал живым простонародным языком, используя чисто солдатский юмор, пословицы.

Несмотря на занятость по военной службе, Скобелев встречался с многими литераторами: А.Ф. Войковым, Ф.В. Булгариным, П.А. Плетнёвым, С.Н. Глинкой, Н.В. Кукольниковом и другими.

Фото Алексея Сытина

Первый, и не только в провинции

Александр Неверов (настоящая фамилия Скобелев (1886–1923)) прожил короткую, но яркую жизнь. Он родился в селе Новиковка Ставропольского уезда (ныне Старомайнский район Ульяновской области). Среди пятерых детей в семье Скобелевых Саша был средним. Мать, Матрёна Николаевна, неграмотная крестьянка с мягким, отзывчивым сердцем, умерла, когда младшей дочери было два года, а Саше – 12 лет. Отец, Сергей Иванович, выпивал, а после смерти жены вообще бросил детей на попечение деда и уехал в Самару. Мальчик вырос любимцем в семье деда, Николая Семёновича Елисеева, бывшего крепостного, имевшего свой надел и бакалейную лавку, слывшего на селе «книжником».

Село Новиковка протянулось вдоль Красной реки и в начале XX века имело 259 дворов, 1169 жителей. На пригорке стояла красивая каменная церковь Покрова Богородицы, построенная ещё в 1776 году, недалеко находилась барская усадьба. Места вокруг были живописные. Здесь Саша провёл своё детство. Здесь окончил церковно-приходскую школу.

Дед надеялся, что из внука со временем выйдет хороший торговец, и отдал его в галантерейную лавку купца Никифорова в селе Старая Майна. В 1902 году дед перевёз его, 15-летнего паренька, в посад Мелекесс в мануфактурный магазин купца Березина на улице Конной (ныне Гагарина). Тайком от хозяина Саша читал книги, сочинял стихи, которые потом читал кухарке Анисье. Слушая стихи, Анисья и плакала, и смеялась.

Случайно Александр узнал, что в посаде живёт сочинитель, которому

присылают из Петербурга деньги за стихи. Это был поэт-самоучка, крестьянин Спиридон Денисов. Александр отважился встретиться с ним. Спиридон Васильевич очень внимательно отнёсся к Неверову, порекомендовал ему поступить в Озёрскую второклассную школу и стать «учителем грамоты».

В 1903 году юноша, не спросив деда, покинул березинский магазин и ушёл из Мелекесса, чтобы продолжить ученье. Отслужил перед этим молебен за пятачок, перекрестился на соборную колокольню Красной церкви – собор Александра Невского в Мелекессе – и отправился пешком за сорок вёрст в село Озёрки. Это был волостной центр. Село большое, раскинулось по берегам крутого, поросшего тальником оврага. Вокруг – степь, в полуверсте – дубовая роща.

По субботам в Озёрках на базары съезжались крестьяне и ремесленники со всей округи. Саша любил побродить

по базару, послушать, о чём там говорят, а нередко и завязывал беседу с приезжими.

Озёрская второклассная школа готовила учителей для деревенских «школ грамоты». На первом месте стояло изучение «священной истории», церковнославянского языка, катехизиса, заучивание молитв. В трёх отделениях школы обучались около 60 человек. Саша Скобелев был самым способным. Среднего роста, с открытым живым взглядом серых глаз, с густой и волнистой шевелюрой, он отличался от сверстников начитанностью и был влюблён в художественную литературу.

Три года учился Неверов-Скобелев в Озёрках. В 1906 году он получил звание учителя «школы грамоты». В это время его рассказы уже были напечатаны в столичном журнале «Вестник трезвости». Как он был тогда счастлив! С журналом снялся на фотографии выпускников Озёрской школы.

Ранней осенью 1906 года по деревне Новый Письмирь Ставропольского уезда разнеслась весть: приехал новый учитель! Пожитков нет, только связка книг, поселился у бедного крестьянина Н.М. Иванова.

Деревенский богачей Царёв посмеивался в бороду: «Фамилия генеральская, а с нищим схож...».

Детям новый учитель понравился. Сблизился он и с крестьянами, и даже написал несколько статей в их защиту. После чего мужики осмелели, и началась смута. Из Самары прибыл карательный отряд. Началось дознание. Пришлось учителю Скобелеву уехать из Письмиря в деревню Старая Бесовка и прятаться у знакомых.

С 1907-го по 1910 год Александр Сергеевич работал в деревне Камышовка Самарской губернии. На время летнего отпуска приезжал в родное село Новиковка в течение нескольких лет подряд. Там он общался с учителями местной школы, читал им вслух и даже выпускал рукописный журнал «Полушка» – тощие тетрадошки в осьмушку писчего листа, исписанные его мелким, но разборчивым почерком. Здесь он помещал короткие зарисовки из жизни крестьян, духовенства, учителей. В Новиковке журнал читали все, кто умел читать.

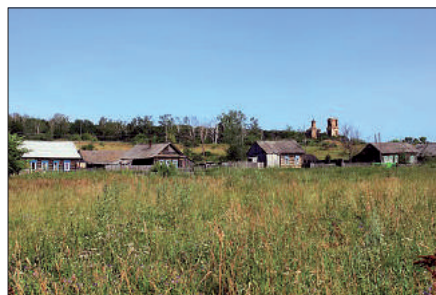
Летом 1908 года А. Неверов сдал экстерном экзамены в Ставропольском городском трёхклассном училище и получил звание «учителя начальных училищ». Теперь он имел право занимать учительские должности в земских школах и школах Министерства народного просвещения. В 1909 году в августовском номере журнала «Современный мир» был напечатан его рассказ «Музыка». В учительских кругах он произвёл сенсацию. Сюжетом послужили воспоминания о родном селе Новиковка.

Весной 1909 года произошло знакомство писателя с Пелагеей Зеленцовой, учительницей церковноприходской школы деревни Андреевка. Первая встреча состоялась в соседнем чувашском селе Калмаюр. Молодые люди уговорились после обедни чай попить с пирогами у священника, прогулять за селом. Пелагея была очень застенчива, во всеобщем веселье участие не принимала, шла чуть поодаль и рвала цветы. Второй раз встретились на учительских курсах в Самаре летом того же года. После курсов Пелагея Андреевна уехала в родное село Мусорка на каникулы, где вскоре получила письмо от А. Неверова с его фотографией

и надписью на обороте латинскими буквами: «На память хорошей скромной девушке, которую полюбил». Свой новый рассказ «Серые дни», напечатанный в журнале «Русское богатство», он выпустил с надписью «Посвящается П.А. Зеленцовой».

В июле 1912 года состоялось венчание А.С. Неверова и П.А. Зеленцовой. Невесте пришлось купить своему жениху к венцу рубашку и пиджак, так как вид у него был далеко не жениховский. Весной 1913 года в семье родился сын Борис. Молодые родители переехали в село Елань, что находилось на юге Самарской губернии. В центре села на сельской площади рядом с церковью стояла новая школа и при школе – квартира для учителя.

Зимой 1914 года А.С. Неверов был призван в армию. Служил недалеко от Самары в Иващенкове (ныне г. Чапаевск). Был определён на фельдшерские курсы, закончил их, стал ротным фельдшером при местном военном лазарете. В это время у него всё чаще стали проявляться признаки болезни сердца.

Осенью 1917 года А. Неверова и других учителей отпустили со службы, он вернулся домой в Елань, продолжил работу в школе. Весной 1918 года переболел тифом и еле выжил. После этого семья писателя окончательно переехала в Самару.

Во время голода 1921–1922 годов его семья страшно бедствовала. Говорили, что дети его были при смерти. Сам он был истощён до крайности и держался ценой нервного напряжения. Близкий друг А.С. Неверова, с которым он дружил многие годы, Н. Степной, вспоминал об этом трудном времени: «Это было в голодном 1921 году. Мы с Неверовым находились в десяти верстах от Самары в санатории и обдумывали, как быть дальше, чем кормить семьи. Жара. Пыль. По дорогам скрипели телеги, днём и ночью двигались пешеходы. Люди, спасаясь от голода, что-то предпринимали, куда-то спешили. А мы пока ещё только смотрели

на них... Говорили о том, что есть такой город – Ташкент, где за одни сапоги дают три пуда муки (48 кг). Надо и нам, брат, ехать...».

Выехали 12 августа 1921 года вчетвером: самарские писатели П. Дорохов, Н. Степной, А. Неверов и сводный брат по отцу А.С. Неверова – П. Скобелев. Ехали целый месяц. На остановках вагоны осаждали голодающие, дети просили даже арбузные и дынные корки. Решили по пути следования устраивать там литературные вечера. А.С. Неверов замечательно умел читать и имел большой успех. В Ташкенте писатели выступали в саду имени Луначарского, так как закрытого помещения оказалось мало – слушателей собралось свыше тысячи.

Вся поездка длилась два с половиной месяца. Вернулись больные, грязные, оборванные. Александр Сергеевич вернулся в шляпе и лаптях. Муку привёз, около 15–20 пудов. Приехали в Самару. Неверов был счастлив. Есть хлеб, есть дрова, можно жить и работать. Под впечатлением поездки он написал повесть под названием «Ташкент – город хлебный».

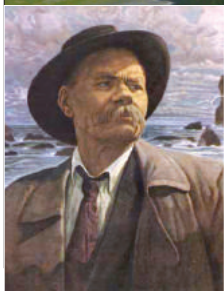
В апреле 1922 года Неверов переехал с семьёй в Москву. Он долго колебался, но всё же решился. Другам он говорил, что «лучше быть последним в столице, чем первым в провинции». Ему дали две комнаты на Большой Полянке. Шёл 1923 год, последний в его жизни. Писатель работал для журналов «Работница», «Крестьянка», «Крокодил» под псевдонимами «Насмешник» или «Свойский».

В августе 1923 года А.С. Неверов приехал в родные места, чтобы посмотреть, как после Гражданской войны и голода налаживается жизнь в деревне. Он побывал в Мелекессе, Чердаклах, Старой Майне, Кремёнках, Никольском, Кошках, в коммуне им. Розы Люксембург в селе Мусорка и других уголках Заволжья. После поездки появился очерк «Коммуна Роза», рассказ со странным названием «Шкрабы», что означает – школьные работники.

Умер писатель внезапно, тридцати семи лет от роду. Вечером 24 декабря 1923 года был весел, шутил и смеялся. И вдруг замер с серьёзным лицом, простоял полминуты молча, потом сказал: «Мне нехорошо». И ушёл от друзей. Утренние газеты 25 декабря 1923 года сообщили о внезапной смерти писателя Александра Сергеевича Неверова.

По материалам
Ирины Шамигуловой

Симбирские страницы в жизни Горького

В определённые периоды наш край был связан с А.М. Горьким (1868–1936). Впервые о Симбирске Горький услышал, вероятно, в год смерти отца, когда возвращался пароходом из Астрахани в Нижний Новгород, «насыщаясь красотой» осенней Волги. В августе 1888 года после катастрофы в Красновидове, чуть не погибнув при пожаре, двадцатилетний Горький оказался в Симбирске. Об этом он рассказал сам в «Моих университетах».

Фото Натальи Аргуткиной

Через два года Горькому пришлось побывать в пределах Симбирской губернии. Ещё в конце 1880-х годов молодой Горький мечтал об устройстве земледельческой колонии, но под влиянием разных событий эта мечта «несколько поблекла». Между тем жизнь писателя в Нижнем Новгороде складывалась неблагоприятно. Личная неустроенность и философские метания заставляли Горького искать выхода из тупика, и тогда писатель-народник Каронин посоветовал ему отправиться в Симбирскую колонию. «Через несколько дней, – пишет Горький в автобиографическом рассказе «О вреде философии», – я ушёл в Симбирскую колонию толстовцев и, придя туда, узнал от крестьян историю её разрушения».

Колония толстовцев находилась в селе Архангельском (ныне Сурского района). О ней Горький вспомнил в 1924 году в очерке о С.А. Толстой, жене Л. Н. Толстого, сказав, что ей была известна «скандальная и тяжёлая драма Симбирской колонии Архангельского, кончившаяся самоубийством крестьянской девицы». Сам писатель не рассказывает подробно о произошедших в колонии событиях, поскольку она

была изображена, по словам Горького, в «нашумевшем рассказе Каронина «Борская колония».

Бывал Горький и в уездных городах Симбирской губернии – Ардатове, Сызрани. Вёл переписку с писателями, в разное время находившимися в Симбирске: Скитальцем, Н. Степным, М.Д. Беляевым, журналистом С.М. Розовым (последний жил в Буинске). Был наставником наших начинающих писателей: А. Неверова, Нилли (Н. Ильина), К. Горбунова. Встречался с рядовыми симбирянами (среди них участник русско-японской войны Д.Ф. Смолин).

В начале Октябрьской революции, обеспокоенный судьбой культурных ценностей Симбирска и губернии, особенно письмами Пушкина, Алексей Максимович прислал по этому поводу письмо в Симбирский губисполком.

Имя Горького, его сочинения стали известны в Симбирске чуть ли не с первых шагов его литературной деятельности. Некоторые произведения писателя распространялись в списках. Ему даже приписывали чужие революционные произведения.

В 1905 году газета «Симбирские вести» перепечатала часть статьи Горь-

кого «По поводу» с подзаголовком «Письма Максима Горького». В этом же году в симбирском театре была поставлена пьеса Горького «Дети солнца», прошедшая со значительным успехом. Вскоре Симбирский театр поставил вторую пьесу Горького – «На дне». Песня из неё «Солнце всходит и заходит» быстро распространилась среди населения города и края. В 1916 году в селе Карлинском краевед К.А. Селиванов записал следующий куплет песни, видимо, народного происхождения: «Эх вы, цепи, мои цепи, вы железны сторожа, / Не порвать вас, не порезать мне без острого ножа».

Симбирские впечатления Горького нашли некоторое отражение в его произведениях: «Два босняка», «Кража», «Мои университеты», картинах к инсценировке П. Сухотина «В людях» (1932, в первой картине участвуют симбирские крестьяне-грузчики). Несомненный интерес представляют отзывы Алексея Максимовича о наших писателях-земляках в его работе «История русской литературы».

По материалам
К.А. Селиванова

Замечательное явление в литературе

Алексей Васильевич Тимофеев (1812–1883) – поэт и беллетрист. Родился в г. Курмыш Симбирской губернии в богатой помещичьей семье. Молодые годы Алексея Тимофеева прошли на Суре.

Учился на юридическом факультете Казанского университета. Переехав в Петербург, он в 1832 году дебютировал в литературе драмой «Разочарованный», а в 1833–1837 годах выступил с рядом книг, имевших успех. Отмечая неопытность и незрелость автора, молодой Белинский назвал его повесть «Художник» (1834) «замечательным явлением в литературе». Большой успех имели книжки стихов («Двенадцать песен», 1833, «Песни», 1835) и мистерии, однако Белинский отзывался о них в пренебрежительном тоне.

После 1843 года Тимофеев надолго исчез с литературного горизонта, увлекшись бюрократической карьерой. Но в 1870-х, выйдя в отставку и вернувшись в Петербург, писатель вновь занялся литературой и в 1876 году издал обширную поэму в двух томах «Микула Селянинович». Она не имела никакого успеха, и Тимофеев умолк навсегда.

Самое ценное в творчестве Алексея Васильевича Тимофеева – оригинальные песни, в которых есть и просота, и задушевность, и неподдельная

народность. В них мы находим и горемычную любовь девушки, и змеютоску, грызущую сердце добра молодца, и удаль, и горькую жизненную долю – всё то, чем насыщены старинные народные песни.

Стихи Тимофеева многие композиторы перекладывали на музыку, они были подхвачены народом и стали известными песнями: «Ах вы, ветры буйные», «Река шумит, река ревёт», «Борода», «Предчувствие», «Оседлаю коня», «Свадьба» («Нас венчали не в церкви»).

Устроитель толстовской колонии

Николай Елпидифорович Каронин-Петропавловский (1853–1892) – писатель-демократ. Родился 5 (17) октября 1853 года в д. Вознесенская Бузулукского уезда Самарской губернии в семье священника. В 1866 году окончил Бузулукское духовное училище и поступил в Самарскую духовную семинарию. В 1871 году лишён казённого содержания за непочтительное отношение к начальству и осенью подал заявление о выходе из семинарии. Осенью 1872-го выдержал экзамен в 6 класс Самарской гимназии, из которой был отчислен вследствие ареста. Привлекался к дознанию по делу о пропаганде, содержался под стражей в Саратове, Москве, а с 26 января 1875 года – в Петропавловской крепости. 5 мая 1877 года был предан суду и признан невиновным. В административном порядке подчинён гласному надзору с ограничением места жительства.

Как писатель Николай Каронин дебютировал рассказом «Безгласный» в журнале «Отечественные записки» (1879), в котором сотрудничал до его закрытия. Впоследствии печатался в «Русской мысли», «Северном вестнике» и в ряде поволжских газет. В его циклах «Рассказы о Парашкинцах» (1879–1880) и «Рассказы о пустяках» (1881–1882), а также в повести «Снизу вверх. История одного рабочего» созданы картины разложения и обнищания пореформенной деревни.

Вновь был арестован 26 февраля 1879 года и привлечён к дознанию по

делу о тайной типографии, обнаруженной в Петербурге.

Весной 1881 года Каронин вместе с семьёй жил в Заволжской пригородной слободе Канава. Здесь писатель отдыхал после тюремного заключения в Петербурге перед отправкой в пятилетнюю ссылку в Сибирь. В Канаве он близко сошёлся с местными крестьянами, принимал участие в их работах. Каронин помогал устраивать земледельческую толстовскую колонию в селе Архангельском (ныне Сурский район).

С 28 октября 1887 года жил в Нижнем Новгороде, где его посетил Максим Горький. Сотрудничал в местных

газетах, затем в «Русских ведомостях», «Русской мысли», «Отечественных записках». В Нижнем Новгороде написал повесть «Борская колония».

Нижегородский период Каронина был труден. Писатель много и плодотворно работал, но сильно нуждался, жил впроголодь, часто болел. В мае 1889 года его пригласили фельетонистом в газету «Саратовский дневник» и он переехал в Саратов.

Умер 12 (24) мая 1892 года от горловой чахотки в г. Саратове. Его похороны на Воскресенском кладбище в Саратове превратились в массовую демонстрацию.

Литературный мир Цильнинской земли – это большое количество имён, совершенно не похожих друг на друга. Село Нижние Тимеряны связано с ласточкой чувашской поэзии Вассой Анисси, село Кайсарово – с Валерианом Никаноровичем Назарьевым, Русская Цильна – с Анной Ахматовой, Телешовка – с писателем и драматургом В.А. Дедюхиным, Чириково – с первым биографом А.С. Пушкина – П.В. Анненковым, Хохловка – с А.А. Коринфским.

Симбирский хранитель пушкинских рукописей

Судьба пушкинских рукописей после смерти поэта на продолжительное время оказалась в руках симбирянина, писателя Павла Васильевича Анненкова (1812–1887).

Будущий пушкинист родился в Москве в июне 1812 года за несколько месяцев до французского нашествия. А накануне захвата французами Москвы семейство Анненковых переехало в симбирское имение. Здесь у Павла Васильевича родился младший брат Иван. Произошло это в ноябре 1813 года. Так что детство писателя прошло в симбирском Чирикове.

Отношения с крестьянами у помещика Василия Анненкова не ладилась. В 1817 году крестьяне устроили бунт, зачинщики которого были установлены и сосланы в Сибирь. Но и после этого крестьяне не прекратили борьбу с ненавистным помещиком.

Летом 1821 года в симбирскую полицию явилось 70 чириковских крестьян с жалобой на жестокое поведение В.А. Анненкова. Последовало расследование крестьянских жалоб,

его отстранили от управления имением. Отец Павла Анненкова вместе с семейством переехал в Москву.

В Москве братья Павел и Иван поступили учиться в один из пансионов. Но вот пансион окончен и Павел Анненков приехал учиться в российскую столицу: сначала в Горном кадетском корпусе (1825–1829), а затем – на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1829–1832). Не закончив его, в 1833 году он поступил на службу в Министерство финансов.

В конце 1831-го или в начале 1832 года Анненков вошёл в круг приятелей молодого Гоголя – Н.Я. Прокоповича, А.С. Даниловского, И.Г. Пашенко и др. С конца 1842 года до начала 1843 года Анненков путешествовал по Германии, Италии, Франции. В апреле – июле 1841 года писатель общался с Гоголем,

переписывал под его диктовку главы романа «Мёртвые души».

В 1846–1848 годах вновь уехал за границу.

После возвращения в Россию Павел Васильевич вместе с братом Фёдором поспешил в Чириково. В симбирской провинции предстояло оформить раздел имения со старшим братом Александром Васильевичем. Это произошло накануне 1849 года.

Затем П.В. Анненков провёл почти три года в Чирикове и Симбирске, где и написал большинство «Провинциальных писем», опубликованных в журнале «Современник».

Позже здесь же в Чирикове Анненков продолжает работать над подготовкой издания собрания сочинений А.С. Пушкина. Одной из распространённых ошибок является неточная датировка времени, когда П.В. Анненков

приступил к работе над пушкинскими рукописями. Одни авторы относят это событие к 1849 году, другие – к 1850, а третьи – к 1851.

Брат писателя, Иван Васильевич Анненков, содействовал доступу к рукописям Пушкина ещё при жизни Белинского в 1847 году. Известно, что Павел Васильевич писал братьям Ивану и Фёдору в июне того года: «Ванюша теперь в хлопотах, но я рад, что пушкинские рукописи им не пренебрежены. Белинский мне говорил, что Вы за них взялись весьма дельно, и я думаю, что к его возвращению в Россию, что случится в ноябре месяце, уже у Вас будет готово что-нибудь весьма интересное показать ему».

Но стоило только писателю приступить к подготовке издания, как он тяжело заболел и возвратился к работе над Пушкиным в Петербурге лишь в октябре месяце 1851 года.

В Чирикове свою работу Анненков продолжил лишь в августе 1852 года. «Третий месяц живу один-одинёшенек в деревне и засел на 1832 годе биографии Пушкина, решительно недоумеваю, что делать? Он в столице, он женат, он уважаем – и потом вдруг он убит, сказать нечего, а сказать следовало бы, да ничего в голову не лезет. И так, и сяк обходишь и всё в результате выходит одно: издавал «Современник» и участвовал в «Библиотеке для чтения»... Какая же это биография? Это уже не писание, а просто влачение по гололеднице груза на клячонке, вчера не кормленной. Только и поддержки ей, что убеждение (корм хорош), что по стечению обстоятельств никто так не поставлен к близким сведениям о человеке, как она... Нечего больно зариться на биографию. Есть кое-какие факты, они плавают, они в пошлости», – писал Анненков из Чирикова И.С. Тургеневу в Спасское 12(24) октября 1852 года.

Отвечая на письмо П.В. Анненкова, Тургенев писал 28 октября (9 ноября) 1852 года из Спасского: «Я понимаю, как Вам должно быть тяжело так дописывать биографию Пушкина – но что делать? Истинная биография исторического человека у нас ещё не скоро возможна, не говоря уже с точки зрения цензуры, но даже с точки зрения так называемых приличий. Я бы на вашем месте кончил её ex abrupto поместил бы, пожалуй, рассказ Жуковского о смерти Пушкина и только. Лучше отбить статуе ноги – чем сделать крошечные не по росту. А сколько бы я мог судить, торс у вас выйдет отличный. Желал бы я, говоря это

откровенно, так же счастливо переменить свою манеру, как Вы свою в этой биографии. Вероятно, под влиянием великого истинно древнего по своей строгой и юной красоте пушкинского духа Вы написали славную, умную, тёплую и простую вещь. Мне очень хочется дослушать её до конца».

Затруднения, возникшие у Анненкова, касались главным образом того, что нужно было написать о гибели поэта, а в 50-е годы были живы многие из родственников Пушкина. В своём письме Тургенев и подсказывает, как поступить с изложением последней части пушкинской биографии.

В ноябре 1852 года Анненков в основном написал биографию поэта. А в январе 1855 года вышли в свет «Материалы к биографии А.С. Пушкина» – первый том издания сочинений поэта.

В каталоге музея Симбирской учёной архивной комиссии за № 41 значится «Сочинения Пушкина. Том I. Издание П.В. Анненкова». Этот экземпляр из библиотеки П.В. Анненкова представляет большой автографический интерес по имеющейся в нём рукописной странице, на которой значится: «Автору образцовой биографии Пушкина и добросовестному издателю сочинений великого нашего поэта Павлу Васильевичу от его литературных друзей и знакомых в память обеда 17 февраля 1855 года. Далее следуют подлинные подписи: «Иван Тургенев, Иван Панаев, Василий Боткин, Николай Некрасов, Александр Дружинин, Михаил Михайлов, Михаил Авдеев, Алексей Писемский, А. Майков, Г. Геннади, В. Гаевский, Е. Корш, М. Языков, А. Жемчужников, гр. Алексей Толстой, Арапетов, Н. Гербель, Я. Полонский».

Какие же рукописи А.С. Пушкина привёз П.В. Анненков в симбирское село Чирикovo? Это девятнадцать рабочих тетрадей, выписки для Истории Петра – выписки для истории Пугачёвского бунта, черновые письма Пушкина вместе с письмами его корреспондентов, несколько сот отдельных листов с черновиками биографических заметок, статей и стихотворений.

То есть П.В. Анненков обладал большей частью пушкинских рукописей, оставшихся после смерти поэта, кроме дневника и писем жене.

О переписке поэта Анненков заметил: «Непрерывная литературная переписка с друзьями принадлежала к числу любимых и немаловажных занятий Пушкина в это время (во время пребывания в Михайловском. – А.А.). Переписка Пушкина особенно драгоценна

тем, что ставит, так сказать, читателя лицом к лицу с его мыслию и выказывает всю её гибкость, оригинальность и блеск, ей свойственную. Эти качества сохраняет она даже и тогда, когда теряет достоинство непреложной истины или возбуждает вопрос. Мы имеем только весьма малую часть переписки Пушкина, но и та принадлежит к важным биографическим материалам». (Материалы, с. 129).

Подводя итоги, можно сказать, что в Чирикове находился основной массив пушкинских рукописей.

В сентябре 1833 года А.С. Пушкин побывал в Языкове Симбирской губернии, а почти через девятнадцать лет – в августе 1852 года – в Симбирской губернии оказалось рукописное наследие русского поэта. Село Чирикovo, куда прибыли рукописи, отстоит от села Языково всего в тридцати километрах. Пушкин добирался до Языкова через Тагай. А вот каким маршрутом он добирался из Петербурга в Чирикovo, предстоит выяснить.

Рукописи Пушкина послужили основой для анненковских «Материалов», то есть биографии поэта. Говорю об этом, нисколько не принижая других источников, газетных и журнальных публикаций, воспоминаний, изданий пушкинских произведений.

Какое же время пушкинские автографы хранились в Чирикове Симбирского уезда и губернии?

П.В. Анненков приехал в Москву 3 (15) января 1853 года. Скорее всего, он выехал из Чирикова числа 27–28 декабря 1852 года.

Несмотря на то, что книга о Пушкине была закончена ещё в ноябре, Анненков оставался почти до Нового года в Чирикове в ожидании денег, видимо, предполагавшихся от продажи хлеба.

С вопросом, когда писатель приехал в Чирикovo, дело обстоит сложнее. Дату приезда можно установить менее точно, чем дату отъезда.

На основании уже цитировавшегося выше фрагмента письма Анненкова Тургеневу от 12 (24) октября 1852 года «Третий месяц живу один-одинёшенек в деревне и засел на 1832 годе биографии Пушкина...» можно сделать вывод, что Анненков приехал в Чирикovo в первой декаде августа. Итак, всего работа с рукописями велась на протяжении четырёх с половиной месяцев. Столько времени пушкинские рукописи хранились в Чирикове.

**Александр
Авдонин-Бирючевский**

Взошла яркая звезда

Чувашская поэтесса Анисья Васильевна Княгинина (1892–1975) родилась в селе Нижние Тимерсяны. Свою первую книгу она назвала претенциозно и романтично – «Взошла яркая звезда». Ранние стихи и небольшие рассказы были написаны ею в 1906–1907 годах. Следующий сборник под названием «Сбылась мечта» увидел свет лишь в 1972 году.

Имя первой чувашской поэтессы в 1960-е открыл миру казанский журналист Константин Петров, обнаруживший её ранние стихи в газете за 1907 год. К тому времени Анисье Васильевне было уже 75 лет.

Любовь к слову и стихосложению передались Анисье Васильевне от родных. Её дед был талантливым сказочником. Отец Анисьи, обычный крестьянин, прочитал в церковноприходской школе все книги духовного содержания.

В 1901 году в Нижних Тимерсянах открыли школу. Когда Анисья подросла, отец отправил её туда учиться. Через четыре года он отвёз дочь в Симбирскую чувашскую школу. Там ей запомнилась старая учительница Наталья Яковлевна, которая прививала девочкам хорошие манеры. В то время Анисья с интересом читала стихи чувашских поэтов Тайёр Тиммкки, Николая Шелепина и ещё во время учёбы

в Симбирске пробовала писать свои. Одно из стихотворений – «Ялта» – было напечатано в казанской газете «Хыпар» с подписью «Васса Анисси».

В 1908–1911 годах в жизни семьи Васильевых случились перемены. Под влиянием Столыпинских реформ отец поэтессы вместе с другими односельчанами решил вести хуторское хозяйство, под эти цели взял кредиты, но расплатиться не смог. В 1913 году Анисья сама стала зарабатывать себе на жизнь, работая прислугой и нянькой в Самарской губернии в семье Павловых. Там и встретила своего будущего мужа – священника и учителя из Средней Якушки Александра Семёновича Княгинина.

В 1916 году Анисья Васильевна сдала экзамен в Симбирской чувашской школе и получила звание народного учителя. Молодые супруги поехали работать в село Аврала. Анисья Васильевна учила читать и писать неграмотных взрослых авралинцев. Сама писала

пьесы, переводила пьесы великих русских писателей Н. Гоголя и А. Чехова на чувашский язык, работала библиотекарем.

Летом 1918 года началась Гражданская война. Вместе с ней пришли эпидемия тифа и голод 1921 года. Какое-то время семья поэтессы спасалась от голода в Сибири. Но в 1924 году вернулась в Поволжье в село Ямбаково (сейчас часть села Новая Малыкла). В 1929 году муж Анисьи Васильевны умер, и она осталась одна с пятью детьми на руках. В 1930 году в селе был организован колхоз. Старшие дети Анисьи Васильевны выучились и стали работать учителями. Во время Великой Отечественной два сына А.В. Княгининой ушли на фронт, а вернулся инвалидом один – Николай. С 1947 Анисья жила у дочери в Мелекесе.

Скульптор Николай Кондрашкин в 2012 году подарил школе с. Нижние Тимерсяны барельеф поэтессы.

Евгений Венский и его «Трепач»

Имя Евгения Венского (псевдоним Евгения Осиповича (Иосифовича) Пяткина (1885–1943)) было хорошо известно в литературных кругах России начала XX века.

Будущий поэт-сатирик и фельетонист родился 6 января 1885 года в семье дьячка в селе Средние Тимерсяны Симбирской губернии. С двенадцати лет учился в Сызранском духовном училище, из которого был исключён за «стихотворство». Первые стихи опубликовал ещё студентом Казанской духовной семинарии, откуда его исключили за «сатирические бутады». Год работал учителем в с. Сенькино Симбирской губернии, потом стал профессиональным литератором.

В 1905 году под псевдонимом начал печататься в сатирическом журнале «Зритель»; в 1906–1907 годах принимал участие в издании журнала «Метеор» (Казань), затем выступал во многих периодических изданиях Поволжья. После переезда в 1908 году в Петербург печатался в «Биржевых новостях», «Родине», «Копейке», а также в периодических изданиях Киева и Варшавы. С 1910 года был постоянным сотрудником «Сатирикона» и «Нового сатирикона». Широкую известность приобрёл его сборник пародий на литературную петербургскую богему «Моё копыто. Книга великого пасквиля», выдержавший два издания в 1910-м и 1911 годах. Отдельно был издан также его сборник «Сатира и юмор» (1912), а во время Первой мировой войны – сборники стихов и прозы «О немцах, извините за выражение» (1915) и «В тылу» (1916).

В 1914–1918 годы Евгений Венский был редактором-издателем журнала «Трепач», сотрудничал в бульварных журналах «Балаган», «Банный лист», «Кузькина мать».

После Октябрьской революции активно сотрудничал в советских сатирических журналах «Красный ворон», «Бегемот», «Бузотёр», «Дрезина», «Красный перец», «Заноза», «Смехач», «Крокодил». Писал водевили для эстрадных коллективов, сказки для детей. В 1919 году в Ростове-на-Дону издал сборник стихотворений «К людям вольных гор», который был изъят из библиотек и уничтожен в 40-х годах. Такая участь постигла книги многих репрессированных писателей и книги, содержащие какие-либо сведения о высланных народах. В 1920-е годы Венский несколько раз арестовывался ЧК за знакомство с белогвардейцами. С 1923 года жил и работал в Москве. В 30-х годах писал роман в стихах (рукописи не сохранились). У писателя было около тридцати псевдонимов, например «Евгений Хохлов», «Богоявленский», «И. Бронный», «В. Кубанский», «Е. Симбирский» и другие. Но самым известным псевдонимом сатирика считается фамилия «Венский», взятая в честь модного ресторана «Вена»

в Петербурге, где в начале прошлого века собиралась литературная богема.

Евгений Венский был арестован 17 октября 1942 года в Москве. 3 марта 1943 года ОСО при НКВД СССР по обв.: 58-10 ч. 2 осуждён на 5 лет ссылки. Умер 4 ноября 1943 года в Красноярском крае от дистрофии.

Интуитивные краски

Вонзите штопор

в упругость пробки –

И взоры жещин не будут робки!..

Да, взоры жещин не будут робки,

И к знойной страсти

завьются тропки.

Плесните в чаши янтарь муската

И созерцайте цветы заката...

Раскрасьте мысли в цветы заката

И ждите, ждите любви раската!

Ловите жещин, теряйте мысли...

Счёт поцелуям поди исчисли!

А к поцелуям финал причисли,

И будет счастье

в удобном смысле!..

1911

Валериан Никанорович Назарьев (1829–1902) – беллетрист, драматург и земский деятель. Валериан Назарьев родился в селе Аникеевка Карсунского уезда Симбирской губернии в семье мелкопоместных дворян. Выйдя в отставку, жил в родовом имении – в селе Новое Никулино Симбирского уезда. Его сердце всегда принадлежало простым людям.

В окрестностях села
Новое Никулино

Получивший образование в частном казанском пансионе, В.Н. Назарьев окончил юридический университет Казанского университета в 1848 году, затем был на военной службе. Валериан Никанорович на собственные средства построил и содержал школу в селе Новое Никулино. Был гласным Симбирского уездного земства, мировым судьёй Новониклинской волости, членом уездного училищного совета, почётным мировым судьёй. Кроме того, был попечителем Тагайского, Новониклинского и Крестниковского народных училищ, членом Симбирского уездного училищного совета (около 25 лет), членом комитета Карамзинской общественной

библиотеки и членом-учредителем Симбирской губернской учёной архивной комиссии. В.Н. Назарьев задумал издание учебника по отечествоведению и начал собирать материал для него. Он инспектировал школы уезда, снабжал их учебными пособиями, подбирал для них учительские кадры.

Главная тема произведений В.Н. Назарьева – жизнь крестьян после реформы 1861 года. Первые работы были опубликованы в «Современнике». В 1860-х годах в «Отечественных записках» поместил под общим заглавием «Очерки с натуры» и «Наша сельская жизнь» ряд талантливых очерков о провинциальной жизни. В том же журнале, после перехода его под редакцию

Некрасова, напечатаны рассказы Назарьева «Провинциальные типы» и «Литератор-обыватель», комедия «Метель» и другие. Он сотрудничал также в «Библиотеке для чтения», «Вестнике Европы», «Порядке». В «Историческом вестнике» помещены его интересные материалы для биографии Л. Толстого – его товарища по Казанскому университету, а также очерки «Люди и жизнь былого времени», «На новую линию». Его комедия «Золотые сердца» была поставлена на сцене московского Малого театра в 1882 году, но позже запрещена, так как написана по материалам неафишируемой стороны жизни семьи Ульяновых.

Умер в Симбирске в 1902 году.

Тургеневы

Село Тургенево – родовое поместье замечательной семьи Тургеневых. Здесь жил в ссылке в 1780–1790-х годах глава семьи Иван Петрович Тургенев (1752–1807), сочинитель и переводчик, сподвижник своего знаменитого друга Н.И. Новикова. Здесь Тургенев занимался воспитанием сыновей, энергично насаждал масонство, написал несколько сочинений.

Большую известность получили сыновья Ивана Петровича – Андрей Иванович Тургенев (1781–1803), Александр Иванович Тургенев (1784–1845) и Николай Иванович Тургенев (1789–1871), родившиеся в Симбирске. Здесь частично прошли их детские и отроческие годы, сюда они неоднократно приезжали и в зрелом возрасте.

Андрей Тургенев – поэт. Он стал одним из зачинателей романтизма в русской поэзии, был «незабвенным другом» и наставником Жуковского.

Александр Тургенев известен своей близостью к Пушкину и другим выдающимся русским писателям. Сотрудничал в журналах, собирал документальные материалы по русской истории. В своих дневниках и письмах А.И. Тургенев оставил интересные сведения о быте и жизни симбирского общества и крестьян.

Наиболее яркой фигурой был Н.И. Тургенев, один из руководителей Северного общества декабристов, выражавший в своих сочинениях их передовые взгляды.

Приехав 17 июня 1818 года в Симбирск, он пишет: «При виде Симбирска я чувствовал что-то; но чувствовал весьма слабо. Зато первое и главное, что неоспоримо: крестьяне на оброке гораздо счастливее крестьян на пашне».

Все симбирские впечатления Тургенев воспринимает в свете крестьянского вопроса. «В два или три дня пребывания моего здесь я имел случай заметить образ жизни провинциальных дворян, и по тому, что я видел в доме Аржавитиновых, я, кажется, могу заключить о прочих. Я приходил туда поутру и находил уже хозяев и гостей за пикетом, после обеда – за бостоном, за шашками и банком. Между тем фигуры рабов, как привидения из мира нечистоты, мелькали по комнатам».

Посетив ещё нескольких знакомых, наслушавшись о делах в губернии, Тургенев с грустью записал: «Всё это заставило меня вздохнуть о состоянии бедной России!.. Зачем досталось мне жить тогда, когда ещё надобно приготовить всё к лучшему?»

Осмотрев город, он восхищается Венцом, «прекрасным, величественным местоположением» и видом Волги.

С особой любовью относился Николай Тургенев к родной деревне. «Если бы мне не нужно было жить в Петербурге, а надобно было бы жить в России, то я всему предпочёл бы деревню... Беда не в скуке от деревни, но в скуке от повсеместного здешнего порядка, от помещиков и управления», – признался он.

Алексей Толстой в Заволжье

К другой ветви симбирских Тургеневых, чьё имение находилось в селе Коровино Ставропольского уезда (ныне Чердаклинский район), имеет прямое отношение знаменитый писатель Алексей Николаевич Толстой (1883–1945).

Село было основано Фёдором Игнатьевичем Коровиным, который «поверстан был по городу Симбирску в 1648 году и получил 50 четвертей поместной земли, по большой Симбирской дороге, вверх по Елшанке речке». В 1743 году село у Коровиных выкупили дворяне Тургеневы. Поместье переходило по наследству и в 1837 году досталось Борису Петровичу Тургеневу, а после его кончины в 1854 году его владельцем стал Леонтий Борисович Тургенев – дед известного

русского писателя Алексея Николаевича Толстого.

25 ноября 1854 года в селе Коровино родилась Александра Леонтьевна Тургенева – мать будущего писателя. Умная, красивая, она была талантливой писательницей. В 19 лет вышла замуж за графа Николая Александровича Толстого. Родила от него троих детей. А потом встретила Алексея Аполлоновича Бострома, служащего Самарской земской управы, и влюбилась. Она оставила детей мужу и,

будучи беременной четвёртым ребёнком, ушла от него к Бострому. Так Алексей Николаевич Толстой родился в доме отца, который состоял с его матерью в гражданском браке.

Личное знакомство Алексея Толстого с Симбирским Заволжьем началось в апреле 1899 года: на весенние каникулы Александра Леонтьевна повезла 16-летнего сына в Тургенево к сестре, Марии Леонтьевне Тургеневой. Путь лежал через Симбирск и село Архангельское (территория современного

Фото Сергея Ойкина

Александра Леонтьевна Толстая
с сыном Алексеем

Чердаклинского района, ныне затоплено), здесь они побывали у Хованских и Шишковых, приходившихся им родней, а также у Наумовых в селе Головкино.

Юного Толстого поразила природа здешних мест: после самарских степей речки, озёра, рощи и холмы показались ему сказочно красивыми. Привлекли внимание и личности родных и новых знакомых.

Лето 1900 года Толстой провёл в Бригадировке (ныне Мелекесского района). По одним сведениям, здесь, по другим – в Самаре, после каникул (он поступил в реальное училище), Алексей познакомился с Юлией Рожанской, которая играла в любительском театре, и влюбился без памяти.

В 1901 году Алексей Толстой решил поступать в технологический институт в Петербурге и уговорил Юлию ехать вместе с ним. По его совету в том же году она поступила в медицинский институт. В Петербурге молодые люди не расставались. Они сняли меблирован-

Село Коровино (дореволюционное название – Эрмитаж),
родина матери А.Н. Толстого

ную комнату, почти каждый вечер посещали театры, культурно развлекались.

Летом 1902 года они отправились в Тургенево, где 3 июня венчались в местной церкви. На момент женитьбы Алексею исполнилось 19 лет, Юлии – 22 года. Церемония была скромной. Александра Леонтьевна не захотела пышной свадьбы: «Алёша ещё так молод». Но невеста была уже беременна.

В январе 1903 года у молодой пары родился сын Юра. В воспитании ребёнка им помогали родители Алексея и Юлии. Молодожёны учились, выезжали на практику, посещали театр. Но идиллия была недолгой: в 1906 году, будучи за границей, Алексей Толстой влюбился в другую девушку. Второй брак был случайным и тоже продлился недолго.

Снова в Симбирском Заволжье Толстой появился летом 1910 года. Некоторое время он жил в селе Архангельское у деда Леонтия Борисовича Тургенева. Ознакомившись с семейным архивом, захватил его с собой, в село Войково, где жил старейшина тургеневского рода дядя Гоня. В Войкове Толстой работал над архивом, слушал рассказы дяди и писал роман «Две жизни».

Через три года начинающий писатель предпринял поездку по правобережью: посетил сёла Майнского, Тереньгульского, Вешкаймского (современные названия) районов, где жили родственники и знакомые матери. Эта поездка, по признанию А.Н. Толстого, дала материал для повести «Приключения Расстегина». Она была написана в Войкове и с осени 1913 года печаталась в газете «Русские ведомости».

К сбору материала Алексей Толстой привлёк и тётку, Марию Леонтьевну Тургеневу: она сообщала ему в письмах

народные слова, речения, поговорки. Писатель широко использовал накопленный материал и позже говорил, что ранние произведения «были построены на хронике, собранной на Волге». Так, сюжетом повести «Неделя в Турене-ве» явились события, разыгравшиеся в Тургенево в 1906 году. Почти все герои имели своих живых прототипов.

Проезжая через Симбирск, Толстой останавливался обычно в Троицкой гостинице, считавшейся в те времена «дворянской». В Симбирске писатель посещал театр, гулял по Владимирскому саду, любил бродить по Венцу. Краевед К.А. Селиванов записал рассказы старожилов, встречавшихся с Толстым в эти годы в Симбирске. Они рисуют Алексея Николаевича «ужасно простым человеком, охотно вступавшим в разговоры». «Своей внешностью он напоминал упитанного деревенского парня: никак нельзя было сказать, что это граф».

Симбирские впечатления отразились в произведениях Толстого «Хромой ба-рин», «Заволжье», «Сёстры» и других. В них автор описывает Троицкую гостиницу, называет некоторые улицы, приводит конкретные детали.

Симбирск. Троицкая гостиница.
Фото нач. XX века

«И хорошо, что поля нет конца»

Николай Благов (1931–1992) родился в Ташкенте, но своей родиной всегда считал деревню Андреевка Чердаклинского района. Здесь он окончил начальную школу, после чего учился в Крестово-Городищенской средней школе. Благодаря бабушке Секлетинье Ивановне Николай с детства «пропитался» народным языком. Стихи начал писать, будучи студентом Ульяновского пединститута. Всего издал 18 сборников стихотворений. Н.Н. Благов умер в Ульяновске, похоронен в с. Крестово-Городище Чердаклинского района Ульяновской области.

Своими воспоминаниями о поэте поделился его земляк Николай Романов.

С Блазовым мы были в родстве: моя тётка была замужем за братом его отца. До первой встречи с Николаем Николаевичем я прочитал всё им написанное, гордился, что на нашей земле вырос настоящий русский поэт.

В 1952 году, осенью, мы переселились из Тургенева в Андреевку, ниже на Волге начиналось строительство ГЭС. В нашем селе, в большом и прекрасном барском доме (это была родовая усадьба знаменитой на всю Россию дворянской семьи Тургеневых) располагалась неполная средняя школа, вот в ней-то и учился Николай Благов начиная с пятого класса. Десятилетку он завершал уже в с. Крестово-Городище. Так что все юные годы он провёл на Волге.

Жили Блазовы тогда, как и все российские люди, с одной великой бедой: многие волгари навсегда остались на полях сражений, вдовы в колхозной борозде отдавали последние силы, чтобы поднять ребятишек. Всё творчество Благова пронизано темой войны, мыслями, образами, каких в нашей литературе, кажется, и не было. Александр Твардовский однажды сказал: стихи Благова о тыловой России – самые сильные в нашей поэзии.

Н.Н. Благова прославил поэма «Волга», с которой связан один интересный эпизод. Самым мелким шрифтом, непарелью, она была впервые напечатана в газете «Ульяновский комсомолец». Раньше все издания в обязательном порядке направлялись в Москву, во Всесоюзную книжную палату. Так вот там её нашли не то студенты, не то преподаватели Гарвардского университета (США), изучавшие русский язык. И они заинтересовались автором, прислали в Россию письмо, чем поначалу крепко встревожили поэта. Я думаю,

что их покорили не только слог, рифма, сюжет, а прежде всего слова и строки, которые были не совсем понятны, а то и вовсе не понятны. Ну, например, такая картинка: подходит к пристани пароход, «воду пахтая плицами, разутюжил зыбучие волны кормой». Что это такое – пахтать? – а как можно волны разутюжить? Оказывается, всё возможно, если пером водит русский талант!

Нечасто, но по службе, по свойству земляков, мы встречались с Николаем Николаевичем, и, конечно, речь заходила о поэзии, о деревне. Помните, у Василия Шукшина одна из книг называлась «Характеры». Николай Благов всегда вспоминал андреевских мужиков и баб с яркими, необычными характерами.

*И Марья Полякова брызжет смехом.
Вся из огня, красна и молода.*

Каждый художник – дитя своего времени, но, поднимаясь к вершинам мастерства, он и нас увлекает в то горнее, где вечно соседствуют добро и зло, любовь, смерть и необоримая тяга к жизни. В стихотворении «Микула Селянинович» образ пахаря-богатыря из русских былин встаёт перед нами живым, в святом крестьянском напряжении, с которого и кормится человек, а значит, и созидает. Поэт как будто идет рядом с Микулой, разделяя с ним мысли и чувства:

*И ничего,
Что отдыха не видно,
И хорошо,
Что поля нет конца.*

В пойме Волги, на лёгоньком взлобке, в который упирались необозримые заливные луга, стояло (уже упоминавшееся) старинное русское село Тургенево. Потом села не стало. Вместе

с сотнями других оно было сокрушено до последней гнилой дощечки так называемым Волгостроем, взгремевшим у подножий Жигулей. Николай Благов, молодой и зрелый человек, видел, что творится что-то невероятное, непоправимое. На глазах всего народа губили Волгу-матушку, жемчужину России. Со своей Матёрой (помните, у Валентина Распутина), впервые получившей огромный разрушительный размах у нас на Волге, люди прощались молча и тревожно, а печать и радио во всю трубили о сказочных агрогородках, в которые насильно грудили переселенцев из зоны затопления. И остались в зоне, непокорившиеся такому наступлению, как пишет Благов, «дед и печь». Но когда «бульдозер током разравняв село», подел и печку, старик смирился и сдался:

*И он пошёл.
Оглядывался с кручи.
Ещё совсем не разыгрался день.
Но оттого,
Что шла тропа всё круче,
Срезалась,
В ноги уходила тень.*

Малые Благовские чтения. 2015.
Лауреат Государственной премии РСФСР, поэт А.А. Парпара

Симбирск в творчестве Ярослава Гашека

В самом центре Ульяновска, в одном из домов на улице Карла Маркса, находится кафе «У Гашека», над входом в которое узнаваем портрет культового литературного героя – бравого солдата Йозефа Швейка. Ульяновцы давно перестали обращать внимание на причудливые названия забегаловок и торговых центров, но имя Ярослава Гашека заслуживает внимания горожан, ведь известный чешский писатель побывал в нашем городе в самый разгар Гражданской войны...

Ярослав Гашек родился в 1883 году в Праге, которая тогда была городом Австро-Венгерской империи. Вокруг фактов биографии писателя за годы накопилось изрядное количество легенд, слухов и анекдотов. В юности он отличался невероятной политической клоунадой, вступая во все партии подряд, и даже организовал собственную Партию умеренного прогресса. Целью партии была «защита австрийских подданных от землетрясений в Мексике, а избирателям предлагались карманные аквариумы».

Писатель вёл божественный образ жизни и был завсегдатаем полицейских участков. Поскольку Гашек часто издевался над своими работодателями, он не мог удержаться ни на одном рабочем месте и принял решение полностью посвятить себя литературе. За небольшой период он написал массу юморесок, часть из которых была напечатана в газетах, ещё часть издана отдельными книгами. В 1912–1913 годах в печати выходят сборники «Бравый солдат Швейк и другие удивительные истории», «Страдания пана Тенкрата», «Гид для иностранцев».

Коренной перелом в жизни писателя произошёл с началом Первой мировой войны. В 1915 году его призвали в Австро-Венгерскую армию. Гашек был ординарцем и связным взвода, участвовал в боях у горы Сокаль и даже был награждён серебряной медалью за храбрость, объясняя это тем, что избавил батальонного командира от вшей, намазав его ртутной мазью. Однажды Гашек «взял в плен» группу русских дезертиров: он неплохо говорил по-русски и условился с русскими солдатами об условиях сдачи.

Утром 24 сентября 1915 года в ходе контрнаступления русской армии под городом Дубно ефрейтор 91-го пехотного полка Ярослав Гашек добровольно сдался в плен. Вместе с Гашеком в плен сдался его сослуживец Франтишек Страшлипка – один из основных прототипов Йозефа Швейка. Позже Гашек вступил в Чехословацкий легион, который формировался в России из пленных чехов и словаков, выразивших желание участвовать в войне против Германии и Австро-Венгрии. По ряду сведений, летом 1917 года за бой у Зборова он был награждён памятной медалью и медалью «За храбрость» IV степени от Временного правительства. В это время Гашек продолжал писать о Швейке. В июне 1917 года в Киеве вышла повесть «Бравый солдат Швейк в русском плену».

Памятник bravому солдату Швейку в Самаре

Весной 1918 года после подписания Россией сепаратного Брестского мира Гашек порвал с легионом и вступил в партию большевиков. В апреле 1918 года его отправили на партийную работу в Самару, где он вёл агитацию среди чехов и словаков, призывая их вступать в Красную армию. Гашеку удалось сформировать небольшой чешско-сербский отряд, который принял участие в подавлении анархистского мятежа. Несмотря на то что на родине писатель вёл разгульный образ жизни, к своим обязанностям политкомиссара он относился более чем серьёзно. Его интернациональный отряд считался одним из самых дисциплинированных.

Однако уже в июне в Самаре установилась власть КОМУЧа. Чехи объявили Гашека предателем национальных интересов и желали расправиться с ним. Опасаясь репрессий, он вынужден был скрываться. Об этом периоде Гашек вспоминал кратко: «Когда братья наступали на Самару в 1918 году, мне, прежде чем пробраться в Симбирск, пришлось в Самарской губернии в течение двух месяцев играть роль слабоумного сына немецкого колониста из Туркестана, который в молодости ушёл из дому и бродит по свету».

Некоторое время писатель странствовал по деревням, одетый в мордовскую одежду. В Большой Каменке один крестьянин распознал в нём чужака («не умеешь ты онучи-то по-мордовски наматывать»), но властям не выдал.

Благополучно завершив опасное странствие, во время которого ему на каждом шагу угрожала смерть, Гашек добрался до Симбирска, занятого

12 сентября Красной армией, и явился в политотдел Реввоенсовета Восточного фронта. Сначала его задержали и посадили под арест по подозрению в шпионаже, в лицо его здесь никто не знал, о его деятельности в Самаре дошли только самые скудные сведения. Но благодаря заступничеству чешских красноармейцев, поручившихся за Гашека, он был отпущен.

В рассказе «Комендант города Бугульмы» он вспоминал: «В начале октября 1918 года Революционный Военный Совет левобережной группы в Симбирске назначил меня комендантом города Бугульмы. Я обратился к председателю Каюрову:

— А вам точно известно, что Бугульма уже взята нашими?

— Точных сведений у нас нет, — ответил он. — Весьма сомневаюсь, что она уже сейчас в наших руках, но надеюсь, что, пока вы туда доберётесь, мы её займём.

— А будет у меня какое-нибудь сопровождение? — спросил я тихим голосом. — И ещё одно: как я туда доеду? Да и где она, собственно, находится?

— Сопровождение вы получите. Мы вам даём команду из двенадцати человек. А что касается второго, посмотрите по карте. Думаете, у меня только и забот, что помнить, где лежит какая-то там Бугульма?

...В караулке, меня уже ждала моя «свита» — двенадцать статных парней чувашей, которые очень плохо понимали по-русски. Я даже никак не мог у них добиться, мобилизованы они или же добровольцы. Но их боевой, устрашающий вид позволял предполагать, что, скорее всего, это были добровольцы, готовые на всё... и мы пустились в путь по Волге, затем по Каме до Чистополя. Дорогой никаких особых происшествий не случилось, если не считать, что один чуваш из моей команды, напившись, свалился с палубы и утонул. Итак, у меня осталось одиннадцать провожатых. Когда мы в Чистополе сошли с парохода, один из них вызвался пойти за подводой, и... только мы его и видели».

После Бугульмы Гашека ждала Уфа, где он заведовал типографией и издавал большевистскую газету «Наш путь». Здесь же он познакомился со своей будущей женой.

Затем Гашек вместе с Красной армией отправился в Сибирь, на борьбу с Колчаком. В это же время им написано большое количество сатирических рассказов и фельетонов на русском языке. Фельетоны высмеивают

чиновников, карьеристов: «Они служили царю, служили Керенскому, служили белым. Только вывески над учреждениями перекрасились с занятием Уфы нами, но внутри остались те же самые попугаи, которые не стремятся к пониманию окружающего».

Н. Осокин. Гашек в Бугульме

Ещё одной «мишенью» Гашека оказался мещанин, натуру которого он хорошо узнал ещё в Чехии. Но больше всего, пожалуй, досталось Белому движению и лично Верховному Правителю России — А.В. Колчаку. Объектом высмеивания для Гашека было и правительство КОМУЧа, в частности, эсеровская пресса. Приведём отрывок из рассказа «Дневник уфимского буржуа»: «Говорят, что большевиками занят Симбирск. Наши взорвали мост через Волгу. При постройке этого моста дядя мой заработал пятьсот тысяч рублей. Чешские офицеры говорят, что падение Симбирска ерунда и что всё в стратегическом плане. Офицер Паличка украл у меня золотой портсигар. Да здравствует Учредительное собрание!»

Сегодня прибыла в Уфу первая партия беженцев из Казани и Симбирска. По дороге их по ошибке раздели оренбургские казаки. Была торжественная встреча.

Я выпил две бутылки коньяка и написал заявление на дворника, что он большевик. Дворника отправили в тюрьму.

В газетах напечатано, что большевики в Симбирске отняли у всех богачей детей и отдали их на воспитание китайцам».

Позже Ярослав Гашек ещё не раз упомянет наш город в фельетонах, написанных им в 1919–1920 годов.

Как сложилась дальнейшая судьба писателя? После окончания Гражданской войны Гашек остался в Сибири и даже купил дом в Иркутске. В декабре 1920 года вместе с супругой он вернулся в Прагу, где его не ждали. Со времени его отъезда в прессе регулярно появлялись некрологи: то его вешали легионеры, то его забивали в пьяной драке, то ещё что-либо. Гашек по этому поводу иронизировал: «Вернувшись на родину, я узнал, что был трижды повешен, дважды расстрелян и один раз четвертован дикими повстанцами киргизами у озера Калейских. Наконец меня окончательно закололи в дикой драке с пьяными матросами в одесском кабачке».

В период с 1920-го по 1921 год Гашек пишет три части самого известного своего произведения «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны».

В августе 1921 года он перебрался из Праги в небольшой городок Липнице (сейчас там находится музей Гашека), где через год обзавёлся собственным домом. Здоровье его быстро ухудшалось, часто из-за боли приходилось прерывать работу, но Гашек трудился до конца.

Последний раз он диктовал Швейка всего за пять дней до смерти. 3 января 1923 года он подписал завещание и заявил, что «Швейк тяжело умирает». В этот же день Ярослав Гашек скончался, не успев довести и до середины четвёртую часть своего романа. Эпопея о похождениях Швейка отразила всю бессмысленную жестокость мировой войны.

Многие друзья Гашека не поверили сообщению о его смерти, считая это очередной мистификацией. Его друг Эгон Эрвин Киш заявил: «Не верю! Сколько раз он уже умирал! Гашек не имеет права умирать. Ведь ему нет ещё и сорока».

В 1926 году, спустя всего три года после смерти Ярослава Гашека, в Чехословакии был экранизирован роман о бравом солдате Швейке. А в 1967 году в СССР писатель был удостоен ордена Красного Знамени...

Иван Павлов,

научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея

У кратера Пектусана

В 1900 году на жительство в Тургенево Ардатовского уезда Симбирской губернии приехал писатель-демократ Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852–1906). С целью улучшить благосостояние крестьянства он снял у местного помещика землю на два года и начал сельскохозяйственный эксперимент. Закупил технику, пригнал из Сибири косяки лошадей, стал сеять невиданные в этих местах мак, подсолнечник, чечевицу, занялся лесонасаждением, на 70 процентов увеличил зарплату крестьянам-рабочим. Его утопическая идея потерпела крах, однако нашла отражение в творчестве. Но самыми яркими оказались очерки писателя, посвящённые путешествиям.

В 1898 году Гарин-Михайловский получил от Петербургского географического общества предложение присоединиться к северокорейской экспедиции А.И. Звезинцева. Корея была изучена очень слабо, а северная её часть, пограничная с Маньчжурией, долгое время вообще была недоступна для исследователей: вся пограничная полоса, с целью защиты от чужестранцев, охранялась системой крепостей и кордонов. О высочайшей горе этого района Восточной Азии – вулкане Пектусан – существовали лишь легенды. Впервые об этом уникальном живописном месте рассказал Н.Г. Гарин-Михайловский.

Озеро в кратере вулкана Пектусан

Для работы в северокорейской экспедиции Гарин-Михайловский пригласил людей, известных ему по работе инженера-изыскателя: молодого техника Н.Е. Борминского и опытного десятника И.А. Пичникова.

9 июля 1898 года экспедиция выехала из Москвы прямым сибирским поездом. Строительство Транссибирской магистрали ещё не завершилось, не были построены отдельные средние звенья пути между Иркутском и Хаба-

ровском. На этом отрезке пути Николаю Георгиевичу и его спутникам пришлось путешествовать на лошадях и по воде. Вот почему путь от Москвы до Иркутска занял 12 дней, участок же от Иркутска до Хабаровска, почти вдвое короче,

занил ровно месяц. Путешественники постоянно сталкивались с недостатком казённых лошадей для перевозки пассажиров и грузов, почтовые станции были не в состоянии «удовлетворить и третьей части предъявляемых к ним требований». Плата за наём «вольных» лошадей за прогон в 20 вёрст оказалась в 50 раз дороже стоимости проезда по железной дороге. Между Сретенском и Хабаровском было паромное сообщение. И тут не обошлось без проблем: из 16 дней, затраченных на путь по Шилке и Амуру, около половины времени путешественники простояли на мелях и в ожиданиях пересадки.

3 сентября 1898 года участники экспедиции прибыли пароходом из Владивостока в бухту Посыета, затем прошли на лошадях до Новокиевска – это был начальный пункт северокорейской экспедиции. Здесь сформировали отдельные партии. Партия, возглавляемая Гариным-Михайловским, должна была исследовать район вулкана Пектусан и верховья реки Амнокганг, а затем идти в Капсан, где планировалось соединение с партией начальника экспедиции Звегинцева.

В группу Михайловского вошли: техник Борминский, десятник Пичников, трое отставных русских солдат, людей бывалых и умевших хорошо обращаться с оружием (на случай столкновения с китайскими разбойниками), и два переводчика с корейского и с китайского. У них было 13 лошадей: восемь верховых и пять вьючных, но багаж, включавший запасы провианта, был настолько велик, что для его перевозки наняли ещё и три арбы с быками.

10 сентября экспедиция двинулась по берегу залива Посыета к Красному селу – последнему населённому пункту на русской территории. 14 сентября на пароме переправились у Красного села через Туманганг и кратчайшим путём направились по корейской территории к верховьям этой реки. Путь пролегал по гористой местности с тесными долинами, в которых попадались корейские деревеньки. 22 сентября партия достигла городка Мусан. 28 сентября, когда начались уже ночные заморозки, путешественники впервые увидели вулкан Пектусан. Уже на следующий день был найден исток Туманганга, который «исчез в маленьком овраге», – там было озеро Понга. Экспедиция установила, что район Пектусана является водоразделом трёх больших рек: Туманганга, Амнокганга и Сунгари, хотя корейцы проводники утверждали, что эти реки

берут начало из озера, расположенного в кратере Пектусана.

Поднявшись на Пектусан, Николай Георгиевич некоторое время любовался расположенным в его кратере озером и стал свидетелем эпизода выброса вулканических газов. На северо-восточном склоне Пектусана он обнаружил истоки двух рек, притоков Сунгари, а в последующие дни – ещё три истока.

Тем временем спутники Гарина-Михайловского во главе с техником Борминским выполнили самую трудную и опасную часть работы: спустились в кратер к озеру с инструментами и разборной лодкой, засняли контур озера, спустили лодку на озеро и замерыли глубины, которые оказались исключительно большими даже близ берега.

Маньчжурские горы

Выбраться из кратера оказалось не просто, лодку и тяжёлые инструменты пришлось бросить. Ближайшую ночь путешественники провели у Пектусана под открытым небом, с реальной опасностью для жизни, так как разыгралась страшная непогода. Однако всё обошлось благополучно.

От Пектусана группа Гарина-Михайловского направились на запад по китайской территории, через район притоков Сунгари. В этих сказочно красивых местах экспедицию выслеживали 40 китайских хунхузов.

Вечером 4 октября путешественники достигли деревни Шанданьон, населённой преимущественно корейцами. Жители, никогда прежде не видевшие европейцев, радушно их встретили и отвели им для ночлега лучшую фанзу. Ночью 5 октября, в начале пятого часа, путешественники проснулись от треска выстрелов: фанзу обстреливали засевшие в лесу хунхузы. Соседняя фанза горела, оставленные на открытом пространстве лошади были под огнём. Дождавшись рассвета, русские перебежали под выстрелами в близлежащий овражек, залегли там и открыли ответный огонь. Наконец, выстрелы из леса прекратились, хунхузы отошли.

Из русских никто не пострадал, но получил смертельное ранение кореец, хозяин фанзы, и пропал один кореец-проводник. Из лошадей две были убиты, две ранены. Поскольку лошадей осталось мало, пришлось бросить почти весь багаж.

В этот день путешественники, чтобы оторваться от возможного преследования, сделали рекордный 19-часовой переход, прошли около 50 вёрст, и к 3 часам ночи 6 октября достигли одного из притоков Амнокганга. Дальнейший путь был уже менее опасен.

Гарин-Михайловский нанял большую плоскодонную лодку с экипажем из четырёх китайцев. Из корейской деревни Таянхан он послал начальнику экспедиции Звегинцеву письмо, в котором сообщил, что ехать в Капсан нет никакой возможности.

9 октября началось путешествие вниз по реке. Из-за наступивших холодов, дождей и ветра снова пришлось терпеть лишения. Большую опасность представляли многочисленные перекаты, крупнейший из которых Гарин-Михайловский описывает как «ревуший водопад», но все они благодаря искусству кормчего-китайца пройдены были успешно. 18 октября путешественники добрались до корейского города Ёйчжу и здесь простились с Кореей.

В своих очерках писатель подчеркнул интеллектуальные и моральные качества корейского народа. За всё время путешествия не было ни одного случая, чтобы кореец не сдержал своего слова или солгал. Повсюду экспедиция встречала тёплое и радужное отношение.

Из китайского порта Сахоу (ныне Аньдун) путь лежал по восточному побережью Ляодунского полуострова и был пройден в китайской двуколке. Вечером 25 октября путешественники достигли первого населённого пункта на полуострове, занятого русскими, – Бицзыво; ещё через двое суток они были в Порт-Артуре. Оттуда через США экспедиция достигла Европы.

Во время путешествия Гарин-Михайловский вёл дневник и технический журнал экспедиции. Он записывал и корейский фольклор: в 1899 году вышел его «Корейские сказки». Итогом экспедиции стали также очерки «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову».

Ольга Григорьева

P.S. Географические названия даны в соответствии с нормами начала XX века

Назвать эти воспоминания «Литературными встречами» было бы, наверное, претенциозно: очень часто речь идёт о мимолётных «касаниях», хотя и о серьёзных контактах тоже. Я был знаком и дружен практически со всеми близкими по возрасту литераторами: чьи-то рассказы иллюстрировал, к чьим-то стихам рисовал заставки, кому-то оформлял книгу...

О б одном живом литераторе я знал с детства; одноклассником моей мамы по школе № 3 г. Ульяновска был рыжий Зорька Пупко, будущий Елизар Мальцев, лауреат Сталинской премии 1949 года за роман «От всего сердца». Мама, активный экскурсовод и краевед, просила Мальцева написать об ульяновском периоде его жизни. Вот фрагмент из большого двухстраничного ответа (28.10.74): «Дорогая Катя!.. Город моей юности, конечно, живёт в моей памяти – мы вместе жили там в те годы, вместе учились в одной школе, потом я работал в местной газете, писал свои беспомощные и слабые рассказы, но был наивен и глуп до такой степени, что не понял главного в то время. Я дружил с местными писателями – Рутько, Троепольским, иногда приезжал из Самары поэт Виктор Багров. Потом их всех троих посадили. Посадили, как сама понимаешь, ни за что, двое из них погибли во тьме сталинских лагерей, вернулся один Рутько, он сейчас живёт и работает в Москве...».

...Напротив нашего густонаселённого дома на ул. Федерации наверху узенького двухэтажного домишки жил тихий, словно бы постоянно задумчивый мой ровесник Вова Рутько, с которым я был дружен. Ходил какой-то глухой слух о его осуждённом то ли отце, то ли старшем брате; чувствовалось, что эта тема ему болезненна, и я не расспрашивал. Теперь знаю из Интернета, что писатель Арсений Иванович Рутько был арестован по ложному обвинению (за «участие в террористической организации»), после реабилитации до переезда в Москву работал в «Ульяновской правде». В 1960-е годы был удостоен Государственной премии «За лучшее произведение для детей и юношества» (повесть «Суд скорый») и ряда других премий. Демобилизовавшись в 1946-м, мой отец продолжил работу в пединституте на физмате, а литфаком руководили два замечательных

Литературные касания

Фото Авсентия Галагозы

А.С. Бунин в редакции «Ульяновской правды»

человека: Григорий Иванович Коновалов и Пётр Сергеевич Бейсов. Именно они воспитали прекрасных поэтов: Благова, Краснова и Пыркова. Навстречу какого-то Нового года (кажется, 1951-го) мои родители были приглашены к Коноваловым. Взяли и меня. За столом я

не был, но доверенная мне комнатка-кабинет сразила огромным количеством книг. Я снимал с полок популярные тогда книги типа «Далеко от Москвы» Ажаева или «Алитет уходит в горы» Семушкина – и все они были с дарственными надписями. Ещё запомнилось, что малыш Коноваловых запросился на горшок – и Григорий Иванович разрешил усадить его прямо перед общим столом, не отлучая от праздника. Мама говорила потом, что за столом были и два студента, два Николая – Благов и Краснов. В 1957-м Коноваловы переехали в Саратов, но дружеское общение с моими родителями не прекратилось. Изредка были короткие письма, была и запечатлённая отцом встреча, на которой Григорий Иванович предстал ещё не обзаведшимся густой бородой.

Супруги Коноваловы и Е.Х. Нецветаева (слева). Саратов. Август 1964 года

Отрывок из письма (12.03.74): «Я на пенсии, но пишу кое-что. В журнале «Москва» читайте мой новый роман «Предел». Сейчас едем с Бетти (женой. – Л.Н.) в ГДР на неделю. Там вышли «Истоки» – вот и позвали в гости...».

Благодаря отцу я познакомился с П.С. Бейсовым и даже дважды изобразил его для сборника Володи Пыркова «Колокола под снегом». В эту книгу вошёл рисунок, где Пётр Сергеевич сидит у костра, к сожалению, спиной к зрителю (рассказ «Неопалимая купина»). Встречались мы и на конференциях ВООПИК (общества охраны памятников истории и культуры). После моего горячего выступления по поводу сноса дома губернатора отец передал мне слова Бейсова: «Предупредите Лёву, что он очень неосторожно выступает».

П.И. Бейсов
в спортлагере
пединститута
на левом
берегу Волги.
Конец 1960-х

В мои студенческие годы, а учился я в Москве, часто проводились литературные вечера с чтением стихов. Запомнился один из них: председательствовал Павел Антокольский, выступала его ученица Бэлла Ахмадулина и кто-то ещё (кажется, Владимир Соколов). В самый разгар вечера появился Евгений Евтушенко, только что прилетевший из Америки. Выступал он и у нас в архитектурном институте, с нажимом продекламировав: «райкомовские сани» в стихотворении «Мёд» (в печати их именовали «расписанными»). Да и выступая в нашем Дворце книги в 1977 году, он прочитал весьма крамольное «В ста верстах от столицы всех надежд...». Я зарисовал его на форзаце библиотечной книжки, потом попросил

поставить под рисунком автограф. А на следующий день мне звонят из «Ульяновской правды»: «Ждём Евтушенко, приходи». Вот это было очень интересно. Помнится, народу было немного, да и комнатка невелика. Расспросы, его ответы – яркие, смелые. Вдруг телефонный звонок, Михаил Андреевич Колодин (редактор «УП») берёт трубку, смущённо выслушивает и тихо отвечает: «Нет, всё хорошо...». Надо было видеть, с какой ненавистью Евтушенко смотрел на эту трубку. Было ясно, что звонили из обкома или из «органов».

Ещё студентом на каникулах я в качестве художника начал контактировать с «Ульяновской правдой» и с «Ульяновским комсомольцем» и, в частности, вместе с безвременно ушедшим другом Геней Ахматовым выполнил рисунки (а я и обложку) для первой книжки очерков редактора «Ульяновского комсомольца» Станислава Романовского «Ломтик солнца» (1963). Скоро он был принят в Союз писателей, а в следующем году ЦК комсомола перевёл Станислава в Москву руководить журналом «Сельская молодёжь». Перед отъездом он попросил меня сделать троечку иллюстраций к его весьма полемичной поэме о комсомольском лидере 1930-х годов Александре Косарева, жертве репрессий. Запомнился «портрет» Берии:

*...Он стлался б ужом,
чтобы юркнуть в доверие,
чтоб вновь полноправным,
всевластным божком;
и под мундиром наркома Берия,
лоснясь, вспучает паучье брюшко.*

Рисунки я сделал, но поэма (возможно, из-за её остроты) так и не вышла. Романовский стал известным детским писателем. Он знал названия всех трав (порадив этим профессора-ботаника), а уж каким заядлым рыбаком он был! Не знаю, кто на кого повлиял, но они с Володей Пырковым и Валерой Антиповым не только бредили рыбалкой, но и прямо в редакции выпускали рукописный журнал «Линь», в котором я порой делал шутейные рисунки.

В обеих наших газетах работали либо активно печатались молодые Володя Пырков, Гена Дёмин, Женя Мельников, Володя Дворянсков, Саша Колесов. Саша Бунин в свои тридцать три года считался уже аксакалом. Я оформил обложку его первого сборника «Стремление». Как-то был у него дома, зарисовывал его портрет. Хранятся у меня и несколько Сашиних фотографий.

Мне очень нравились стихи Володи Пыркова. Уже работая в журнале

«Волга», он попросил меня оформить его книгу стихов и прозы, на что я с радостью согласился. «Ну, Лёва, это ты какое-то чудо сделал. Здорово. У нас говорят, что в таком оформлении ещё ни одна книга не выходила в нашем издательстве», – отозвался Володя 27 февраля 1969 года. А через год – новая просьба: «Мы запланировали издать книжку молодого ульяновского поэта Евгения Мельникова с условным названием «Подземная вода». Стихи интересные для художника, там есть за что уцепиться. Если не возражаешь, я попрошу тебя оформить на 71-й год парочку книг...». Потребовал и мои стихи, которые вошли в сборник «День Волжской поэзии» за 1974 год. Довелось мне сделать рисунки и для второго Володино сборника «Дом на Венце» (1986).

В.И. Пырков
в Усть-Карамане.
1969

Делал я рисунки и к стихам Николая Благова. К его 60-летию «Ульяновская правда» готовила обширную публикацию. Николаю Николаевичу нездоровилось, и я зашёл к нему домой узнать, к каким конкретно стихам сделать рисунки. Не забуду его ответ: «Да ты, чай, сам лучше знаешь...».

Помнится, появился в Гражданпро-екте в помощь архитекторам уже молодой Юрий Грунин, приехавший из Казахстана. Мы с ним сблизились на почве литературы. Я был причастен к стенгазете, и он дал в номер к 8 Марта своё стихотворение. Директор института П.Н. Кузьмин забраковал его за фразу «Моя дочь – чья-то женщина в будущем». «У нас не крепостное право, и нет хозяев!» – настаивал Павел Николаевич. Я пытался с ним спорить, но вскоре Грунин объяснил мне, что был репрессирован, и это многое объясняло. Он мне рассказал: «Директор спросил, читал ли я Солженицына. А я, говорю, не только читал, а в одном лагере с ним сидел». Вскоре по рекомендации Благова рукопись Грунина была запланирована к изданию, но... ему вежливо предложили уволиться, намекнули, что так было рекомендовано свыше. И он уехал в Дзержинск.

Как-то на Пушкинском празднике в Языково я прочитал два или три своих стихотворения из пушкинского цикла. На празднике присутствовал поэт Владимир Семернин, автор очень популярных тогда песен: «Хороши вечера на Оби», «Аист» (в исполнении Кристалинской) и других. В перерыве он нашёл меня и высказал смутившие меня комплименты. Похвала профессионала была неожиданной и очень памятной.

Среди прочих стихов я обратил внимание на талант «Гр. Медведовского», его меткие и остроумные пародии.. Знакомство с Григорием на Пушкинском празднике стало началом нашей дружбы и сотрудничества. Я оформил более дюжины его сборников.

Медведовский свёл меня с Сергеем Чилингаряном (тогда москвичом), и я сочинил обложку для его сборника «Из записных книжек». Позже Сергей приезжал в Ульяновск, жил в моей мастерской, а мои друзья и знакомые взахлёб прочитали и хранят экземпляры раздранной им великолепной повести «Бубка», номинированной в своё время на Буковскую премию.

Держу в руках ксерокопию моего письма кuzине (22.01.09), вот его концовка: «Через час придёт Гриша Медведовский с новой книжкой, изданной в Москве (с моей обложкой), и писателем Геней Дёминым, которому сегодня 70 лет. В их честь я потушил капусту с сосисками и предложу медицинский спирт, который стоял без дела лет пятнадцать»... По аналогии вспоминается, как втроём с Гришей и Женей Мельниковым поминали умершего Бродского и расставляли «оценки» известным поэтам. «Рифмованная проза!» – кричал разгорячённый Женя, когда я заступался за дорогого мне Симонова.

И вот снова воспоминание: Москва, конец пятидесятых. Я раздобыл билет в Дом учёных, где Николай Першин будет читать стихи Симонова (студенты ходили слушать стихи!). Перед началом чтец говорит, что ему особенно приятно присутствие в зале самого Константина Михайловича. Все крутят головами – и вот в углу заднего ряда на пару секунд возникает и скрывается с торопливым поклоном седая стриженная голова со свирепым сверкнувшим взором. Было видно, что он очень не хотел себя обнаруживать и слушать аплодисменты.

Близким моим приятелем был Саша Тихонов, конструктор завода малолинейных двигателей по профессии и литератор в душе. Я оформил его автобиографическую повесть «Лихолетье». Выполнил рисунки и к талантливой

прозе безвременно ушедшего Андрея Безденежных.

На одном из Пушкинских праздников тогдашний секретарь Ульяновского союза писателей Анатолий Наумов попросил меня сводить московских гостей, писателя Н.В. Банникова и его жену, в наш художественный музей. Потом мы пообщались в моей мастерской, а на следующий день, 6 июня, они неожиданно пришли туда с тортом, ещё не зная, что этот день не только Пушкинский, но и мой. В 1991-м Николай Васильевич с Изабеллой Ивановной были на моей выставке в Музее Пушкина и оставили добрые отзывы.

Во второй половине 1980-х в Москве я надолго, вплоть до его кончины в 2013-м, подружился с поэтом Юрием Ивановичем Панкратовым. Его имя прогремело в середине 1950-х в связи с разошедшимся в списках стихотворением «Страна Керосиния», в котором он жёстко и остро предвосхитил выступление Хрущёва о культе личности. Их было двое – юных поэтов, «повернувших» (по словам Р. Маргулиса) литературный руль на 180 градусов: Юрий Панкратов и Иван Харабаров. «Эти двое были нашим откровением. Они писали так, как никто до них, – продолжает Маргулис в статье «Юрий Панкратов и Иван Харабаров». Эти двое были самыми близкими Борису Пастернаку в последние годы его жизни. Неспроста свою запись «Юре Панкратову с добрыми предсказаниями» Пастернак закончил словами: «Основания Вашего вкуса и Ваша смелая, до конца договариваемая искренность – единственный источник настоящего творчества – тому залогом».

Квартира Панкратовых (жена Галина Михайловна – редактор «Роман-газеты») – это сплошная библиотека, а Юрий Иванович – редкий эрудит во всём. Он глубоко знал и понимал живопись, мы с ним бывали и на выставках, и на книжных развалах. Тайно от него я послал подборку его стихов в «Литгазету», они были опубликованы в № 44 за 2012 год. Мне было радостью напомнить читателям о замечательном поэте.

Московский поэт Виктор Федотов стихотворение «Последнее письмо» посвятил моему дяде, Дмитрию Нецветаеву, бывшему для него в годы войны не просто командиром, а примером настоящего человека. Дядя Митя погиб 30 января 1944 года, а через много лет после войны поэт отыскал его родных (моих родителей), они переписывались. В его письме от 16 декабря 1991-го сказано: «Случилось так, что я при всём

желании не смог побывать на выставке Льва Нецветаева» (выставка проходила в Музее А.С. Пушкина).

Ю.И. Панкратов
на выставке Л.Н. Нецветаева
в Музее А.С. Пушкина

Зато мою выставку в этом же музее в феврале 2010-го посетили два больших поэта: Владимир Костров и Юрий Панкратов. Интересна история моего знакомства с Костровым. Я давно любил его стихи, а кое-что помнил наизусть. И вот на праздновании 200-летия Н.М. Языкова в здании Мемориала я вижу на трибуне самого Владимира Андреевича, и у меня в ушах возникает его «Борзая Мондида». В перерыве я подошёл к Владимиру Кострову и процитировал его стихотворение. «Он знает мои стихи!» – воскликнул и бурно оживился Владимир Андреевич. Позже О.Г. Шейпак, возвратясь из Москвы, передавала привет от Кострова – «художнику, который помнит его стихи». Ну мог ли я не пригласить его на свою московскую выставку? Он приехал вместе с женой, Галиной Степановной, и оставил в книге отзывов лестную для меня запись. А через месяц я приезжал забирать работы и на сей раз, зайдя попрощаться с Панкратовыми, побывал у Костровых, ибо живут они в том же доме, лишь в другом подъезде.

Л.Н. Нецветаев
гостях у Костровых.
Март 2010 года

Со многими ныне живущими ульяновскими писателями я общаюсь плотно и регулярно, но обо всех не расскажешь: богата земля Симбирская литературными талантами!

Лев Нецветаев

Ульяновский маршрут

Б.С. Вахнюк
и Л.Н. Лазарев
в Чебоксарах

Издательский Центр УлГУ в конце прошлого года выпустил в свет сборник рассказов и фоторабот известного отечественного фотожурналиста и фотохудожника Леонида Лазарева под названием «Живу дважды». Фотограф, вошедший в число лучших, не только в нашей стране, но и в мире, выступил как автор художественных рассказов.

За многие десятилетия работы в центральных изданиях Л.Н. Лазареву приходилось встречаться и снимать многих известных литераторов. В золотой фонд фотомастера вошёл портрет С.Я. Маршака, снятый незадолго до смерти поэта и переводчика в 1964 году. Чтобы сделать фотопортрет А.Т. Твардовского, фотокорреспонденту зимой 1966 года пришлось несколько часов провести в кабинете главного редактора журнала «Новый мир». Автора Василия Тёркина он благоволил, сидел тихо и ловил каждое движение своего кумира, не нарушая творческого процесса работы над текстом. Л.Н. Лазареву удались изображения Е.И. Евтушенко (1964), А.А. Вознесенского (1978), Р.И. Рождественского (1980), Ю.М. Нагибина (1988).

В 1959 году судьба свела молодого фотографа с писательницей Анной Александровной Караваевой (1883–1979). Он снимал её портрет по заданию журнала «Советская женщина». Так же, как и он, Анна Караваева одно время работала в журнале «Советская женщина». В 1945–1950 годах она была заместителем главного редактора, а затем редактором французского издания этого печатного органа. В 1925 году неутомимая литературная труженица приезжала в Ульяновск. Три года жизни писательницы в Ульяновске отличались продуктивностью, особенно в литературном творчестве. Именно Ульяновск в 1958 году помог Л.Н. Лазареву заявить о себе как о способном и перспективном фотомастере.

Двадцатидвухлетний фотограф перед работой с А.А. Караваевой только что прочитал набиравшую популярность в СССР книгу американского писателя Уилсона Митчелла «Брат мой, враг мой». Ему не терпелось узнать, что думает по поводу этого произведения известная писательница, к тому же очень хотелось блеснуть интеллектом и просто поддержать диалог. Однако вопрос молодого человека вызвал замешательство автора многих литературных трудов. Она сделала паузу, посмотрела на него внимательным взглядом, потом проговорила: «Милый мой, мне бы своё написать». При этом она сделала акцент на словах «милый мой». Диалог с ней он запомнил на всю жизнь и теперь, когда ему задают подобные вопросы, отвечает словами А.А. Караваевой. Он понимает, что напряжённая творческая работа невозможна при распылении внимания, требует сосредоточенности и самоотдачи.

Л.Н. Лазарев сделал две версии портрета писательницы. Один из них демонстрировался на выставках и вошёл в альбом портретов, который выйдет в Москве. Читателям предлагается оценить неизвестный публике портрет писательницы из архива фотожурналиста.

Фотокорреспондент Л.Н. Лазарев по своей профессиональной деятельности имел возможность контактировать, делиться мнением со своими коллегами журналистами. Большинство из них — яркие личности, индивидуальности, прекрасно владеющие пером. Ездил в командировки со знаменитым

23, 24 марта в 20 часов
25 марта в 17 и 20 часов
26, 27 марта в 14, 17 и 20 часов

УСКОММЕНТ—УСКОММЕНТ
Творческий мастерский театральный спектакль
ДВОРЕЦ ДРУЗЬБЫ НАРОДОВ
СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЭСТРАДНО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА

СМЕХОПАНОРАМА,
ИЛИ
ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ!

УЧАСТВУЮТ:
шоу-группы «ВИТАМИН», «ЖУКУРУЗА», «ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ»,
диасмбл пантомимы «ЗНАКИ», балетное трио «ЭКСПРЕССИЯ».
Выступит артист РСФСР **Вячеслав ВОИНАРОВСКИЙ**

Лекторы Высочайших конкурсов артистов эстрады
Илья ОЛЕЖИВКОВ Владимир ГРАНИЦЫН
Татьяна ПОВИЦКАЯ Игорь ШАРОВ
Константин КИСЕЛЕВ Николай ЗЫКОВ
Сергей ЛИТОВСКИХ

Писатели—сатирики, лекторы программ «Золотой телевик»
Леонид РЕЗНИКОВ, Леонид ЛАЗАРЕВ, Игорь ВИНГРАДСКИЙ

Ю.И. Визбором. Со спецкором журнала «Кругозор» Б.С. Вахнюком, который приобретёт известность как поэт, бард, киносценарист, Л.Н. Лазарев приезжал в Ульяновск в декабре 1969 года. Близким другом фотографа по редакции «Кругозора» стал А.И. Гальперин — автор сценария документального фильма «Франция, песня» (1969). Повседневная работа Л.Н. Лазарева в редакции проходила рядом с Е.С. Велтистовым, членом Союза писателей, лауреатом Государственной премии СССР (1982) за кинодраматургию. По его произведениям был снят любимый многими детьми и взрослыми телесериал «Приключения Электроника».

Мастеру светописы приходилось работать с Г.М. Шерговой, К.А. Ревенко, З.А. Межеровой и многими другими людьми, общение с которыми невольно влияло на его образовательный потенциал и литературные способности.

Вместе с Л.М. Резниковым Л.Н. Лазарев, наряду с М.М. Жванецким, становится лауреатом премии «Литературной газеты» за 1986 год. Под рубрикой «Кинозал клуба 12 стульев» на шестнадцатой полосе «Литературной газеты» в разделе фельетонов и юмора друзья опубликовали серии фотофильма «Человек под автомобилем» (первая

Л.М. Резников и Л.Н. Лазарев перед выходом на сцену. 1988

Ю.И. Визбор

Б.Ш. Окуджава и Б.А. Ахмадулина

серия – «Мечте навстречу», вторая «Крах иллюзий»). Его можно было читать и смотреть. После публикации в редакцию буквально посыпались одобрительные письма читателей. Появились новые фотофельетоны. Затем на основе текста к ним создали эстрадный номер. Л.Н. Лазарев в свободное от работы время наряду с известными артистами и писателями-сатириками выступал на сцене как артист разговорного жанра.

Интенсивная фотожурналистская работа не позволяла использовать дар слова в полном объеме. В редакции в шутку предлагали посылать в командировку одного Л.Н. Лазарева, который справится и с написанием текста, и с подготовкой фоторепортажа. Однако он резонно замечал, что текст можно исправить, переписать, а фотографии вновь не снимешь. Фотограф не имеет права на ошибку: состояния и мгновения, достойные всеобщего внимания, не повторяются. Необходимо максимальное сосредоточение интеллектуальной, нравственной, физической энергии фотохудожника, чтобы хотя бы иногда появлялись не просто качественные кадры, но и настоящие шедевры фотоискусства. Ни на что другое сил тогда практически не оставалось.

Теперь время позволяет мастеру фотографии взяться за перо, чтобы уже в рукописи словом выразить то, о чём пытался сказать светом. На страницах сборника, вышедшего в Ульяновске, нашлось место выражению глубоких чувств автора и его размышлениям

о своей жизни, судьбах людей и страны. Содержание повествования имеет автобиографическую основу. Подача материала осуществляется сжато, однако это не помешало его яркости, образности. Хотя в сборник вошла только половина рассказов, написанных Л.Н. Лазаревым, их вполне достаточно, чтобы создать собственное восприятие образа и творческого кредо художника. Рассказы приоткрывают завесу над таинством фотожурналистики и фотоискусства. Однако присутствие автобиографической канвы не даёт повода искать полное сходство с первоисточником. Автор сознательно засекретил подлинные имена героев своих нарративов, минимально использует точные географические названия. Только некоторые персонажи – Ю.А. Гагарин, И.В. Ильинский, Н.И. Сац, И.К. Архипова и другие, пользующиеся его особым уважением, фигурируют в книге под своими фамилиями. В отношении них не допускается художественный вымысел. Кстати сказать, случаи, угрожавшие жизни и здоровью главного героя, органично вписанные в сюжетную канву рассказов, также являются документальными фактами.

Рукописная часть книги дополняется разделом «Светопись», где представлены фотоработы Л.Н. Лазарева. Многие из них, как отмечают специалисты, соответствуют музейному уровню. Фотоотпечатки относятся к разным периодам жизни автора и нашей страны, богаты тематически, выполнены в разных жанрах и стилях. Каждый рассказ

и каждое визуальное изображение являются законченными самостоятельными произведениями. Соединение двух искусств в книге делает её уникальной не только по содержанию, но и по форме подачи материала. Рукописные рассказы, как и светописные, являются своеобразным гимном творчеству и счастью вопреки всем невзгодам и испытаниям. В двух разделах просматриваются различные пласты истории страны, культуры, фотографии и биографии автора. В сборник вошли рассказ и ряд фотоизображений, связанных с городом Ульяновском, определивших творческий взлёт мастера. Ульяновский маршрут Л.Н. Лазарева не исчерпан. Продолжение будет.

Ирина Зубова

Фото Леонида Лазарева

Первый наместник Жадовской пустыни

Иеромонах
Агафангел,
первый
наместник
монастыря.
1997

Фото автора

20 января 1963 года родился отец Агафангел (Александр Семёнов), а 17 ноября 2014 года схиигумен Агафангел, духовный отец многих православных симбирян, отошёл ко Господу. Оборвалась зримая связь с необыкновенным земляком. Всякий раз, бывая в Жадовском монастыре, я навещал отца Агафангела, просил его святых молитв, и он утешал, а я молил Господа о продолжении его земных дней. Батюшка видел насквозь своих духовных чад, но никогда не обижал. Он жалел нас, вразумлял за проступки с отеческой любовью. В последний раз я приехал к батюшке 4 ноября после литургии. Пили чай, говорили обо всём. Было видно, что он очень слаб. Уехал я с большой тревогой на душе, а через несколько дней батюшки не стало.

Предлагаю читателям журнала «Мономах» страницы моей летописи, связанные с схиигуменом Агафангелом.

Нафанаил

Красота храма – состояние души

Я много раз приезжал в обитель, но такого большого количества прихожан, как в праздник Казанской Божией Матери 2008 года, ещё не видел. Уже издалека, с горки, видна была большая толпа, окружившая святой источник. Основная группа паломников приехала на двух больших туристических автобусах накануне. Причастников было около 200 человек. Гости искренне радовались построенному новому храму: завершены наружные работы, начата внутренняя отделка.

Архиепископ Прокл поздравил всех с праздником иконы Казанской Божией Матери и коснулся истории: «...Когда я впервые приехал сюда на кафедру, всё было против нас. И в это трудное время в 1994 году Господь явил чудо в образе Божией Матери. Тогда постановлением

Патриарха и Синода было утверждено решение открыть Жадовскую обитель, и она возродилась из пепла».

Благочинный Псково-Печерского монастыря иеромонах Гавриил Осташкин – родом из села Малая Хомутерь Барышского района. Отца Агафангела он считает своим духовным наставником. «С Божией помощью, – признаётся иеромонах, – я встретил человека, который наставил меня на путь истинный. Благодаря молитвам и наставлениям схиигумена Агафангела Семёнова я сейчас нахожусь в Псково-Печерском монастыре. Он с детства возил меня в Псково-Печерский монастырь и в Троице-Сергиевскую Лавру. А теперь я узнал, что мой первый духовный наставник серьёзно болен, и приехал в Жадовскую обитель. Для меня и утешение, и радость, что мы встретились сейчас в монастыре в этот праздничный день».

Первый наместник Жадовского монастыря схиигумен Агафангел ушёл от руководства обителью в связи с тяжёлой болезнью, а после продолжительного лечения в больнице дал согласие вернуться в монастырь, дабы здесь находиться под постоянным попечением братии. За несколько дней до праздника Казанской Божией Матери Агафангел принял схиму. В праздничный день архиепископ Прокл вручил ему награду: крест с украшениями – и сердечно поблагодарил за усердную и добросовестную службу, за добрые деяния, нелёгкие труды первых лет становления и строительства монастыря.

О человеке «не от мира нашего»

В селе Измайлово по славной традиции крестный ход встречают за селом. Люди выстраиваются в длинную

ровную ниточку, встают на колени, склоняют свои головы перед святынями и проходят под ними. Такая трогательная картина навела меня на мысль, что сугубо покаянное отношение местного населения к святому образу Божией Матери не случайно – это ведь родина отца Агафангела.

Во время крестного хода в 2011 году в Измайлово ко мне подошла женщина – Татьяна Владимировна Дмитриева, учительница математики. Разговорились. Оказалось, что она одноклассница отца Агафангела. Попросил её рассказать о нём.

«Он и тогда был не от мира сего. У него сильно болела мама, и Саша (так его звали) посвятил себя ей. Отец от них ушёл. В семье было два брата, Саша – старший, а младший был непутёвый. Саша содержал скотину, ездил в город за лекарствами для мамы. До сих пор удивляюсь, как он, мальчишка, смог ухаживать за больной матерью? Она ведь вообще обезножила. Он до последнего дня был рядом и похоронил её сам. А десятилетку окончил. Саша был застенчивым, все свои боли держал в себе. Добрый, жертвенный, улыбчивый. Мы общались, вместе ходили кататься на горку, на каток. Каток был прямо здесь, на этой поляне, где теперь строится храм, который, мы знаем, выхлопотал для нас отец Агафангел».

Мы стояли с Татьяной Владимировной на краю большой поляны, заросшей высокими стройными берёзами, среди которых уютно расположился деревянный Казанский храм, перевезённый из Жадовского монастыря. Когда в монастыре был поставлен первый каменный храм, Казанскую церковь разобрали и привезли на родину первого наместника в село Измайлово. Она прекрасно вписалась в природный пейзаж, как будто вышла из доброй сказки...

Как всё начиналось

Это была одна из моих встреч с батюшкой. Жил он тогда в келье монастыря. Я спросил, как всё начиналось и что за явления святых икон на внешних стенах обители видели люди в 1991 году. Отец Агафангел признался, что видел их своими глазами.

– Они были будто из света сделаны и держались довольно долго, несколько дней. Когда нам сообщили, мы приехали и обомлели. Икона Божией Матери уже бледнеть стала. Сначала думали, что свет кто-то включает и даже ходили ночью на станцию смотреть, в чём дело. Я тогда ещё не был священником,

приехал сюда с отцом Игорем молебен служить. А увидели эти проявившиеся лики Спасителя и Богородицы первыми трое мальчишек – они играли на току. Увидев, побежали, сказали по пути кому-то, и люди пошли... Многие это видели. Решили, что это благоволение Божие: нужно возрождать монастырь. А как? На месте монастыря ничего не было. В одном корпусе на втором этаже администрация сельская была, внизу – магазин. Вместо храма был ток, во всех стенах – сплошные дыры. В конце концов, нам отдали верхний этаж, где была администрация. Одну большую келью мы перегородили, сделали «алтарик». Соорудили небольшой престол, иконки старенькие повесили, начали молиться. В соседней келье братская была, там мы спали, и одна келья – трапезная. Вот так жили, и слава Богу. У нас, знаете, такие чудеса происходили. На этом престольчике и перед иконой Казанской Божией Матери ещё была икона Спасителя прострелянная. Её потом отреставрировали, она сейчас в храме. Перед этими иконами сами зажигались лампадки. Потушим их, все уйдём, утром приходим: горят лампадки. И так продолжалось довольно долго...

Потом нам подарили два сруба. Один сруб привезли из Павловки – председатель подарил. Второй сруб сам владыка Прокл подарил. Вот из этих срубов и сделали нашу первую деревянную церковь. Владыка часто приезжал. Первую Литургию служили под открытым небом на улице. На току был сарай, мы затащили его материалом, поставили две иконочки, аналой, подсвечники, архиепископу кафедру поставили. Бедный владыка – такая жара была! Мы-то все под навес спрятались, а он на жаре...

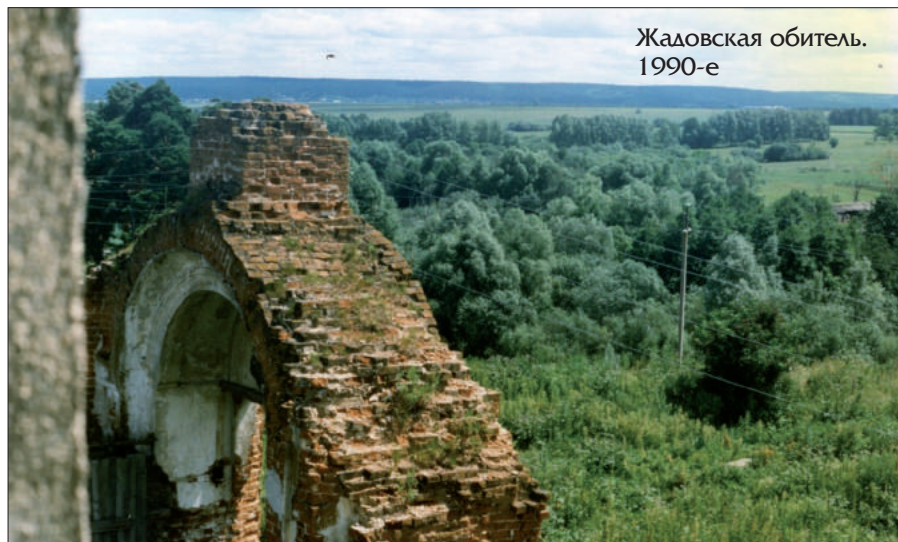
После меня наместником стал отец Филарет. Мне пришлось уйти по болезни. Я уже не мог тянуть монастырь...

Я не удержался, спросил батюшку, как он сам считает: его болезнь – не случайна? Вот что он тогда ответил: «Чем больше делаешь добрых дел, тем больше враг мешает. Вы думаете: так просто святое место до такой степени загадить, а потом опять восстановить? Здесь было отделение учхоза. А в храме – и прачечная, и склад, и ремонтная мастерская. В этих заброшенных домах устраивались пьянки – чего только не было! Враг, как мог, надругался над этим местом. Но и этого мало было врагу – не хотел отдавать этого места, когда мы задумали восстанавливать обитель. Я был первым насельником, и война против меня открылась. Враг чуть ли не в явь являлся... Волосы дыбом вставали...».

Последняя встреча

Мы сидим в келье батюшки Агафангела, за окном слышится, как размеренно и протяжно бьёт колокол: «не забудь, помни, мы молимся...». Владыка Прокл лично попросил схиигумена, чтобы он позволил мне записать нашу беседу на видеокамеру. Батюшка согласился, но при условии, что запись не будет использоваться для широкой огласки, а останется для истории обители. Отцу Агафангелу трудно долго сидеть, он устал, но рассказывает.

– Когда мы начали строить храм, владыка сказал: постройтесь – верну икону. А икона была тогда уже у владыки Прокла: отец Николай Шитов её передал. И вот, наконец, мы возвели храм, поставили на окна решётки, и владыка

Жадовская обитель.
1990-е

Фото автора

привёз чудотворную икону Казанской Божией Матери. Радости, конечно, было безмерно! Теперь она на месте... Матушка наша родная...

Я знал, что отец Агафангел был крестником отца Виссариона, иеромонаха, служившего при архимандрите Каллисте, и спросил у батюшки про архимандрита Виссариона, постриженника здешнего монастыря.

— Он отсидел в тюрьмах и лагерях за веру. Вернулся — ему прописаться не дают. Он, бедный, и скитался без паспорта. То у одного верующего поживёт, то у другого. Рассказал он однажды такой случай: «Вот наш монастырь гонят по Сибири, а навстречу нам — монахи другого монастыря. Смотрю: взяли под руки два конвоира схимника и ведут. И вдруг от него столб огненный до неба взошёл! Мы все кинулись к нему благословиться... Кто-то успел, а на кого-то собак спустили, штыки наставили. А его тут же в кусты увели и застрелили. Вот как было. Хотя не всем дано видеть столб огненный от мученика, но солдаты поняли, когда народ к нему побежал».

Архимандрит Виссарион доживал свой век в нашем посёлке Измайлово — я ещё ребёнком был, когда он умер. Ох, какой у него был взгляд! Мы бегаем, играем, а то и ругаемся. Он выйдет с клюшкой, в подряснике, носочках белых шерстяных вязаных, как глянет — сразу тишина. Будто тебя насквозь видит. Прошли годы, и вдруг мне его племянница говорит: «Батюшка, ты приедь к нам, после Виссариона остался ящик». Ящик я забрал, стоит он теперь у нас в алтаре старого храма.

Рассказал мне батюшка о последних монахах Жадовской обители.

— Здесь недалеко в Ушаковке жила такая тётя Зина Чекушкина. Её мама была прачкой в монастыре, а Зина пела. Она помнила многих последних монахов. Говорила, что когда начались гонения на церковь, из городских монастырей монахи начали переезжать вот в такие, глухие, как наш. Так здесь собралось человек двести монахов. А потом и их забрали. А самых старых и немощных монахов просто выгнали из монастыря. И один из таких жил в бане у тёти Зины Чекушкиной. Если в администрации узнавали, что кто-то пустил монаха или священника пожить, то тут же приезжали с ОГПУ и раскулачивали этих людей. Вот потому они и прятали его в бане. А потом ещё два-три монаха жили близ Казанского источника в Барановке. Сделали земляночку там. Со Славкина несколько людей носили им еду. Они и

умерли там, а последний из них ушёл в Кузнецк. Я ещё помню дедушку одного, который, будучи мальчишкой, носил еду им. Покойный Василий Аверьянович, долгожитель местный, говорил, и бабушка Варвара рассказывала, что у них там была подземная церковь своя. В предании есть, что последний монах её запечатал, а потом сказал: «Время придёт — найдёте, а для поругания я её не отдам», — и ушёл оттуда.

Праздник Казанской Божией Матери в Жадовском монастыре.
4 ноября 2014 года

В Жадовке жила баба Сима, Серафима — дочь последнего секретаря епархии отца Михаила. Ему тогда сказал тогдашний владыка, ещё до закрытия нашей епархии: ты найди себе глухую-глухую деревеньку и иди служить туда. Вот он и нашёл деревню, переехал туда и там служил. Но всё-таки его достали, где-то в поезде убили. Знаете, здесь такое давление на них было, как нигде. Баба Сима умерла в доме престарелых у отца Игоря (настоятель Троицкого храма в Барыше отец Игорь (Ваховский) содержал на церковные средства два дома для престарелых). Помню её, как она, увидев нас, улыбалась, говорила: «Вот попята пришли, вот попята пришли...». Её дедушка был братом здешнего иеромонаха Ильи, который всё время ходил с крестным ходом в Симбирск с Чудотворной иконой Казанской Жадовской иконой Божией Матери.

Потом здесь в Жадовке жила бабушка Шура Вронская, которая тоже помнила монастырь. Её брат родной принял постриг после революции. Служил псаломщиком в Павловке. Как ни требовали власти, чтобы он отрёкся от Бога, — ничего у них не получилось. В их роду очень много таких. Была у них в роду Настенька. Жила в скиту. Её волк возил на спине в Жадовский монастырь на службу. Она два раза в год приезжала к нам причащаться, причём всегда на волке. Он её до околицы дотянет по снегу (снега тогда огромные были), она ему пальчиком погрозит — он сидит, ждёт её. Она — на службу... Настенька

всегда заходила к бабушке тёте Шуре Вронской. Хорошая бабушка была. Она часто ездила в Хвалынский, там до революции жил в скиту на горе схиигумен Дорофей, и были у него три иеромонаха и монах. Монах был, дай Бог памяти, Никон. А иеромонахи — Азарий и Мисаил. Вокруг дома сад у него был, яблочный, и посылал он Никона продавать яблоки: на что-то жить надо было. Вот он поедет торговать яблоками: у него там два пуда, а он их за пуд отдаёт. И девчонкам всегда говорил: «Вот, девчонки, когда что-то продаёте, вы понемножку добавляйте, подкладывайте — отдавайте больше. За жизнь, знаете, сколько набегит! Тайная милостыня!» Рассказывала тётя Шура: «Один раз ночью отец Дорофей нас будит: умойтесь, оденьтесь в платочки, пойдёте, я вам покажу, как праведник умирает. Подвёл нас к окошечку кельи. Сам внутрь зашёл. И вот они видят: на коленях перед иконами стоит монах Никон, молится. В самом же домике «Херувимскую» поют, а по всей келье свет излучается. Так умирал монах отец Никон. И другие монахи, как отец Дорофей (у него нижняя челюсть раздроблена была, ходил в схиме, потом его сослали, и он погиб), много страдали, мученической смертью умерли. А мы что? Так, плевок у них под ногами... Помню, когда Иоанн Крестьянкин умирал, собралась вся братия монастыря вокруг него... Батюшка тяжело вздыхает, долго-долго молчит, опять тяжело вздыхает. Я затаился и отчаянно боюсь нарушить его переживания. И молюсь, молюсь за него: дай Бог ему сил продолжать бороться и своим примером продолжать давать нам негасимую искру веры, надежды и любви... Лежит он на козечке. Наместник и братия просят его: «Батюшка, ты напоследок скажи нам что-нибудь». Он одного из них подозвал и так ему шёпотом говорит: «Игумена не осуждайте». А потом другого зовёт: «И любовь имейте». Вот и всё. «Кого мы можем судить? Все люди хороши. Кто-то из нас думает так, а кто-то не так. У кого-то правда такая, у другого своя. ...Мне самому-то остались год и неделя... Вот так».

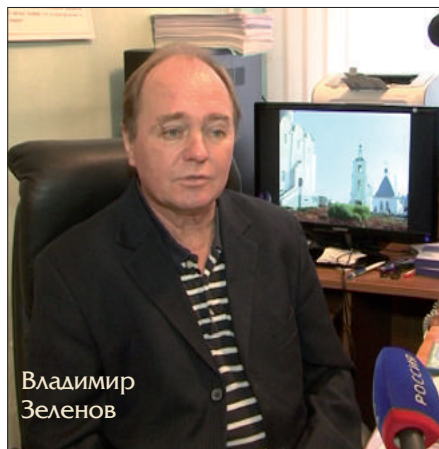
И тут, как только батюшка произнёс последние слова, в моей видеокамере, стоявшей на штативе, закончилась лента на кассете. У меня аж мороз по коже пробежал: совпадение или благоволение свыше? Запись этого моего удивления сохранилась на диктофоне: слышно, как после слов схиигумена вдруг запищала выключившаяся камера и раздался мой изумлённый возглас...

С чего начинается Родина?

Имидж любого региона формируется не только действиями и политикой местных властей, но и показателями активности граждан, проживающих в области, их участием во всероссийских, межрегиональных и международных конкурсах. Наверное, у каждого ульяновца радостно ёкает сердце, когда он слышит имена земляков в теле- и радиоэфирах всероссийских программ. Сегодня мы пополним виртуальную «чашу гордости» за родной край и расскажем о некоторых победах, завоёванных нашими коллегами-журналистами из Ульяновска ГТРК «Волга» и их подрастающей сменой – учащимися области.

В конце сентября 2014 года шеф-редактор ГТРК «Волга» Владимир Зеленов завоевал Специальный приз Всероссийского фестиваля «Человек и вера». Он представил на конкурс в Тобольске фильм «Хранители веры», посвящённый 300-летию Жадовского мужского монастыря.

Владимир
Зеленов

В фильм вошли и последнее интервью митрополита Симбирского и Ново-спасского Прокла, и уникальные кадры освидетельствования чудотворной Жадовской иконы Казанской Божией Матери... Получилось так, что через 10 дней после смерти Прокла Владимир Зеленов оказался в селе Оськино Вешкаймского района, в доме архимандрита Адриана, последнего хранителя Жадовской иконы, нашёл уникальные любительские съёмки 1997 года. Члены жюри фестиваля рассмотрели более 200 работ со всей страны. В финал было отобрано 40. Призом для Владимира Зеленова за победу на всероссийском фестивале стал заказанный специально для этого события ковёр с символикой фестиваля.

В октябре 2014 года, уже в тринадцатый раз, были подведены итоги Всероссийского конкурса на лучшее освещение в СМИ темы патриотического

воспитания «Патриот России». Он традиционно проводится Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям при участии Министерства обороны РФ и Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве РФ и поддерживается Союзом журналистов России. На федеральный этап конкурса поступило более 3300 журналистских работ от 525 СМИ из 69 субъектов РФ.

В краеведческой номинации «С чего начинается Родина?» (категория «Радио») в число призёров наряду с передачами московского радио «Звезда» и ГТРК «Чита» вышла цикловая радиопередача ГТРК «Волга» «Фронтальная реликвия». Её бессменный автор радиожурналист, член Ульяновского областного совета ветеранов войны, труда, Вооружённых сил и правоохранительных органов Ульяновской области Лидия Берч представляла на конкурс выпуски по теме «Симбирская

губерния и Первая мировая война». Они основаны на исследовательской и выставочной работе ульяновских краеведов и музеев по этой теме.

Не отстают от взрослых журналистов и школьники Ульяновска и области. Они активно участвуют в ежегодном конкурсе «Лучший урок письма», организуемом Почтой России. Конкурс был задуман, чтобы возродить традиции эпистолярного жанра, обратить внимание детей на ценности родного языка. Лучшие конкурсные работы прошлого года вошли в книгу «С чего начинается Родина?»

23 октября 2014 года награждались финалисты уже 12-го Всероссийского конкурса, в котором приняли участие 100 тысяч детей из 82 регионов страны. В преддверии 70-летия Великой Победы главной темой стала номинация «Победы родное лицо». В 10 номинациях конкурса организаторы не раз в качестве лучших работ выделяли работы ульяновских школьников. Лауреатом в номинации «Есть такая профессия – родину защищать» стал Георгий Артюшин из Патрикеевской школы им. полковника Э.В. Сухарецкого. Третье место в номинации «Олимпийцы среди нас» заняла Ксения Якунина из ульяновской гимназии № 30, а лауреатом в этой же номинации стала Алёна Радченко, занимающаяся журналистикой в Вешкаймском центре дополнительного образования детей. Почётное третье место в номинации «Человек, которому я верю» заняла Анастасия Гусенкова из ульяновской школы № 57, а дипломом лауреата в номинации «Как я понимаю слова «творить добро»» жюри конкурса наградило работу Владислава Кошелева из той же школы.

Не только SMS-сообщения умеют писать современные школьники. Они пишут такие письма, которые удостоиваются высоких всероссийских наград!

Лидия
Берч